Butch

дневник артиста

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Бучч (Елена Погребижская) — яркое явление российской рок-музыки. Ее песни стали гимном свободы и жажды жизни для тысяч молодых людей. В прошлом талантливая журналистка Первого канала, не раз побывавшая в горячих точках, Бучч переосмысливает в песнях свой жизненный опыт.

Первая книга певицы с большим юмором и самоиронией рассказывает о реалиях российского шоу-бизнеса. «Дневник артиста» — это своеобразный путеводитель для всех, кому интересна русская музыка и ее «закулисье». Это книга о том, какие трудности приходится преодолевать музыканту, чтобы найти свою дорогу к слушателю. И о том, как стать звездой.

- Елена Погребижская (Butch)
  - -
  - 2003
    - 14 февраля 2003 года
    - 16 февраля 2003 года
    - 20 февраля 2003 года, 3 часа ночи
    - 22 февраля 2003 года
    - 23 февраля 2003 года
    - 24 февраля 2003 года
    - 25 февраля 2003 года
    - 25 февраля 2003 года
    - 27 февраля 2003 года
    - 1 марта 2003 года
    - 2 марта 2003 года
    - 7 марта 2003 года
    - 8 марта 2003 года
    - 9 марта 2003 года
    - 10 марта 2003 года
    - 20 марта 2003 года
    - 3 апреля 2003 года
    - 4 апреля 2003 года
    - 8 апреля 2003 года
    - 12 апреля 2003 года
    - 14 апреля 2003 года
    - 16 апреля 2003 года
    - 18 апреля 2003 года
    - 23 апреля 2003 года
    - 26 апреля 2003 года
    - 29 апреля 2003 года

- 9 мая 2003 года
- 2 июня 2003 года
- 3 июня 2003 года
- 4 июня 2003 года
- 5 июня 2003 года
- 30 июля 2003 года
- 14 августа 2003 года
- 20 августа 2003 года
- 11 сентября 2003 года
- 15 сентября 2003 года
- 20 октября 2003 года
- 21 октября 2003 года
- 26 октября 2003 года
- 8 ноября 2003 года
- 11 ноября 2003 года
- 12 ноября 2003 года
- 14 ноября 2003 года
- 18 ноября 2003 года
- 20 ноября 2003 года
- 24 ноября 2003 года
- 25 ноября 2003 года
- 26 ноября 2003 года
- 29 ноября 2003 года
- 2 декабря 2003 года
- 3 декабря 2003 года
- 5 декабря 2003 года
- 9 декабря 2003 года
- 10 декабря 2003 года
- 11 декабря 2003 года
- 15 декабря 2003 года
- 17 декабря 2003 года
- 19 декабря 2003 года
- 22 декабря 2003 года
- 25 декабря 2003 года
- 27 декабря 2003 года
- 30 декабря 2003 года

○ 2004

- 1 января 2004 года
- 7 января 2004 года
- 9 января 2004 года
- 11 января 2004 года
- 12 января 2004 года
- 15 января 2004 года
- 18 января 2004 года

- 1 февраля 2004 года
- 2 февраля 2004 года
- 14 февраля 2004 года
- 17 февраля 2004 года
- 19 февраля 2004 года
- 20 февраля 2004 года
- 21 февраля 2004 года
- 22 февраля 2004 года
- 24 февраля 2004 года
- 26 февраля 2004 года
- 1 марта 2004 года
- 2 марта 2004 года
- 3 марта 2004 года
- 4 марта 2004 года
- 5 марта 2004 года
- 6 марта 2004 года
- 8 марта 2004 года
- 10 марта 2004 года
- 19 марта 2004 года
- 20 марта 2004 года
- 21 марта 2004 года
- 22 марта 2004 года
- 25 марта 2004 года
- 26 марта 2004 года
- 28 марта 2004 года
- 29 марта 2004 года
- 30 марта 2004 года
- 31 марта 2004 года
- 6 апреля 2004 года
- 8 апреля 2004 года
- 9 апреля 2004 года
- 11 апреля 2004 года
- 13 апреля 2004 года
- 16 апреля 2004 года
- 17 апреля 2004 года
- 18 апреля 2004 года
- 21 апреля 2004 года
- 22 апреля 2004 года
- 23 апреля 2004 года
- 24 апреля 2004 года
- 26 апреля 2004 года
- 30 апреля 2004 года
- 12 мая 2004 года
- 14 мая 2004 года

- 27 мая 2004 года
- 30 мая 2004 года
- 1 июня 2004 года
- 5 июня 2004 года
- 7 июня 2004 года
- 12 июня 2004 года
- 13 июня 2004 года
- 14 июня 2004 года
- 16 июня 2004 года
- 18 июня 2004 года
- 24 июня 2004 года
- 26 июня 2004 года
- 30 июня 2004 года
- 4 июля 2004 года
- 6 июля 2004 года
- 8 июля 2004 года
- 10 июля 2004 года
- 12 июля 2004 года
- 13 июля 2004 года
- 14 июля 2004 года
- 17 июля 2004 года
- 18 июля 2004 года
- 21 июля 2004 года
- 22 июля 2004 года
- 24 июля 2004 года
- 28 июля 2004 года
- 30 июля 2004 года
- 7 августа 2004 года
- 9 августа 2004 года
- 10 августа 2004 года
- 12 августа 2004 года
- 13 августа 2004 года
- 18 августа 2004 года
- 21 августа 2004 года
- 22 августа 2004 года
- 24 августа 2004 года
- 5 сентября 2004 года
- 9 сентября 2004 года
- 10 сентября 2004 года
- 11 сентября 2004 года
- 13 сентября 2004 года
- 14 сентября 2004 года
- 14 сентября 2004 года, вечер
- 15 сентября 2004 года

        - 17 сентября 2004 года
        - 25 сентября 2004 года
        - 28 сентября 2004 года
        - 29 сентября 2004 года
        - 30 сентября 2004 года
        - 6 октября 2004 года
        - 11 октября 2004 года
        - 14 октября 2004 года
        - 18 октября 2004 года
        - 20 октября 2004 года
        - 22 октября 2004 года
        - 23 октября 2004 года
        - 24 октября 2004 года
        - 28 октября 2004 года
        - 29 октября 2004 года
        - 31 октября 2004 года
        - 1 ноября 2004 года
        - 4 ноября 2004 года
        - 5 ноября 2004 года
        - 6 ноября 2004 года
        - 7 ноября 2004 года
        - 9 ноября 2004 года
        - 10 ноября 2004 года
        - 16 ноября 2004 года
        - 20 ноября 2004 года
        - 24 ноября 2004 года
        - 29 ноября 2004 года
        - 30 ноября 2004 года
        - 1 декабря 2004 года
        - 5 декабря 2004 года
        - 8 декабря 2004 года
    - 2005
        - 16 февраля 2005 года
        - 10 марта 2005 года
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4

Елена Погребижская (Butch)
Дневник артиста

-

Я все время сравниваю российский шоу-бизнес с зыбучими песками — вот только что ты стоял на твердой почве и горделиво возвышался, как уже засосало. Искусство преодоления зыбучих песков — это и есть дневник артиста.

Сначала мне показалось, что надо написать мемуары — дескать, так и так, «единственное, что помню из первого класса — это большую угольную кучу за окном…». А потом думаю: нет, рано мемуары. Вряд ли у меня выйдет такой основательный труд. Зато я точно знаю, как обстоит дело сейчас. И хотя это «сейчас» занимает всего несколько лет, оно и есть содержание дневника.

Вот у нас вышел второй альбом. Это не вершина успеха и не двадцать пять лет творческой деятельности. А мне кажется, что прошла целая жизнь. Я перечитываю страницы своего дневника и понимаю, что то восприятие мира, которое было у меня тогда, больше никогда не возвратится. Как будто за три года наступила неминуемая взрослость.

Я встаю не рано и не поздно, часов в девять. Потом пишу что-нибудь на компьютере — нужный текст или кусочек в недописанную песню. Потом я могу отправиться в спортзал. Почему? Потому что артист — это работа не только лицом, но и телом, и неумытый рокер с грязными волосами и в джинсах, в которых он, может быть, спал, уже давно не пример для подражания. Потом мы едем с моим директором Олей на какую-нибудь встречу, или в звукозаписывающую компанию, или куда-нибудь еще. Вечером у меня может быть репетиция — это часа три прекрасной работы. После я приезжаю домой и читаю что-нибудь или смотрю кино. Пока моя жизнь не наполнена охраной и лимузинами. Правда, стена возле моего дома исписана, как положено, а на домашний телефон регулярно звонят и молчат или, что еще хуже, требуют разговора. Так что, хотя слава и не всемирна, уже можно представить, что бывает, когда ее много.

25 февраля 2005 года

Только что мы съездили в **Таллин**.

Приехав утром, пошли гулять по старому городу. Над нами висела серая, совершенно питерская, хмарь, поэтому настроение сразу стало вдумчивым. Поколесив

положенное между Ратушной площадью и лавками местных сувениров, мы решили больше не гулять.

Клуб, в котором мы выступали, находился как раз в Старом городе. К моменту выступления в зале было так накурено и душно, что капало с потолка. Не было никакой охраны, поэтому девушка с партийной кличкой Эволюция — и почему так людей называют? — постоянно норовила упасть гитаристу Вове Хоружему в приборы. (Потом Вова признался, что с трудом отдавался на концерте чувствам, ибо был вынужден поглядывать, не рухнет ли девушка в его примочки.) Передо мной на сцене кто-то сидел по-хозяйски и курил. Все мониторы были уставлены пивом.

Мы зажгли. С потолка капало. Публика прыгала, иногда наваливалась на нас, но не слишком. На экране за нашими спинами лихая футбольная команда забивала голы — это шли ролики спонсора. Временами публика беспричинно смеялась. Это, как мне потом объяснили, когда какой-нибудь фрагмент видео про футбол совпадал с текстами песен. После концерта в гримерку заходили возбужденные люди и сообщали, что в зале пребывали члены знаменитой группы «Браво». Вскоре пришли барабанщик «Браво» Паша Кузин и их басист Дима Ашман. Оба не вязали лыка, но в разной степени. Паша не вязал больше, поэтому Дима ему все время говорил: «Ты без меня по лестнице не спускайся». Но Паша смело ушел один. Звука падающего тела мы не услышали. Все обошлось. Хотя они были очень пьяные, конечно. Для нас же организаторы так и не проставились, поэтому пацаны были вынуждены после концерта (а по Москве было четыре утра!) оторвать от сердца подарок любимой девушке кого-то из них, бутыль ликера «Вана Таллинн», и употребить его — чтобы спалось.

На следующий день мы уезжали в Москву. На перроне оказалось, что едем в одном вагоне с группой «Браво». Мы сразу поняли, чем это пахнет. Пахло спиртным. Они все время заходили в наше купе. Их мультиинструменталист по кличке Шаурма показал под носком на ноге татуировку в виде морского конька. «Прикинь, — говорит, — у него спираль не в ту сторону. Вадик мне вместо конька доллар, получается, наколол». Потом он рассказал, как в восемьдесят каком-то году арестовали их всех и дочку шведского дипломата Ивонну

Андерс, за которую выдавала себя Агузарова, и еще про то, как ее сослали. Потом пришел Паша Кузин, принес свой новый фотоаппарат и всех сфотографировал. Потом пришел Дима Ашман, принес «Егермайстер» в зеленой бутылке. Потом пришел Шаурма — он забыл пиджак. Потом пришел Паша Кузин и рассказал, как на одном «заказнике» у бандита пожелал тому за столом в качестве тоста киллера-мазилу. «Сразу, — говорит, — повисла тишина. Я всю жизнь вспомнил, ничего, думаю, сорок два года пожил. Но все потихоньку засмеялись. Я уже понял — отлегло». Потом пришел звукорежиссер «Браво» Коля. Потом все уходили и приходили еще раз пятнадцать. Потом мы сделали намек. Они вернулись еще только один раз и забрали-таки свою бутылку «Егермайстера».

Мы приехали в Москву. Лежал снег. Наступила, наконец, зима.

2003

14 февраля 2003 года

Киев. Это была поездка, похожая на сон с высокой температурой. Две бессонные ночи, три концерта, два саундчека[1], десяток интервью, две телепередачи и один ночной радиоэфир. Зачем мне все это надо? Затем, что это такая работа.

В детстве меня часто посещала мысль: а если люди узнают, что я на самом деле думаю, они отвернутся от меня?

Москва. Сейчас была передача «Разум и чувства» по MTV. Блин, из меня вырезали все, что было интересного. Прикольного осталось только то, что кто-то (это у меня такая манера — говорить о себе в третьем лице, когда мне не нравится, что я делаю: «кто-то не вымыл посуду», «кто-то тайком курил» и т. д.) держал все время пальцы на шее и ими поворачивал голову, как механизм. Это потому, что шея у меня была жестоко продута. Мне потом даже их редактор сказал: «Ну что же вы, зачем же вы пальцами всю дорогу шею держали?» — «А это, — говорю, — такая фишка новая». — «А-а-а…» — с уважением сказал редактор.

Через час мне звонить Мише Козыреву — программному директору «Нашего радио», которое нужно нам, как воздух, потому что через него нас слышат наши поклонники.

Миша сказал, что ему удобно после полуночи. («Ну че, как тебе наш альбом?» — «Щас не могу сказать, приехал Боря Гребенщиков со своим новым альбомом на два дня, а ты ж никуда не денешься, перезвони завтра».) Разговор был вчера, потому завтра — это уже сегодня. Типа наступило.

Никак не могу понять, почему меня вечно пристегивают то к Земфире, то к «Ночным снайперам». Потому что публике так хочется или все надо ко всему клеить? И те и эти мне хоть и симпатичны, но совершенно, совершенно безразличны. Даже как-то странно. Последнее время стали заваливать письмами с вопросами о том, что я думаю про Сурганову, а ведь я ничего специально про нее не думаю. Она замечательный человек, но я же не фанат. Или люди считают, что я — это они, только далеко? Ну, как маленький ребенок думает, что если он спит, значит, весь мир спит. Типа, если Ане, Пете, Оле нравятся эти группы и эти люди, значит, и я от них тащусь. «Ты в курсе, что 9 марта концерт Светы Сургановой?» — сказали мне. «И что?» — говорю я. «А то. Понятно же, что».

«Друг Бучч, а ты смотрела фильм «Поговори с ней»?» — «Да, и что?» — «Так вот, наша интернет-переписка, — пишет мне человек, — больше всего похожа на этот фильм. Я, — пишет чел, — санитар Бениньо, а ты Алисия, которая в коме. Я тебе все

рассказываю про свою жизнь, а ты молчишь. Я тебе: вот я ходила в кино, вот какой фильм, а вот еще у нас в общаге электрик злобный, и девушка есть китаянка в группе и т. д., а ты — тишина… Спасибо за письмо, мол, Бучч. Типа, — пишет она мне, — выйди из комы и пиши мне письма в ответ по-человечески». — «Извини, — говорю, — не буду, друг Бениньо, потому как не могу описывать, что внутри происходит, когда в день от тридцати писем». Я, наверное, вообще сверну почтовый ящик на фиг, завалило.

16 февраля 2003 года

Происходят тектонические сдвиги и глобальные внутренние сотрясения. Где я окажусь через месяц?

Смешно, но я и правда запоминаю лица в зале, помню лица в Волгограде, помню лица в Киеве, в Москве. Зачем?

И вот уже месяц, как я ем мясо. Настоящее мясо для вегетарианца с пятилетним стажем. Очевидно, становлюсь хищником все-таки. Нет, мама, только не это, я же добрый и травоядный зверь, а? Неубедительно как-то прозвучало…

Про город Киев. Кто сказал, что это юг? Там, елки, минус десять, по-моему.

Завтра у меня съемки на «Дарьял-ТВ». Если окажется какой-нибудь отстой, мне потом будет стыдно. На сайте не повесим информацию. На всякий случай — вдруг отстой.

Довелось побывать на сайте Эминема. Там форум смешной, еще смешнее нашего. Кто-то пишет: «Приколись, а я видел вчера Эма в баре «Фламинго» с какими-то белыми обезьянами». А ему отвечают: «Не хочу тебя расстраивать, чувак, но Эм и сам белая обезьяна».

На сайте Лещенко мне ужасно понравилось. Хорошо мне там было.

Сегодня, спустя три года, довелось сходить к моей первой преподавательнице вокала. Нина Ивановна говорит, мол, знаешь, ко мне мальчик такой хороший заниматься ходит, из группы «Тараканы»… Нина Ивановна, божий одуванчик о семидесяти с гаком годах — и матерый панк. Наверное, у него ирокез на голове. Представить только: она его учит, а он поет, положив одну руку на рояль.

20 февраля 2003 года, 3 часа ночи

Опять ночной разговор с Козыревым. «Миша, сколько ты спишь?» — «Часов пять, мне хватает». Думаю: вот, блин, а мне восьми никогда не хватает, и завтра мы меня точно не найдем, потому что я с тобой разговариваю так поздно. «У вас хороший альбом. Я даже не думал, что так хорошо получится. Такой был сильный замах». «Подожди, Миша, — говорю, — я тебя конспектирую. Сильный замах… угу…» — «Ну вот, — продолжает он, — и вам нужна песня-паровоз…»

Наш паровоз, вперед лети, в коммуне остановка… Тут меня в чате спросили, знаю ли я в Москве сквоты[2]. Не-а, не знаю. Я вообще не человек коммуны.

Съемки на «Дарьял-ТВ». Как-то у них там все любопытно. Ведущий сам себя гримирует, потому что гример пафосный и приходящий на два часа. Прочитали письма телезрителей — все вопросы про личную жизнь и про водораздел поп-музыки и рок-н-ролла. А я говорю, что это все одно. Просто жанры разные — как мюзикл и оперетта.

Сегодня перегорели мои клавиши. Надо ж было такому случиться, что нога задела провод и все на фиг закоротило. А как теперь быть и о чем это должно мне сказать? Наверное, клавиши хотят, чтобы на них чаще обращали внимание…

Ну, что сказать? Нельзя есть столько фигни и избегать тренажерного зала. Особенно если зал, и бассейн, и все остальное через дорогу и круглосуточно.

Завтра пойду к Нине Ивановне петь романсы. «Деточка, — грудным голосом говорит она, — у тебя же дыхание ни к черту. Чем вы там в вашем рок-н-ролле занимаетесь, у тебя же все навыки потерялись? А слух?… Ну, слух пока есть».

Блин, как интересно устроены люди. Стоило стать артистом, как все хотят кусок тебя. Вот, например, я — тот же самый человек, с тем же внутренним миром, так же хочу добиться чего-то стоящего, но только работаю инженером. И что, они будут ходить кругами, стуча плавниками и зубами, как акулы, мечтая отхватить кусок инженера? Нет, нужен кусок артиста, чтобы отъесть часть божественного света, который называется «любовь-людей-которых-так-много-которых-я-никогда-не-узнаю». Блин, почему мне всегда были безразличны артисты? Почему мне никогда не хотелось куска того, кого нельзя заполучить? Почему люди хотят того, кто никогда не ответит им взаимностью? Какова природа этого чувства, на этом базируется фанатство или нет? Куча вопросов, на которые я знаю ответ: *потому что люди так*

устроены.

22 февраля 2003 года

Наташа из фан-клуба стоит в метро вместе с Верой, своей подругой, и хитро улыбается: «Пойдем-пойдем». «А много народу?» — говорю. «Ну, человек пятьдесят», — отвечают. — Идем…» — «Ребята, а может, я того, не пойду? Страшно мне как-то…» — «Не бойся, мы тебя защитим». — «Угу, как же, никто уже меня не защитит», — рыдает, но идет.

Это будет встреча моего фан-клуба со мной. Захожу… Батюшки-светы, полуподвал, два стола, народу-у-у-у, еда, все на меня смотрят. Как бы мне отсюда смыться? Надо не краснеть и не смущаться, все хорошо, здесь все за тебя, говорю себе. «Татьяна, — представляется женщина, — я мама Наташи». Оп-па, мама…

Когда стали слушать диск, состояние было совершенно идиотское — а ведь музыки не слышно совершенно. Делать-то что?

И ужасно это все похоже на мой школьный выпускной, даже больше на выпускной моего брата. Родители тогда где-то по знакомству купили к этому выпускному какие-то редкостные конфеты, кажется, «Факел» или типа того — наполовину мармелад, наполовину суфле — и спрятали, как сейчас помню, в обувную коробку на шкаф. За два дня до выпускного они ее достали, чтобы унести из дома, а там и нет ничего. Кто-то все съел. Может, с тех самых пор мне и нельзя сладкого. И столы эти, и люди, которые улыбаются и спиртное прячут, чтобы тайком пить, потому как нельзя было на выпускном…

Мне подарили ведро роз. Красное такое ведро. Красных таких роз. Народ выстроился в футбольную стеночку и сказал мне слова. Все смутились. Артист обнял розы. Не знал, куда деть себя и их. Колются, заразы, и хороши.

Как же мне так сказать народу, что это все круто, что они сами так невероятно все организовали, на таком высоком уровне, что мне так приятно иметь к этому отношение (не к организации, конечно) и что такие прикольные люди тут собрались на встрече чата.

Больше всего хочу, чтобы они собирались и дальше, и было бы о чем говорить, и жизнь продолжалась бы, и все были бы веселы и счастливы. Бла-бла. Весна будет скоро — я точно знаю.

Ночью опять репетировали на рояле. Это безумная идея — волочь на церемонию вручения клубных премий рояль, и пригласить мою старую подружку, чтобы аккомпанировать мне, и петь перед всей безумной тусовкой в ночи Вертинского.

Как все началось…

Ну, наверное, началось все в Вологодском пединституте. Там был классический конкурс самодеятельности. Институтский. Фаворитом считалась девушка с иняза, которая пела в ресторане песни Патрисии Каас, на настоящем французском, хрипловатым и очень похожим на оригинал голосом. И если бы победила не она, так был еще настоящий ансамбль, который играл на настоящих инструментах. С очень серьезными лицами.

Мне тоже захотелось поучаствовать. Песня была выбрана из репертуара израильской певицы Оффры Хазы. В ней пелось по-английски про мираж в пустыне. Но не точно про мираж и не точно про пустыню — английский у меня тогда был очень плох. Так плох, что, забегая вперед, скажу: после моего выступления никто не понял, что это был за язык. «А на каком вы языке сейчас пели?» — спрашивали меня то и дело. Это было оскорбительно.

Нас было четверо. Одна девушка аккомпанировала на пианино, другая стучала по посылочному ящику восточный ритм, еще одна трясла в такт жестяную формочку в горошек с крупой — это у нас был маракас. Вокал был мой. Никто, я думаю, на нас больших надежд не возлагал.

Пою я, пою и вдруг на припеве понимаю, что зал как будто обмер. Как будто у нас у всех одновременно побежали по коже мурашки. Я не могу передать по-другому это ощущение. Это было очень здорово — петь, чтобы люди слушали и обмирали. И мне от этого тоже было очень хорошо.

В итоге нам дали первую премию и какой-то даже солидный денежный приз, который мы поделили.

На этом моя музыкальная деятельность закончилась. Время от времени, правда, у меня мелькала мысль: а не пойти ли в музучилище, или, того круче, в консерваторию? Но каждый раз понимала, что все надо бросать, заново учиться играть на фортепиано, а я после музыкальной школы уже ничего не помню, и если не поступлю, то куда я поеду… — и мысли загибались сами собой.

23 февраля 2003 года

Расскажу про **передвижение роялей в пространстве.**

Меня пригласили выступить на церемонии вручения премии «Night Life Awards». Организаторы почему-то считают меня персонажем, а я не против, потому что — кто знает? — может, они и правы.

Группа вряд ли согласится выступать бесплатно, а выступить надо. Поэтому у меня в голове созрел план: буду петь романс Вертинского под рояль. Без группы. Первый раз. Есть у меня один знакомый рояль, совсем раздолбанный. И романсы мне никогда петь прилюдно не доводилось. Кроме как по нотам, и по слогам, на уроках вокала. И вот стою я на сцене и собираюсь петь этот романс…

Перед этим было провернуто следующее:

1. Девушке, появившейся в моей жизни за три недели до этого, было поручено командование роялем. Она нашла грузчиков — спецов по роялям с ремнями и навыками разбирания их, роялей.

2. Люди в офисе, где стоял рояль, были уговорены на то, что он от них уедет на ночь.

3. Специальная команда явилась в этот офис и покрасила бедра рояля черной автоэмалью, а колесики серебряной краской, чтобы он смотрелся как новый, и никто не понял, что на самом деле он ужасно старый и где-то даже больной.

4. Девушка, командующая роялем, нашла в консерватории настройщика, чтобы рояль после переезда был настроен прямо на сцене. Настройщик настроил.

5. Мной были восстановлены после долгого перерыва отношения с моей старой подругой, певицей и композитором Пальчиковой (с которой мы снимали соседние комнаты в коммуналке десять лет назад), чтобы она мне аккомпанировала, а она не делала этого со времен своего музыкального училища — уже пятнадцать лет.

6. Мы отрепетировали с ней четыре раза. Это было сложно, потому что все заняты, и мы это делали ночью, когда офис освобождался, а работает он допоздна.

7. Мной были восстановлены отношения с моей первой преподавательницей вокала, с которой мы не виделись два или три года. Она дала мне два специальных урока вокала, чтобы петь романсы «плавно и нанизывая куплеты друг на друга». У меня это все равно не получается.

8. Охраннику было дадено 500 рублей, чтобы он не заметил,

что рояль уехал. И вернулся.

9. Девушка-командир рояля вернула инструмент на место в два ночи и пешком дошла до дома. Издалека.

И вот я стою возле рояля, где сидит аккомпаниатор в красной олимпийке и джинсах, и громко пою: «Капризная-а-а-а, упрямая-а-а-а-а, вы сотканы-ы-ы-ы-ы из роз-з-з». Времени где-то полдвенадцатого. Внизу шумит самая пафосная публика Москвы (это она сама про себя так думает). Надеюсь, что народ офигел. Потому что я этого ужасно хочу. Во всяком случае, тот, кто мог, точно офигел, хотя их было немного. И они были пьяны, так что ничего не вспомнят. А может, у меня иллюзии? Раздавали виски на халяву и пиво на халяву, устроители сняли помещение в четыре тысячи метров и привели живого слона. Слон пах. Было страшно душно и накурено. Плюс — всюду брызгали парфюмом для рекламы. Плюс к слону, я имею в виду — к запаху слона. Никто меня туда не затащил бы, не выступай я там. Хотя в какой-то степени это прикольно — какая-то ярмарка, карнавал, все вы… ваются друг перед другом, дамы в вечерних платьях и почти без ничего, девушки — то ли б…и, то ли так выглядят, непонятно. Певец Мангол говорит: «Вон там дают бесплатный виски». «Да ну, в лом в очереди стоять», — отвечаю ему. Он меня не понял. «Да брось, — говорит, — там все такие же, как мы». То есть он подумал, что я в пафосе, а я просто очереди ненавижу. Никита Козлов, вокалист группы «Сегодня ночью», чем дальше, тем больше мне симпатичен, говорит все время про то, как у них со звукозаписывающей компанией идут дела, — наверное, его эта тема волнует ужасно. Организаторы церемонии остались жутко довольны, а главный устроитель сказал мне, что в следующий раз, если я опять притащу рояль, они поставят подъемник и поднимут меня с ним на шесть метров, потому что «эпатаж должен быть высоким». Могу рассказать сплетню: я с устроителем плаваю в одном бассейне, только я плаваю, а он в шезлонге — думает, видимо, все время.

Перед церемонией мы встречались с Сашей Скляром. Мне, кстати, по секрету сказали, что он самурай. Надеюсь, это не тайна. А если тайна, то не сдавайте меня, потому что это мой дневник — что хочу, то и пишу. Скляр меня прослушивал в полуподвале, где была репетиционная база «Парка Горького» (которого, похоже, больше нету), а выше этажом, кстати, проходил мой первый сольный концерт год назад. Он (Скляр) прослушал, как я пою романс, потом сам мне спел, потом я ему. В итоге мы будем в конце марта петь в общем концерте — он, я, Ира Богушевская, Гарик Сукачев и, кажется, еще Глеб Самойлов. Если все получится, то это будет странно, потому что романсы —

это для меня до сих пор был прикол, и впервые я буду петь их серьезно.

24 февраля 2003 года

Оказался почему-то выходной. Звоню знакомым дамам — узнать, правда ли вчера на церемонии было круто мной спето или только мне так показалось, а они мне в ответ: блин, мы не помним даже, что кому вручили, нам надо материал в номер сдавать, а ты спрашиваешь, как было… Точно-точно, вот каково братьям журналистам, мне-то все равно, кому что вручили, а им надо статьи в номер, никакой расслабухи.

Думаю, проверю-ка я свой почтовый ящик: artist@butch.ru. Елки, сорок два письма. Меня поймали за язык на встрече чата, и теперь мне припоминают мои же слова о том, что я всем буду отвечать с душой и без отписок. Два человека сравнили переписку со мной с:

1) общением с больным, который в коме;

2) игрой в теннис с компьютером.

Люди, которые пишут в первый раз, думают, что на письма отвечает некто другой, что письма ко мне если и дойдут, то через десятые руки, или не дойдут никогда, но они все равно пишут — в тайной надежде, или не надеясь совершенно, или зная, что я конечно же не отвечу и т. д…

На ответы на письма ушло три часа.

Комментарий от 2005 года

Сегодня я уже практически не отвечаю на письма. Потому как человек на той стороне сразу думает, что одним письмом с ним уже вступили в длительную переписку, и потом пишет обиженные послания — мол, почему ж ему не отвечают. Я в итоге отвечаю только на те письма, которые не похожи ни на какие другие, а такое очень, очень редко бывает. С одной стороны, вроде артист и должен быть досягаем, с другой — лицемерить совсем не хочется. Не хочется писать отписок, равно как не хочется делать вид, что я жажду общения и письменной дружбы. Поэтому у меня сплошная неудовлетворенность от своей электронной почты. Должна быть легенда, что артисту его поклонники небезразличны, поэтому он на большинство (в это надо верить) писем отвечает лично. Знаю кучу народа, кто это утверждает, — от Эминема и Бритни Спирс до Николая Баскова. Скажу по своему опыту: это миф, на самом деле или никто не отвечает, или пишет нанятое перо, или артист глупый и молодой, как я в начале карьеры. Не

прошло и года, как у меня все стало как у всех — тишина и редчайшие исключения.

25 февраля 2003 года

Вселенная вокруг меня произвела какай-то катаклизм, и все вокруг стали мне делать **подарки**.

За последние две недели мне подарили:

1. Трех коров: одну — кошелек из Парижа и две — вязаные, не знаю откуда.
2. 360 рублей.
3. Попытались подарить красные ботинки и коричневые штаны. Ботинки малы. Штаны подарят.
4. Рюкзак.
5. Ведро роз.
6. Фотосессию.
7. Карточку на Интернет на 20 единиц.
8. Часть офиса с почти работающим компьютером.
9. Три майки с надписями «BUTCH».
10. Одного пингвина и одну пластилиновую статую меня.
11. Рушник с вышивкой крестом «BUTCH».
12. Вязаную салфетку с ангелочком.
13. Один торт.
14. Один самовыпеченный маковый рулет. Очень, очень вкусный.
15. Два билета на «Литургию оглашенных» Рыбникова, которые пропали.
16. Один билет на «Властелина колец», хотя, по-моему, это было раньше, чем две недели назад.
17. Визитные карточки в виде CD.
18. Невероятное количество фотографий.
19. Три презерватива.
20. Две видеокассеты, одну с французским «Нотр-Дамом».
21. Одну Библию на украинском и один словарь молодежного сленга.
22. Три диска.
23. Одну бутылку водки.
24. Одну пачку бумаги для принтера, и клей, и карандаши.
25. Один большой зонт.
26. Явно есть еще что-то, чего я не помню.

Несколько раньше мне подарили две ушанки, одну кепку, двое штанов, из которых одни кожаные, одну куртку и один костюм «Терри Мюглер» (не знаю, как по-английски), который я вряд ли буду носить, потому что он мне не идет.

Сегодня на форуме опять встречаю инфу: типа, как тебе передать подарок, дорогой Бучч, и еще одну: типа, что ты

любишь? У меня что — такой вид или что в природе происходит, что мне все что-то дарят?

У меня плохо с памятью или нет? Мы тут должны были отправить поезд с диском в Питер для организаторов концерта, и мне надо было позвонить курьеру, узнать номер вагона и т. д., а потом все это в Питер передать.

Короче, меня вечером чудом нашли в каком-то чудном месте и сказали: ты что, поезд через 15 минут приходит в Питер, ах, ох, надо же, совершенно вылетело из головы. Все кому не лень теперь, когда говорят мне что-то, добавляют: «…и запиши». Никто, что ли, не верит, что я могу и запомнить?

Приехала подруга-художница из Лондона. Приготовила картошку с капустой и с луком. *И с маслом*. Сижу, ем, а мне ведь нельзя, ну убери вилку, ну не ешь. Сижу. Стыдно. А кто будет потом в зале тренажерном и в бассейне убиваться, чтобы эту картошку сбросить?

Завтра у меня куча дел. В четверг мы с Петей, веб-мастером нашего сайта, диагностируем компьютер в почти подаренном офисе. Надеюсь, Петя не забудет.

Интересно, надолго меня хватит с этим дневником?

25 февраля 2003 года

Еще неделя — и небеса закроются.

Тут мне сказали, что один из персонажей, который брался организовывать концерты, скрал у меня справочник адресов и исчез. Кого-то еще он кинул на деньги, у кого-то одолжил мобильник и не вернул и т. д. Страшно, что творится.

Что будет с нашей ротацией? И что будет с выпуском альбома? Завтра встречаюсь с руководством нашего лейбла[3]. Они сказали мне, что поняли: альбом типа надо выпускать. Боже! Спустя полтора года. Это настоящий подарок судьбы.

Сижу слушаю песни Вертинского к предстоящему концерту. Пара песен меня задела. И, блин, все они уже отобраны Скляром и Богушевской. Буду искать дальше.

Сейчас был междугородный звонок.

— Привет, я вам звоню из Парижа.

— Откуда у вас мой номер?

— Мне дали его на украинском телевидении. Я смотрела по спутнику программу с вами и ничего больше вокруг не видела, как будто смотрела на солнце. Вы меня понимаете?

— Не очень.

— Ну, все равно, я не смогу рассказать по телефону.

— Это я понимаю. Напишите мне.

— Напишу. Меня зовут Лена.

— Это редкое имя, — говорю, — я запомню.

Странные истории. Что из этого выйдет?

Мое горение стихло. Мне страшно. Я буду лениться или я буду бежать?

Какой смысл вести дневник, если не можешь написать, что на самом деле думаешь? Вот уже сейчас будет март, а мы не определились с песней, которая должна крутиться на радио, потому что у всех-всех находятся более важные дела: или они болеют гриппом, или инфаркт у друзей, или они уезжают на день рождения дочерей в Прагу или непонятно куда до 1 марта, а песня так и не крутится. Мне не хватает неотложности, вот прямо чувствую, как все может вылепиться моими руками, как может все это получиться, но пока не слепилось. Альбом — весной, клип снимается месяц, у меня есть только неделя.

Еще неделя — и небеса закроются. Я не знаю, как это объяснить, я чувствую…

Количество странных персонажей в почтовом ящике растет. Одна девочка видит сны про Бучч со статуэткой, другая описывает ощущения полета. Есть чел, который пишет мне

злобные письма, типа месяца три назад прекратил, а сейчас опять начал с такими примерно словами: «И вот уже тебя никто не любит…»

Я вспоминаю, как мне жилось в Вологде.

Уже в институте мне стало понятно, что никакой педагог из меня не получится, и даже не потому, что мне не нравилось учить школьников русскому и литературе, а потому, что надо было выглядеть как положено — ну, как учителям положено. Как представляла себя в школе, с указкой и классным журналом, сразу хотелось выть. Поэтому, как только мне подвернулась возможность пойти работать на вологодское телевидение, выть сразу расхотелось.

На работу меня приняли так. Подруга моей мамы тетя Вера работала бухгалтером на местном телевидении. На полдороге к ней стою я у шкафа. Подходит ко мне невзрачный татарский парень с мерзкими довольно усиками и спрашивает: что, мол, стоишь? Стою, говорю. Работать хочешь? Хочу. А кто по образованию? Филолог. Ну, вот и начали работать. В только что созданных городских новостях.

Кого я помню… Пожилой Владимир Альфоныч, или просто Альфоныч, — человек, в паспорте которого из отчества потеряли букву «с». На тот момент ему было лет пятьдесят с гаком. Помню, он мне сказал: какой темп возьмешь, так потом и бежать будешь. Имел в виду, что работать надо допоздна и без выходных, ибо так интереснее. Старикашка был симпатичный в принципе, наушничал и к начальству всячески подлизывался. Потому и был назначен замом по борьбе с творческим коллективом. Все время что-то паял и показывал мне свою аккредитацию на Олимпиаду-80, что в Вологде мне казалось чем-то с неба, что ли. Пах он каким-то сладковатым одеколоном и носил вязаную жилетку…

Татарского типа звали Ирек Муртазин. Ирек был в городе личность историческая. С мрачной мордой он вел репортажи с каких-то свалок каких-то колбас, кого-то уличал, обвинял и никого как будто не боялся. Он был этаким местным Невзоровым, журналистом-обличителем. Фамилия его была нарицательной. Говорили, что с девушками Ирек так знакомился: притормаживал на машине: «Здравствуйте, девушка. Моя фамилия Муртазин». И девушка обмирала и сдавалась.

Ирек был редактором наших новостей. Учил нас носиться по городу, чтобы что-нибудь разнюхать, встретить и быстро снять. Один генерал случайно рассказал мне, что за Иреком числится история, при упоминании которой тот всегда темнеет лицом и начинает задиристо себя отмазывать, так что сразу ясно становится, что в пушку рыльце-то. История была про утопленный танк. Мол, раньше Ирек был не журналистом, а капитаном танковых войск и утопил какой-то танк вместе с солдатиками. Не насмерть, конечно, но у кого-то что-то со спиной там стало. Ирек эту историю не любил и генерала обзывал.

Ирек ходил в тельняшке и оставался почему-то в редакции ночевать. Когда мы взяли в новости симпатичную девочку-диктора, у них завязался роман. Я помню, как они после командировки в далекий город Москву показывали съемки, где целовались на Красной площади. Это для них что-то значило.

Потом Ирек бросил новости на меня, а сам рассорился с начальством телеканала и долго с ним судился, потому что его обвиняли в краже какого-то магнитофона или в какой-то еще ерунде. Но всем было понятно, что просто это они так ссорятся.

А потом Ирек уехал из Вологды в Казань и стал пресс-секретарем президента Татарстана.

Когда меня отправляли туда в командировку, он водил меня по десяткам каких-то кабинетов и говорил, что это все его. И что он ведет на местном телеканале передачу «Ирек майданнэ», что значит «Площадь свободы». Название еще можно было понять как «Площадь Ирека», и это больше на него походило.

Не знаю, чем он сейчас занимается.

27 февраля 2003 года

Будем считать, что день ушел. Размышления о божественном. Когда уныло так, что чувствую, что вот я уже старик, мне противно. Мне грустно, хочется спать, и жизнь не мила. Поэтому — вот… Может, это погода со мной делает? Или уровень сахара? Или спать надо вовремя ложиться?

Появились деньги. Внезапно. Десятка в кармане сменилась на что-то, что шуршит. Типа стольник. Это так, оказывается, здорово. Это счастье просто, когда можешь что-то купить.

Сегодня виделась с отцом. По-моему, мы оба испугались. Если бы не были взрослыми людьми, оба убежали бы, наверное. Никто в первые две минуты не справился с лицом. Не буду подробнее писать.

Вот кусок моего интервью, которое будет напечатано в одном любопытном месте. Мне он очень нравится.

«…-И она (женщина, которая рассказывала мне про всякие духовные штуки) сказала, что вот я активизирую твоих ангелов-хранителей, только ты им давай внятные указания. Потому что если ты ангелам-хранителям даешь невнятные задачи, то они пугаются и уходят вообще. Типа, тебе нужно четко знать, чего ты хочешь. И вот в голове себе говори: мне нужно это. И тогда ангелы-хранители быстренько собираются и давай тебе помогать. А если там невнятица какая-то, то они берут и уходят. Такая фигня.

— Классно.

— А особенно когда у человека депрессия. Ангелы, она говорит, совершенно этого не переносят. Не то что они ему не помогают, они вообще его бросают обычно. Поэтому лучше в нее не попадать. Тут… Господи, зачем я все рассказываю?…»

Куча обид вокруг. Еще какая-то сволочь наговорила на автоответчик что-то про то, что я сука. Если бы не ломался все время определитель, можно было бы и за жабры взять. Какая радость гадости наговаривать? А Петкун говорил, что ему клеем замочную скважину от любви заливают. Надеюсь, что и меня этот кто-то поливает дерьмом от любви.

Все меня динамят. Переносят встречи и нагло лгут. Я какая-то сегодня бедная жертва — увы мне и ах. Принимаю решение, натурально скрипя зубами: не позволю больше себя динамить. Буду стоять за себя. Не буду вестись. Интересно, я это себе всю жизнь буду говорить?

Божественное. Это служить людям, что ли? А я как же? А мне должно быть от этого приятно?

Настоящий друг дал мне почитать биографию «Битлз». Как дурак ищу ответы там на свои вопросы. Нет ответов. Интересная книжка.

1 марта 2003 года

Опять наступила зима.

Была репетиция со Скляром и Богушевской. Посмотрели на старинный, расписанный змеями, что ли, «мерседес» 70-х, по-моему, годов Скляра и пошли к метро. Иду и думаю: ну я-то ладно, но Ира вроде элитарная певица, звезда уж покрупнее многих, ан нет, до метро пешком идем. Это значит что-нибудь или ничего не значит? По-моему, в какой-то книге Акунина про старинную московскую жизнь было написано, что главное в России — понты. Исключительно хочется понтов.

21 марта у нас будет концерт в ЦДХ. Будем петь Вертинского, Козина и Утесова. Как вот, думаю, мой народ, привыкший колбаситься в ночных клубах, будет сидеть и слушать, не прыгая, этот концерт? Ира меня сразу спрашивает: «А что ты наденешь?» — «А это важно?» — «Конечно, важно», — говорит. А что я, правда, надену?

Контрабасиста Саши Скляра зовут Абелардо Альфонсо Лопес, и он реальный кубинец.

Со мной случился перелом. Мне надоело ныть и канючить. Мой маленький друг, спасибо.

Звонила Катя Жукова, президент фан-клуба. Рассказала, что началась кампания по расклейке афиш. Была страшно удивлена, что я об этом знаю очень приблизительно. Как это я не бегу и не клею собственные афиши и не я даже это организую? А я, блин, пафосный артист, мне знать не надо, сколько человек, афиш, чего и куда. Вот наконец-то я пафосный артист. Ничего не знаю, а? Афиши? Хорошо! Десять человек? Прекрасно. Клей сами купят? Потрясающе! Вот оно, пришло — отстраненность-от-механики.

Иду по переходу. У нас тут уже около года девушка поет под гитару. Репертуар мне не нравится, но так проникновенно поет. Даю все время денег. Когда есть. Она меня давно уже знает в лицо. Я ей иногда даже песню «ДДТ» заказываю, «Дождь», — очень душевно она ее поет. Она думала, я — буржуй. А тут недавно сказала, что видела меня по телевизору. Я ей говорю: давай, приходи на концерт, я тебя впишу. Это было месяца полтора назад, в «Б2». Она, по ходу, приходила, потому что сказала потом, что пиво дорогое. Я спрашиваю: придешь в «Запасник»? Она отвечает, что с парнем придет. Теперь она думает, что я не буржуй, а музыкант.

Анализ мой такой: вот я нипочем не смогу петь на улице, мне горло жалко и обязательно надо, чтобы меня внимательно слушали. И страшно это как-то интеллигентному человеку. С

другой стороны, может, она зарабатывает больше меня? С третьей стороны, все это ничего не значит, потому что социального расслоения нет — какая разница, кто где поет и сколько у кого в кармане денег? Главное, что у него внутри. Очень умные мысли у меня…

Сегодня звонили с лейбла. Говорят, неси свои фотографии, будем из них обложку для альбома делать. Думаю, ребята, а вы не хотели бы фотосессию там какую-нибудь специальную замутить, вы вообще лейбл или кто? Принесу, говорю.

Интересно, чего я стою? Я вообще самостоятельная в музыкальном смысле единица? Или так и буду вечно от чего-то зависеть?

Тра-ля-ля. Надо становиться героем. Нет другого выхода.

2 марта 2003 года

Приходил друг из хоровой академии. Принес диск, где мужской джазовый квартет исполняет «Ты вошел в меня почти случайно». Совершенно непередаваемые ощущения от прослушивания.

Количество звонков на домашний телефон увеличилось. «Привет, я Таня, ты меня не знаешь… Привет, я Юля, посмотрела «Разум и чувства»… Привет, я Ира…» Натыкаются на грозный рык: а какого хрена вы звоните, вас приглашали?

В бассейне в этот раз было как-то неуютно.

Я, по-моему, бука. Все мне не нравится. Это вредно для здоровья — быть букой.

Буду писать про личную жизнь… Не, не буду. Личная жизнь, она к делу отношение имеет очень косвенное.

Сегодня по телевизору в передаче «Земля-Воздух» мочили Децла. Блин, а мне он понравился, огрызается, правда, и спорит со всеми, но так вдумчиво телеги свои читает. Вот интересно как: когда его навязывали всем пацаненком, вызывал только отторжение, а теперь, когда он почти в жопе, вызывает интерес. Хотя вроде человек все тот же.

Все сердобольные посетители форума, прочитав, очевидно, мой дневник на сайте, решили меня утешать. Почтовый ящик забит письмами на тему «не дрейфь, мы с тобой».

Про деньги. Не пиши, ни в коем случае не пиши про это, ты ж загадка. И что? У меня была детская книжка про Люсю Синицину. Она шла, начался дождь, и она промокла совсем. Из окна ее увидела ее школьная учительница. Привела к себе в дом и спросила: «Будешь есть?» — «Буду». — «Тогда давай поедим. Вот котлеты». И они стали есть котлеты. А Люся подумала что-то вроде: «Боже мой, она ест котлеты. Я всем в классе расскажу, что наша Марья Ивановна ест котлеты».

Зеленая книжка про «Битлз» рассказывает мне удивительные вещи. Например, их менеджер Брайан Эпстайн сказал, что успех начнется для них со смены имиджа, и вытащил их из модных узких брюк и прикольных модных по тем временам рубашек и одел в костюмы без ворота с галстуками и рубашками под ними. Это и был особый стиль «Битлз». А что, если дело в имидже, и стоит изменить его — и все изменится? А куда ж его изменить? Ну вот куда, например?

На вологодском телевидении был парень, похожий, когда носил бороду, на Эрика Клептона. Когда

бороду не носил, то был не похож. Звали его Витя Латкин. В кабинете его висел большой плакат Эрика Клептона и плакат «Энигмы» с текстом «Return to Innocence». Эту фразу никто не мог перевести. Английского просто никто не знал как следует.

Курил Витя только сигареты «Кэмел», что было очень круто. Пустые пачки он ставил одну на другую по стенке кабинета. Были дни, когда он не курил совсем, что меня удивляло. Эти дни назывались днями здоровья. Только потом до меня дошло, что в такие дни у него было жестокое похмелье, и курить Витя просто не мог. Дней таких в месяц случалось пять-шесть. Витя поражал меня умением то курить, то не курить. Он и посейчас озвучивает низким красивым голосом всю рекламу в Вологде, благодаря которой и тогда умел хитро зарабатывать.

В кабинете стоял компьютер, к которому можно было пробраться и поиграть в игру «Принц Персии», но каждый раз моего принца разрезало острыми ножами, а меня ловили за игрой и ругали. «Ну вот, накидали кластеров», — говорил редактор Саша Лукин. Каких кластеров и как именно удавалось их накидать, я и сейчас не понимаю.

Еще была программа «Футбольный клуб». Там Саша Лукин с характерным вологодским говорком очень подробно рассказывал об играх между дортмундской «Боруссией» и мадридским «Реалом» и показывал голевые моменты. Потому что на телеканале у нас, конечно, был «Евроспорт», а во всей Вологде не было. Саша переводил и все рассказывал вологодским болельщикам, так что вологодские болельщики всегда были в курсе всех самых свежих мировых футбольных новостей. Иногда эту передачу вел мальчик лет десяти, уже знавший про футбол все. Он был таким маленьким вундеркиндом, но только в области теоретического футбола.

Музыка в тот период в моей жизни не всплывала. Кроме как во время мытья посуды или пения чего-то себе под нос. Хотя петь тянуло. Но жизнь и профессия шли совсем по другим рельсам. С рельсов сходить не хотелось.

Я работала редактором городских новостей. Некоторое время даже заведовала всеми городскими новостями, пока не появилась сборная из нескольких

конкурирующих программ передача «Новости Вологды». Это был пик популярности и профессионализма в истории вологодского телевидения. Там собралась настоящая dream team (команда мечты — англ.). Новости мы делали очень вдохновенно. Тогда у меня было четкое понимание: новостное телевидение — замечательный способ помогать людям. Представьте себе ситуацию. У кого-то протекает крыша, мы все это дело снимаем, потом едем в ЖЭК, всех напрягаем: «Давайте, мол, чините!» Они залатывают крышу, а мы это опять снимаем и показываем. Супер! Некоторое время мы работали в таком духе, но потом мне стало тесно в Вологде. В принципе, «Новости Вологды» были очень клевой программой. И все те, кто принимал участие в ее создании, стали впоследствии очень крутыми людьми в городе. Все, кроме меня.

7 марта 2003 года

Все летит к чертовой матери.

Третий день подряд раскладываю руны. Это какая-то паранойя. Причем третий день выпадают одни и те же. Первая руна, которая описывает ситуацию в прошлом, говорит примерно о том, что тра-ля-ля выбор, очищение и воздействие темной стороны пути. В точке «выбор действия для разрешения ситуации» в который раз выпадает: давай, верь в то, что ты делаешь, это правильно, доверяйся собственной интуиции и т. д. И последняя руна, которая значит «судьба», говорит, что все сгорит и из пепла, как феникс, возродится новое. Короче, понимай как хочешь. И при этом еще предупреждают, чтобы не думала, что новое возродится прямо щас, год, говорят руны, год, еще год — и все будет зашибись. Зашибусь ли?

Я в бешенстве. Организм пытался заболеть и нашептывал: мол, вот у тебя щиплет в носу, вот уже сохнет в горле. Но тут мне сказали, что простуда — это способ чего-нибудь избегать, так что мне стало стыдно и простуда так и не наступила.

Эмоции описывать? Размышления типа «пресно и неприкольно»? Эмоции? Внутри все кипит, хочу все послать на х… Глупо.

Оказывается, я трус. Это новость, потому что только сейчас понимаю: в этом причина многого, что не случилось и случилось не так.

За что я ненавижу шоу-бизнес — так это за необязательность. Всё все время переносится, всё все время отменяется, и новые правила вырастают без предупреждения поверх договоренностей.

Тупо все это писать, все равно я не напишу то, что на самом деле происходит, и вообще это глупая затея. Ничего не напишу про любовь, потому что этого никому знать не надо, ничего не напишу про отношения в группе, потому что это чревато, ничего не напишу про то, что на самом деле чувствую, потому что это — эмоции и они пройдут через десять минут. Какой смысл тогда?

Тверская наводнена людьми. Люди реагируют на завтрашний праздник и начинают колбаситься уже сегодня. Через два часа концерт. Не хочу.

Все стало совершенно иначе. Нашей публики было очень мало, потому как мы сделали из этого концерта тайну. Зато было полно народу, который просто пришел в клуб оттянуться. Говорят, в углу какую-то тетю трахнули, к удовольствию тети и ее парня. Пацаны сказали, что и не такое видели на концертах. Какая-то тетя-блондинка кричала: «Поедем с нами в Строгино».

Мы с Денисом выпили остатки коньяка и сказали публике: «На сцене должен появиться коньяк. Через пять минут. Кто будет отвечать за это?» Какой-то парень, сидевший на голове, надеюсь, у другого парня сказал: «Я». А я ему: «У тебя пять минут». Поем дальше, и думаю: «А если он не принесет, будет глупо». Но он, естественно, принес — после такого заявления коньяк не мог не появиться на сцене.

Офигительные ощущения. Мне сказали, что публика стянулась к сцене из зала, где пила пиво и ела. Они то есть приходили не на нас, а в клуб вообще. А в итоге получилось, что танцевали и отрывались с нами.

Звук был хороший. У меня были широкие штаны. Как мне сказали, их носят пятнадцатилетние рэпперы, а мне несолидно. Ну и что же? Мне нравится. И еще была майка с песней «Мания» на английском на спине. Вот, говорю, мне сценический костюм прислал Эминем.

Все совершенно другое.

Вот и доверяй своим настроениям после этого.

8 марта 2003 года

У меня было две фотосессии. Одна в Москве, другая — нет.

Которая не в Москве. Вызванный на нее фотограф не понял, почему я ее не делаю в Москве. Ответ простой: объявился человек Икс из города Икс и сказал: «Нету у тебя в последнее время приличных фотографий, и как будто никто не работает с твоим имиджем». «Это правда», — говорю. Человек Икс сказал: «Давай, приезжай сюда, будем все это делать». А что, думаю, приеду. Ночь поездом туда, ночь обратно. Икс не поверил даже на перроне, что эта авантюра удалась, а я тоже думаю о себе: «Ты, оказывается, легкий на подъем человек». Короче, это оказался маленький, но жутко прикольный город, в котором даже есть крепость. С утра подморозило, и все деревья стояли как хрустальные и в ряд…

Мы стали спорить с фотографом, влияет ли он на войну в Ираке. Мы сидели на кухне, и фотограф ел куриный шашлык, который ему «спецом» сделали, потому что он его любит, а я ела креветок, которых мне «спецом» сделали, потому что я их люблю. Фотограф доказывал, что на войну никак не влияет и вообще политикой не интересуется, а я ему, что влияет на самом деле, просто не знает этого.

Потом мы стали носиться по этажам. При этом меня хотели взбодрить и увидеть во мне энергичного чела, а у меня наступило благостное разморенное состояние и пришли мысли типа «давайте долго поснимаем спящего в кресле человека».

В итоге меня постригли.

Вторая сессия была в Москве примерно неделю спустя. Наступила отчаянная весна. Не хотелось никуда уходить с улицы. Но у фотографа было какое-то биеннале, и она снимает спящих людей. Надо было прийти и спать. Это оказалось нетрудно. Единственное — спать надо было почти нагишом. Оказалось, что и это мне легко. Потом мы меня намазали черной и белой латексной краской. Баночки были из Лондона, и там было написано, что эта фигня застывает и легко так резиновым слоем снимается или, накрайняк, смывается теплой водой. Фотограф сказала, что сама такое проделывала и у нее все легко снялось.

Мы решили, что мне надо подольше походить в резиновом виде. Вскоре резина живописно потрескалась, и появилось ощущение, что у меня началась сезонная линька кожи. Мы это все поснимали.

Но — деваться некуда — латекс надо было отдирать. Везде, где были волоски, он их выдрал. Это, блин, очень больно. А где у людей волоски? Да везде они у них. Потом мы решили, что пора

пробовать с теплой водой. И с теплой водой он не слез. Тогда мы применили скребок для пяток…

По-моему, у меня и сейчас кое-где осталось немного латекса. Думаю, само должно отслоиться.

9 марта 2003 года

После концерта в «Бункере» оказалось, что у меня не ходит нога. Кто-то доказал, что он таки прав, и пусть не простудой, так ногой решил чего-то избежать.

Сегодня будет концерт и будут объявлены мисс и мистер Бучч. ру.

У одной моей знакомой висит на стене грамота «Лучшей девочке», которую ее друзья купили в лавке какой-то деревни — грамоте, наверное, лет сто. Вот и мне такую очень хотелось найти. Но грамоты нынче в дефиците.

Про концерт. Нетрезвый художник рисовал наши грамотки. Только на полу, все всегда рисуется на полу, утверждал художник, укладываясь животом на пол в тесной гримерке «Запасника». К тому же свет был тусклый. При всем при этом грамоты вышли хоть куда. Художник умудрился параллельно с выписыванием лавровых листочков подарить мне значок «Отличник электрификации СССР».

Видимо, внутренний конфликт дает нашей группе некую степень внутренней свободы, отчего концерты становятся совершенно особыми и замечательными.

Как будто все потеряли какие-то свои цепи, связующие нити, балласт воздушного шара, корабельный якорь или что-то такое.

Два человека приехали на концерт автостопом из Белоруссии (кажется, это 700 километров), кто-то расстелил во время саундчека плакат «Волгоград» (из чего я делаю несложный вывод, что люди были из Волгограда), кто-то схватил меня за ногу и передал привет из Череповца и Вологды, был голос: «Я из Воронежа», точно знаю, что были люди из Питера, один человек приехал «спецом» из Киева, я уже не говорю про людей из Зеленограда и Красногорска. Может, скоро я увижу загадочного персонажа из Исландии, присутствие которого каждый день регистрирует наш счетчик на сайте?

10 марта 2003 года

Виделись с отцом. Исключительное по своей тяжести событие. Одно утешение — что для всех это психотерапия.

Один умный человек, которому я доверяю, сказал, что понял: моя проблема в смелости. То есть в трусости. Да, я трус. То есть я не трус, а даже местами отчаянный смельчак. Но часто я он. Трус.

Что было бы иначе, будь я смелым человеком:

1. Если бы у меня хватило смелости взять в долг деньги в сентябре 2001 года, у нас уже могло бы все давно получиться. Но мне было страшно.

2. Если бы всегда, когда мне казалось, что голос утоплен в инструментах, мне хватало смелости говорить об этом, а не сидеть язык в задницу, то у меня не было бы ощущения, что полтора года я сижу язык в задницу.

Расскажу про свой **приезд в Москву на журфак**.

Мне тогда казалось, что, чтобы заниматься чем-то с толком, надо все-таки получить соответствующее образование. Помню, мне попалась статья про юбилей какой-то известной артистки — мол, она уже 30 лет с большим успехом играет в театре, хотя у нее и нет специального образования. Фраза «хотя у нее и нет специального образования», казалось мне, будет преследовать меня, если я продолжу заниматься журналистикой, а журфак не закончу.

На вологодском телевидении мне на прощанье подарили часы и выдали специальную премию, а в трудовой книжке написали про «увольнение в связи с поступлением в Московский государственный университет».

Честно говоря, поступить на журфак труда большого не составило, потому что это было уже второе высшее образование, а оно платное. Следовательно, можешь платить — можешь поступить. Деньги на первые полгода у меня были, и мне выдали серый студенческий билет с университетской высоткой на корочке.

В группе нас училось человек семь — тех, кто уже сознательно выбрал тележурналистику. Декан сказал нам: «Мы предоставляем вам возможности и учебную территорию в минуте от Кремля». Минута от Кремля вдохновляла. Возможности — еще больше.

Тяга к музыке не могла не проявляться на журфаке.

Оказалось, что в больших университетских аудиториях прекрасная акустика, и между парами мне нравилось во всю глотку покричать «шумел камыш, мышь, мышь» и «Саммертайм». По-моему, этим мой репертуар ограничивался. Сокурсники относились к моим музыкальным наклонностям с большим уважением. Сокурсница Аня даже попросила озвучить ее автоответчик, на котором с тех пор она говорила: «Привет. Сейчас никого нет дома…» на фоне моего голоса, старательно выводившего «Саммертайм, энд ливинг из изи».

У меня было три работы и съемная комната, больше всего похожая на пыльную ванную. Денег только-только хватало заплатить за учебу и жилье. Я вообще с гордостью вспоминаю этот период. Думаю, потому, что сейчас адаптироваться в тех условиях, какие были тогда, у меня уже кишка тонка.

20 марта 2003 года

Я болею. Я болею вообще-то уже третий день. Но первые два дня мне очень хотелось, чтобы никто не подумал, будто я ною, и потому кто-то рассекал по городу, ходил на репетиции с больным горлом и без шапки, потому что шапка уехала в метро.

Я аппарат для потребления жидкостей. Я вливаю в себя поочередно стаканы липового чая, «Террафлю», «Колдрекса», чтобы никто не подумал, что я ленивец и что мне наплевать на себя. Я доказываю себе, что я лечусь. Блин, как все сложно, даже просто поболеть не получается.

Весь пол в моей квартире усыпан фотографиями, как в каком-то — не помню каком — боевике. Мои фотографии. Я вас люблю.

Но недостаточно, потому вы разрозненны и не разложены по времени и фотографам. Я невероятно красивый человек. Да, а чего тут стесняться? Поэтому фотографы обожают меня снимать и дарить мне фотографии.

Еще я постоянно хочу спать. Вот и сейчас — пишу и сплю. И еще ем.

Не успеешь что-нибудь начать, как это уже тебя обязывает. Вот дневник, например. Он же мой? Мой. Получаю тут письма: мол, какой прекрасный маркетинговый ход. Или: на фига ты его пишешь, раз он у тебя неискренний. И наконец: почему ты его теперь не пишешь? Терпения, что ли, не хватает?

Началась война в Ираке. Блин, что из всего этого выйдет?

Завтра концерт. Мне подарили смокинг. И чуть позже подарили белые рубашки. Они, правда, малы, но, как мне сказали, под пиджаком это будет незаметно. Страшное дело — мне рубашки важнее, чем война.

3 апреля 2003 года

Трудно даже вспомнить, что произошло за это время. Потому что уже апрель.

Сегодня мне пришло письмо, общий смысл которого был таков: «я приезжаю завтра утром, моя подруга не может встретить меня, встреть меня, пожалуйста». Еще десяток писем на тему «бла-бла, а теперь напиши мне пару строк, мне будет приятно». «Бучч, ты злой человек, ты пишешь то, что думаешь». А что я думаю? Я думаю, что не пошли бы вы, ребята…

Сыплет хлопьями снег, прямо в лицо, пришлось опять влезать в зимнюю шапку…

Могу написать **про Питер**. Мы отменили концерт, и через два дня звонят пацаны и спрашивают, правда ли и точно ли, что не едем. Да точно, точно не едем, так как райдер[4] не выполнен.

В четверг они звонят из клуба и говорят, что все сделали и не могли бы мы все-таки приехать. Я говорю: могли бы, если я всех найду. Нашлись не все, но мы поехали.

Сейчас хочется написать **про совершенно другое**. Я живу в созданном мной каком-то идеальном мире. Он состоит не только из хороших, а прямо-таки из замечательных людей. Это люди, которые со мной работают, это люди, с которыми я дружу, это люди в зале, это те, кто мне пишет. У меня сложились иллюзии, что весь мир такой. А он, блин, другой совершенно.

«Они обзывали тебя земляным червяком, да-да, земляным червяком». Блин, сколько злобы на форуме «Нашего радио». — «Зачем гермафродиты «Нашему радио»?» — «Долой гомиков из эфира!» «Каких таких гомиков?» — спрашивает там кто-то. «Да вот этих самых, это я про Бучча, — объясняет ему кто-то, — Кипелов рулит!» А вообще-то мы эти извилины людям совсем запутали. Столько говна на мою голову, и это я вот для них пою, значит.

Мне любопытно, а поддерживающие силы там есть и кто в итоге будет кого?

Самое смешное, что у меня в голове полно и мыслей, которые стоило бы записать, и событий, и — даже страшно сказать — чувств. Просто что-то не складывается и мешает, как плохому танцору…

А девушка, которая просила встретить, написала, что это была первоапрельская шутка.

А про Питер я потом допишу…

4 апреля 2003 года

Питер. Воспоминания. Накануне мне подарили массу прикольных украшений — всякие цепочки и солнышки. Чтобы носить и выглядеть, как прикольный артист. Все улетело в порыве в зал на концерте в Питере. Алисин ошейник с шипами, скорее всего, будет носить гитарист Руслан, потому что он сказал, что ему больше идет. Не горюй, Алиса, иногда он будет давать мне его надевать.

Страницы частной жизни. Мы едем в машине по трассе Питер — Не-скажу-какой-город. Трасса называется «взлетка» — на нее, если что, могут аварийно садиться самолеты. Вот было бы здорово: едешь, а тебя обгоняет самолет.

Не-скажу-какой-город совсем маленький, но очень прикольный, весь в горку, и дома как будто пленные немцы строили, или шведы, или финны. Или у нас не было пленных шведов?

Поздно ночью мы ходили с не-скажу-кем вокруг дома с чашкой кофе в руке. Прохожие казались подозрительными.

У не-скажу-кого есть стеклянные штуки на столе. Можно сидеть и перебирать их пальцами. Можно засунуть парочку в карман и тихо увезти. Потом в поезде встретить ноющего младенца и отдать ему одну. Младенец резко перестанет ныть, утащит добычу в угол и затихнет надолго. До пяти утра, когда он заорет на все купе, и мать унесет его в темноту. Кажется, что младенец бежит за поездом в окне, но это кажется, потому что затихшего младенца укладывают на полку сопящим со стеклянной штукой, по-прежнему зажатой в кулаке. Когда перевели время, все еще спали.

Интернет позволяет не париться над знаками препинания. Вот уже много лет мне плевать на большинство запятых, даже не знаю, как в приличном обществе показаться.

У нас в подаренном офисе постоянно кипит жизнь. Теперь, когда много курьеров, они все бегают туда-сюда с пакетами и постоянно сталкиваются со мной, но никто ничего не говорит почему-то. И даже почему-то не здороваются — я их смущаю, что ли?

В офисе есть две доски — как школьные, только белые. Мы там все время что-то пишем. Что-то разное. Сегодня там написано слово «клип».

Ваня Шаповалов сказал, что готов его снять, если я найду не-скажу-сколько денег. А было бы хорошо, чтобы он его снял. Меня то есть снял.

Прослушали эфир «Нашего радио». Он нужен.

Хочется спать. Завтра у меня съемки на MTV — про здоровье нации что-то. Будь здорова, нация.

8 апреля 2003 года

Моя семья болеет бронхитом. Я хожу туда-сюда с каплями и отваром из корней солодки, но кашель не смолкает. Я кого-то убью. Или заставлю выздороветь.

Чужая аскорбинка прожгла случайно дырку в языке. Теперь я думаю, как бы туда не залетели бактерии и как бы это мне не заболеть рикошетом.

Сегодня мной была прочитана трехчасовая лекция о законах жизни российского шоу-бизнеса. Обращайтесь, граждане, профессор Бучч читает курс **«Теория и практика выживания в шоу-бизнесе»**.

Ну-с, начнем с первого закона. Продвигается не музыка. Продвигается идея (выраженная либо в музыке, либо в личности, либо в идеологии) плюс эффективный менеджмент плюс нужное количество денег вовремя. Пример: если бы мы сняли клип на «Чувства на волю», где б мы сейчас были?

Закон второй. На продвижение влияет либо безумие, либо отношения. Краткий пример: группа «З» будет продвигаться, несмотря на низкий фактический рейтинг в голосовании, потому что у ее звукозаписывающей компании долгие и прекрасные отношения с радиостанцией, то есть с ней, этой группой, пока она на этом лейбле, все будет как надо. Звоню на наш лейбл сегодня: алло, говорю, а мы, а за нас кто вступится? Безумие — это когда прешь не разбирая дороги и все уступают тебе путь. И нету денег, и нету продюсеров, а есть только вера в то, что ты прав в своем безумном прорыве. Проблема в том, что не получается охватываться священным безумием надолго.

Закон третий. Никогда ни с кем не порть отношений. Например, однажды на одном большом фестивале не очень трезвый гитарист прямо в эфире национального канала назвал одну группу, которая считается столпом рок-музыки, «толстомордыми ублюдками». Началась буря: «Никогда на одной сцене… я пришлю своих ребят… да кто он такой… все дороги закрыть…» Потом совсем не виновник инцидента поехал к продюсеру славной группы-столпа, тоже столпу, только продюсирования, и извинялся, и говорил: «Был не трезв, погорячился, с кем не бывает», и валялся у того в ногах в разнообразных живописных позах. Но через пару месяцев другой человек из той же группы, чей гитарист, — кто-то от администрации группы, дал по морде главному режиссеру еще одного крупного фестиваля. К слову сказать, обе они были девушками, что делает историю еще безобразнее. Но ведь — хоть

ты тресни — это твоя репутация, и нечего удивляться, что люди, которые работают с тобой, — это ты, и ты отвечаешь за все, что они делают во внешнем мире от твоего имени. Потом опять всякие: «Да-да, конечно, это откровенное хамство… разговор с радиостанцией продолжится только после того, как вы извинитесь…» Ну и извиняюсь, извиняюсь, извиняюсь.

Короче, не делайте так…

Про мою жизнь сразу по приезде в Москву…

Комнату мне сдавала хитрая старушка — научный работник. Когда я, неопытный лимитчик, и агент из риэлтерской конторы уходили после осмотра ее квартиры, хозяйка сунула мне записку с номером своего телефона и со словами: мол, деточка, позвоните мне, договоримся. Ну вот мы и договорились. Она собирала лягушек. Неживых, слава богу. То есть всяких глиняных, заводных, плюшевых. У меня было ощущение, что она и сама слегка напоминала лягушку, но, может, это мне казалось от злобности характера.

Времена у меня тогда были трудные, это точно. Я помню, что у меня были желтые осенние ботинки, купленные по случаю, которые были покрашены черным обувным кремом и служили во все сезоны.

Одна моя работа громко называлась «программный директор телеканала». Телеканал был дециметровый, на нем работало шесть человек. Моей задачей было доставать программы, чтобы их показывать. Кто его смотрел — непонятно. Перед моим уходом оттуда мой начальник сказал: «Подожди, не уходи, мы вот-вот станем крутыми. Нас купили американцы, и теперь мы будем называться «Си-ти-си». А я ему: «Нет, уже не могу, перспективы мне нужны шире». А канал таки стал хорошим, теперь СТС называется.

Другая работа была в одной израильской конторе. Описать мои функции сложно. Четко описывалась зарплата — 80 долларов. Еще надо мной все время висела угроза сокращения зарплаты.

Строго говоря, мне было почти все равно, что делать, потому что кровь из носу надо было заработать на учебу и жилье. Отлично сложилось, что все работы были по специальности, то есть журналистские.

Когда меня уже потом будут спрашивать журналисты: «А где вы пели раньше?», я отвечу: «В программе «Время».

12 апреля 2003 года

Как появилась песня **«Встану»**?

Давай придумай красивую легенду, людям нужны легенды, правда людям совершенно неинтересна.

Ну, значит, иду я по темному переулку, времени совсем немного, но уже темно. И вдруг из-за угла — два пьяных лба с гитарой на плече. «Дай закурить». — «Не курю». И тут один из них — ба-бах и надевает мне на голову гитару. Это, кажется, испанский воротник называется. Гитара разлетелась вдребезги. Мне показалось, что голова тоже. «Да вы что, сдурели? За что?» — «А мне показалось, что ты нам угрожаешь», — сказал один из них.

Был турнир по боксу. Одного парня измочалили совершенно. Но он все вставал, и вставал, и в итоге выиграл.

Один знакомый человек, большой мастер по дзюдо, сказал мне вещь, которая имеет для меня глубокое, страшно сказать, философское значение: «Бороться можно и лежа». Это он про дзюдо говорил без задней мысли…

Надеюсь, Иван Шаповалов простит мне разглашение этой информации? Короче, Иван сказал, что ему понравилась песня «Встану» и он готов снимать на нее клип. Надо сказать, что это очень здорово и даже беспрецедентно, потому что Ваня не снимает никому, кроме своих команд — «Тату» и «7Б». — «А что для этого нужно?» — «Найди пятьдесят тыщ». Фигня какая, дело за малым. Где вот только бы мне их?

Значит, песня. Период затянулся. Длился уже полгода. Все было плохо. Звукозаписывающая компания отпугнула новых инвесторов, которые хотели выкупить группу, под соусом, что «такая корова нужна самому». При этом сами они не торопились ни выпускать альбом, ни хотя бы называть дату его выпуска и не предпринимали никаких других шагов по продвижению группы. Несите, типа, ребята, песню, в которую мы поверим. О'кей, принесли около десяти новых песен. Надо понимать, что делались они не один день, а кучу, кучу дней. Но ничего не нравится.

Хрен с вами. Ладно. Отнесу, думаю, на радиостанции какие-то песни, которые там еще не слышали, и если они возьмут что-нибудь, то компания поддержит, так как риски все уже будут погашены мной. Недели мы договаривались о встрече — станции не торопились, недели шли. Потом радиостанции одна за другой сказали: ребята, вы нас разочаровали, нам не нравится, что вы нас лечите и учите, надоел вообще депрессняк, хочется позитива. Да какой, говорю, на фиг, депрессняк, вы что, ребята, это же и

есть позитив!

Никакой это не позитив, твердо сказали станции. Отправляйтесь и ищите позитив, если хотите с нами дружить.

И тут пацаны в группе один за другим сказали: ты, конечно, как хочешь, но если альбом не выйдет весной, причем так, чтобы был резонанс, мы ищем другую работу. Это они сказали сразу после Нового года. Ну и типа месяца через два народ услышал и мои ответные речи, что если хотите, то меня тоже это все достало, и что я на самом деле хочу совсем другого, и мне надоели эти вечные компромиссы коллективного движения и то, что мне все время говорят, что и как делать. И все стало совсем плохо. Мы перестали репетировать. А тут еще и деньги кончились.

Депрессия не наступила. Когда все понимаешь, то у депрессии нет шанса свалиться тебе на голову как снег, потому что она, голова, непрерывно работает. Ну и мы написали с одним парнем песню, которая совершенно отражала мое настроение и мысль о том, что рая на земле, скорее всего, не будет, а фишка в том, что, зная это, надо идти своим путем, вставать каждый раз и идти, а бить будут все равно, и все равно будешь падать. Главное — вставать и идти.

Встану

Руками не прикрыта голова,
Это не защита, раунд длится вечно.
Падаю опять и не хочу вставать.
Пусть уже убьет. Мне даже крикнуть нечем.

Припев:
Все равно я встану.
И точно знаю, будут бить.
Все равно я встану —
Можно только стоя быть.

Концовку отменили в этот раз.
Сегодня на меня уже никто не ставит,
Предательски зачем-то капает из глаз.
Пускай я не герой — зачем со мною так?

Припев:
Все равно я встану.
И точно знаю, будут бить.

Все равно я встану —
Можно только стоя быть.

Серега Петухов, с которым мы написали большинство песен, особо просил обозначить, что новую песню написал не он.

Радиостанции песню взяли, и, пока они не оказали ей супербольшого респекта, никто не знает, правильный это был шаг или нет. С клипом тоже не все еще ясно. И дата выхода альбома пока плавает. Скажу одно: период стал другим. Я стою.

Шкурку человека, убитого моими руками за надрывный кашель над моим ухом, я повешу у входа в квартиру — как некоторые народы вешают маски своих богов, чтобы те приветствовали гостей и отгоняли злых духов. Виси, шкурка, теперь ты точно не будешь кашлять…

14 апреля 2003 года

Граждане, а ведь вам придется теперь искать радио «Арсенал» в самой заднице FM-диапазона, потому как я с большой вероятностью буду вести там программу, посвященную всяким тусовкам. Для этого мне придется в рабочем порядке тусоваться каждую неделю и раз в неделю два часа вести эту программу.

30 апреля у меня эфир на — страшно сказать — радио «Шансон». Программа романсов.

Мы репетируем романсы. Я езжу в большой массивный дом, где в комнате рояль. И мы поем романсы, и приходит кот, и валяется на полу, пока кто-нибудь пальцем ноги не почешет ему его пушистый живот.

По-прежнему ведем дискуссии со звукозаписывающей компанией о том, выпускать ли альбом. Они пытались меня убедить, что это слишком дорого и что мы сами во всем виноваты. То есть пытались меня убедить, что альбом издавать-таки не нужно. Наверное, так оно и есть, только это… альбом-то нужен.

Непреходящее ощущение зае…сти. То ли череда стрессов, которые валятся на мою голову, то ли авитаминоз.

Сегодня посмотрели передачу со мной и Селезневым в эфире. Все-таки чинопочитание в крови у русского человека. Никакого диалога. Монтаж программы выстроен таким образом, как будто спикер парламента — это пуп земли и все вокруг него вертится. Да и в студии тоже так было: все бегали, носились — сюда ходи, сюда не ходи, уберите ноги из прохода, Он проходить будет. Вот не пойму, всю прикольную первую часть передачи вырезали, и сижу я, как идиот, непонятно, типа, зачем, а то, что я эдак, так, эдак, так, — ничего ж нет в итоге в эфире. А-а-а-у-у-у-ы-ы-ы. Хотя чего удивляться, телевидение, оно такое. Но к чести MTV — они много там оставили.

Лейбл предложил записать дуэт с не-скажу-каким западным исполнителем. Завтра буду ему звонить, если не забуду. Ну, в смысле звонить ему будет его подруга, которая поклонница его и меня одновременно. Даже смешно: мы с ним какие-то родственники по женской линии получаемся.

Меня научили пользоваться пультом на радио, чтобы мочь вести радиопередачу. Делают мне пропуск. Не прошло и трех лет, как у меня опять появляется удостоверение «Пресса».

Завтра у меня концерт. Уже и не помню, как это делается — в смысле, концерты.

Завтра начну писать дневник про личную жизнь. А чего,

действительно, стесняться?

16 апреля 2003 года

Страницы личной жизни.

На саундчек пришли странная девушка и странный парень. Говорят: «Мы — группа такая, «Палата Люкс». Давайте мы с вами будем концерты давать?» Даже и не знаю, хорошо это или плохо. Буду думать.

На улице случайно встретились люди из Москвы, из Питера и из Киева. Наверное, нам всем на один концерт в итоге. Думаю, а вот если я не приду, что будет?

Офигительно здорово на улице. Почему-то офигительно фигово себя чувствую.

Личная жизнь довольна весной. Личная жизнь таскает мой браслет и считает, что с ним лучше. Вот и все пока про личную жизнь…

18 апреля 2003 года

Концерт мне не понравился. Интересно, можно такие мысли безнаказанно писать в дневнике? Я же отдаю себе отчет, что мой дневник в некотором роде средство массовой информации, иначе куча народу не просила бы меня написать про них тут. Злобный Бучч выполняет просьбы трудящихся.

Итак. Человек номер один, выполняю свое обещание и пишу о тебе. Значит, мы прогуляли пол-Москвы и сидели на вокзале в бистро среди странных персонажей, поглощавших остывший борщ и мелькающих там и сям. Какой-то Нотр-Дам — нищие, калеки, увечные, пьяные уроды. Ведущая мысль: чем все это кончится, интересно?

Человек номер один дробь один. Это страшный человек, он слишком много знает и имеет свойство возникать в любой точке, стоит лишь о нем чуть подумать. Считает себя мной.

Человек из столицы. Надеюсь, ты сейчас в ней, потому что если ты не в ней, то это прикол.

Немного интриг в холодной воде.

Ну вот таким образом мне удалось усвоить стиль большинства писем, приходящих мне. Чем загадочнее, тем романтичнее.

Про концерт еще раз. У меня была травма шеи. При некоторых обстоятельствах на меня упала тетенька весом в сто двадцать килограммов. Потом она упала на меня еще два раза. Мои позвонки сомкнулись, да так, что дядя-рентгенолог осмелился утверждать, что у меня родовая травма и что меня родили со сросшимися позвонками. Это неправда. Мой собственный папа, который к этому времени стал из просто терапевта мануальным терапевтом, за несколько зверских сеансов отцовской любви развел позвонки по местам. Травма была ликвидирована, если яснее выразиться. Последствия остались и дают о себе знать. Последний раз они дали о себе знать перед концертом. Мне было плохо. А-а-х, о-о-х. Поскольку никого, кому можно было бы ныть для удовольствия, не было рядом, пришлось заглотать лекарство. Потом пришло спасение и натерло меня мазью. К началу концерта мое сознание было мутно, но шея поворачивалась. Колбаситься было никак.

Ну и деталь: мы не единый веселый организм, который отрывается под собственную музыку. Мы слишком полны мыслей.

Я думаю, что буду что-то радикально менять в наших концертах. Мы уже прошли весь классический рокерский набор и повторять старое уже неприкольно. В первую очередь мне.

Откуда пацанов столько в зале стало?

Друг, написавший мне это: «*….у меня близится сессия, так что я даже не знаю, как и чего теперь думать о Вас, не успеваю переключиться за те короткие на сегодня свободные часы на то, чтобы всерьез что-то сейчас Вам посоветовать. Просто чётко: мне оно оч. много значит и я на самом деле готова сейчас — по возможности — сделать для Вас тот максимум, на который сама способна. Голосую отовсюду, откуда только получается, хочу Вам успеха!..*»

Спасибо тебе отдельное. Здорово меня поддерживаешь.

Как попадают в программу «Время»?

Ее как раз тогда заново создали, специально под выборы Ельцина. Мой дипломный руководитель сказала: «Приготовьте вашу презентационную кассету, ко мне должны прийти». У меня была кассета с репортажами из Вологды, вполне хорошая. Я до сих пор не знаю, что за человек приходил на кафедру и как он передал мою кассету в редакцию «Времени», но факт есть факт: он передал, а мне дали телефон, по которому брала трубку тогдашняя ведущая Арина Шарапова. Это само по себе ничего не значило — сотни кассет попадают всем в руки на телевидении, так же как сотни дисков пылятся в звукозаписывающих компаниях, и ничего ни из того, ни из другого не выходит. Но у меня был заветный телефон, а у Арины Шараповой не было возможности от меня скрыться. Пару месяцев пять раз в неделю она говорила, что кассету еще не посмотрели, но в итоге, видимо, сломалась, и меня позвали в Останкино. На меня строго посмотрела главный редактор, и так началась моя карьера в программе «Время».

Самой сложной первоочередной задачей было правильно одеться. Нужно было купить два костюма. Мы поехали с моей однокурсницей Анькой, у которой автоответчик пел моим голосом, на рынок и там совсем недорого купили мне два костюма — один твидовый в елочку, другой черный. Потом один из них сыграл важную роль в моей репортерской судьбе.

Когда время подходило к девяти вечера, собственно к эфиру, в редакции оставались только те, кто доделывал в монтажной свои репортажи, и два стажера, которых держали до вечера про запас, на всякий случай. Один стажер был одет неподобающе, второй был в костюме. Второй — это я. И тут поступила срочная информация из

Кремля: стране можно сказать, что Борис Ельцин болен и что ему предстоит операция на сердце. Нужно было срочно ехать и брать интервью у врачей, которые будут эту самую операцию делать. Послали стажера в костюме, потому что больше никого не было.

Я помню, что до эфира оставалось двадцать минут, и за это время мы слетали на окраину города и обратно, вбросили кассету с интервью в эфирную студию, и с этой минуты у страны началась другая жизнь. И у меня тоже.

23 апреля 2003 года

По-прежнему тянется катавасия со студией, и финальный аккорд — альбом — все не звучит.

Мы все бредем в разные стороны, чтобы нащупать дорогу. По идее мы сводим концы с концами как раз тогда, когда у страны праздники.

Все страшно неповоротливо и медленно. Тут один умный человек сказал: что снаружи, то и внутри. Значит — я улитка. Стопудовое ощущение, что я двигаюсь, но пейзаж вокруг как будто застыл.

Весна — это ж страшное дело, мой дремлющий организм проснулся и требует романтики. Пока вот так коротко.

Из области ощущений — что-то должно нахлынуть.

Кстати, посещаемость сайта народом в среднем увеличилась на сто человек в день.

26 апреля 2003 года

Мысли разбежались, как стадо блудных коров. Такое ощущение, что у меня в голове невесомость, где плавает масса идей, дел, страхов, я пытаюсь их поймать, а они уплывают.

Больше всего хочется спрятаться от всего. Не пойму почему. В голове играет пластинка: а как другие поступают в таких случаях? У всех ли бывают такие периоды? и т. д. Надо прояснить свои цели. Надо поместить их во время. С чем я не хочу разбираться?

Лепишь реальность из комьев воздуха
И отсекаешь все лишнее.
Я не умею ни плыть по звездам,
Ни даже ходить на лыжах.

Поэтому спутаны линии,
Как будто гривы в репейнике.
Такие вроде бы длинные
И острые, как шипы ошейника.

29 апреля 2003 года

Свежий анекдот. У меня восьмого эфир на радио «Шансон», я там в прямом эфире пою ро-ман-сы. Звонит Катя, администратор наш, Ксении Стриж, которая эту передачу ведет, и договаривается там о деталях. А Ксюша ее спрашивает: «Пропуска сделали?» — «Сделали», — говорит Катя. «И Буччу сделали?» — «Ну да», — говорит Катя. «А как его фамилия?» — спрашивает Ксюша, типа, к слову. Ну, Катя и говорит, как его фамилия. И тут Ксюша бам-ц — и выпадает. То есть она, конечно, знала, что есть такая рок-группа и что там есть такой артист, но вот чтоб он был прям с такой фамилией — она не ожидала. Вот, собственно…

Могу еще рассказать про то, что жизнь хороша и удивительна. И париться мне надоело, хоть я и распроклятые Весы, которые вечно колеблются, только дай. Наступила в моей бедной голове ясность. **Объявляю время перемен.**

Хочу на концерт «Алисы», потому как никогда мне там бывать не доводилось. Надеюсь, не побьют меня там. Мне тут рассказали, что во времена, когда Кинчев был еще не такой православный, он ложился на край сцены, протягивал руки к залу и хрипел: «Иди ко мне», и загипнотизированный зал шел упираться в сцену, а молодой Кинчев, окруженный трехслойным кольцом милиции, метался и здорово, здорово давал свой концерт.

Ах да: у меня в воскресенье первый эфир на радио «Арсенал». Программа будет посвящена поп— и рок-концертам всяким. Поэтому мы с Катей просто усыпаны пресс-релизами и дисками разных приезжающих исполнителей. Почему-то у большинства из них с трудом выговариваемые финские фамилии.

9 мая 2003 года

Расскажу про стародавние события — про концерты в Зеленограде и в «Меге» 1 мая. Коротко, поскольку уже не очень помню. Концерты прошли один другого веселее.

Зеленоград. Оказался прямо-таки лекционный зал, где мало того что сидячие места, так еще парты в живот впиваются, потому прыгать можно только с риском для пищеварения. Тетенька-милиционер всех гоняла за стеклянные двери под дождь и говорила пришедшему народу, что тем, кого пустили, — счастье, потому что не выгнали мокнуть.

Прикольный момент был следующий: все сидят, ерзают на этих своих кресло-партах. Я им говорю: мол, мы приехали получить удовольствие, но зал — партнер так себе, у него как у партнера темперамент подкачал, и он как бревно. Зал был задет. Зал закричал: «Мы не бревно» — и ожил.

Потом человек пятьдесят — по странному стечению обстоятельств, опять девушек — караулило меня после концерта, типа, за автографом. На самом деле каждая отдельно мне заявила, что они — *не бревно*.

Второй прикол. Когда мне сказали, что есть возможность сыграть концерт в торговом комплексе, я сразу давай кричать, что это здорово и прикольно и что пора, пора уже играть в торговых комплексах именно первого мая. А что такое, собственно, первое мая? Это когда Роза Люксембург и Карл, не побоюсь этого слова, Либкнехт или эта, Клара Цеткин, что-то там такое? Или это про Восьмое марта?

Ну, короче, в торговый центр нам, сограждане, и только туда. И вот стою я на сцене, пока ребята настраивают звук, и понимаю, что прямо по курсу детская горка, по которой ездят дети, а дальше по курсу семьи катят крупные тележки, и то и дело курсируют туда-сюда люди из магазинов в магазины, шмыг-шмыг, направо-налево. А я стою. И мне хорошо.

Потом оказалось, что организаторы заявили концерт «Фабрики звезд», и стало понятно, почему первые ряды у сцены заполнены девочками, которые, глядя на нас, спрашивали: «А где ж «Фабрика»?» Ведущий концерта пытался неуклюже шутить: мол, мы на фабрике на этой работаем, но девочки грустнели и норовили уйти. Потом появилась наша родная публика, которая с первых аккордов стала колбаситься. Люди с тележками пугались и останавливались. Ну, представьте: идете вы по магазину, все в мыслях про размеры и кофточки, и обнаруживаете гремящую рок-группу и скачущую ейную публику посередь прохода.

У концерта было два отделения, но перед вторым мы уговорили свежеподаренный коньяк, поэтому артист впервые в жизни пел лежа. Так меня прикололо. В зале, прямо под горкой имелись доброжелательные мальчики и девочки примерно восьми лет. Реагировали они на наш концерт хорошо. И вообще, у меня было полное ощущение, что я на пикнике. И что все — моя семья, с которой мы и приехали на этот пикник.

Еще воспоминания о **программе «Время».** Все первые репортажи в «Времени» стали моими, поскольку все они были о состоянии здоровья президента. Карьера моя в редакции делалась молниеносно. Очень скоро меня взяли в штат и тогда уже прозвали «штатным врачом президента». Мы караулили всех его врачей, записывали все телеобращения пресс-секретарей, давали сводки с операционного стола — в общем, сообщали обо всем, что тогда волновало страну.

Следующей моей серьезной работой стала балканская война. У меня как раз тогда рухнула личная жизнь, и мне захотелось куда-нибудь уехать из Москвы. Прихожу в редакцию и говорю: отправьте меня куда-нибудь подальше, желательно на войну. После долгих уговоров меня послали в Албанию. Там, собственно, особенных боевых действий не велось, но ожидалось, что оттуда после бомбардировок начнется сухопутная операция НАТО.

Целый месяц мы со съемочной группой провели в Албании. Это была странная страна. Она была до боли похожа на бывший Советский Союз — наверное, потому, что долгие годы наши страны дружили и все делали одинаково. Одинаково праздновали Первое мая, ходили демонстрациями по площадям, одинаково имели карточки на еду и проблемы с продуктами, там тоже был культ личности местного лидера Энвера Ходжи и тоже были репрессии.

Каждая машина в Албании — «мерседес». Только потертый, поломанный. Если он может ездить — значит, на нем ездят. Все они, как правило, были ворованные из стран Европы.

В Албании было много всякой экзотической дури. По всей стране стоят 300 тысяч бетонных дотов, везде — на виноградных полях, на пляжах и на кладбищах даже. Так Албания защищалась от предполагаемого нападения с Запада, а когда поссорилась с Советским Союзом, то и от

Союза. Там в школах учили русский язык, и куча пожилого народа, которого мы встретили, говорили по-русски. Однажды на побережье владелец какой-то зачуханной кофейни, который только что отправил нелегальный транспорт с русскими проститутками в Грецию, прочел мне стих «Имя Ленина славим». Как со школы запомнил, так и прочел. В Албании тогда был штаб косовских террористов, и там заседало их непризнанное косовское правительство. Каким-то образом мы произвели на них впечатление, и мне выдали бумагу, где на албанском, с подписью и печатью главного террориста, было написано, что этому человеку надо оказывать всяческое содействие на территории Косова и любой другой. Потом копии с этой бумажки с большой радостью делали сербские спецслужбы.

Мы поехали из Тираны в горы, попали пару раз под бомбежку и делали репортажи из лагерей беженцев из Косова. Заодно мы подружись с несколькими натовскими частями и сделали оттуда прямо-таки шпионский репортаж — как там у них чего расположено, какие танки, чем их кормят и так далее. Меня это все очень забавляло. Страшно совершенно не было, наверное, потому что до меня не доходило, как это все реально опасно, — например, гулять по полю неразорвавшихся мин и вообще быть поблизости от бомбардировок. Потом, после возвращения в Москву, меня отправили на другую сторону фронта, в Югославию и Косово. Вот там мне впервые стало страшно. Этническая война — это когда режут за то, что ты славянин, серб, русский, болгарин, а не за что другое. Просто режут, потому что не нравится нация.

2 июня 2003 года

Рассказ о съемках клипа на песню «Встану».

Все разбрелись по летному полю. Светило солнце, и над головой носились самолеты. Все закатали рукава маек и штаны, чтобы солнце не светило зря и чтобы загорать. На роль девушки героя пробовались две девушки. Режиссер не смог выбрать, какая лучше, потому что обе были хороши, и снять решили обеих, а потом посмотреть, кто на пленке эффектнее. Потому из вагончика поочередно вышли две девушки в гриме, и первая села на героя, лежащего в складках парашюта. Герой — Леха — сразу заявил, что надо что-то подстелить под спину, а то обниматься неудобно. Режиссер сказал, что по раскадровке положение должно быть именно таким, и пусть делает что хочет, но обниматься с девушкой он должен именно так. Леха нечеловеческим сведением мышц живота принял нужное положение, и они вместе с первой девушкой приступили к изображению нежной любовной сцены. Пару-тройку дублей Леха сдавался и говорил, что какая нежность, когда в такой нечеловеческой позе. Но потом пообвыкся и воспринял вторую девушку почти с радостью. Все кричали: больше страсти, давай-давай — как тебе, парень, повезло, и герои наконец увлеклись процессом, и только все у них пошло, как режиссер сказал: «Стоп, снято».

По сценарию есть момент, когда один летчик выпрыгивает из самолета без парашюта, а другой катапультируется вслед, чтобы того в воздухе поймать. Все было успешно проделано. Режиссер попросил того, кто без парашюта, лететь к земле с искаженным лицом. Он летел с такой зверской рожей, что, видимо, придется применять спецэффект или убирать крупный план — настолько выразительно и по-зверски у него получилось, что с парашютом он или без, уже не следишь, смотришь только на его гримасу.

На второй день съемочная группа привезла надувной матрас, и все решили, что будем загорать. На самом деле матрас был нужен, чтобы принять на себя тело падающего героя. Всех пляжников стряхнули, и матрас унесли на плац, где снималась драка летчиков. Пляжников, кстати, с каждым днем становилось все меньше, потому что к каждой новой смене число обгоревших на открытом солнце увеличивалось. К третьему дню большинство ходили в бейсболках и кофтах с рукавами и капюшоном, в которые прятали свои красные лица и руки. Я всю дорогу хожу в кожаной куртке, поэтому мне страшно жарко все время. С другой стороны, все обгорели, а я нет.

3 июня 2003 года

Рассказ о съемках клипа на песню «Встану»-2.

Мы поехали на съемки в понедельник, и никто еще не подозревал, что все закончится только в пятницу. Мы ехали в трейлере, который потом служил и грим-вагеном, и штабом, и передвижным сортиром, и местом, где прилечь. С трейлером все время что-то случалось: то он ломался возле какого-то рынка в полях, то к нему проявляли недетский интерес милиционеры — надо же посмотреть, что там внутри такое. Мы приехали на аэродром, где потом и провели всю рабочую неделю. Стояла страшная жара.

Первая сцена требовала от главного героя необходимости заниматься любовью в живописных, невинных, но очень зрелищных ракурсах. В ангаре расстелили парашют и подвели к нему девушку. Актеры понравились друг другу. Вся съемочная группа побросала дела и столпилась вокруг парашюта. Типа эту сцену никто не хотел пропускать. Главный герой Леша, по стечению обстоятельств — вылитый Робби Вильямс, смущаясь, пригласил девушку сесть.

У девушки было коротенькое платье в крупный цветочек… Мы все, зрители этой сцены, получили большое удовольствие и время от времени еще и кричали «давай-давай» и «не верю» или «вы вообще знаете, как это делается». Ребята стойко продолжали.

Началась драка летчиков. Один съездил другому по морде, и тот упал. Матрас принял тело, но плохо, и тело хорошо приложилось к асфальту. Потом под матрас что-то подстелили. Зато и разгневанный летчик зверел от дубля к дублю и под конец так хорошо съездил второму герою, что даже разбил руку.

В это время на заднем плане летчики бежали к самолетам. Это началась тревога, и пока двое выясняют отношения, другие вспрыгивают по кабинам. Выяснилось, что вспрыгивать в самолет совсем не легко. Там только одна ступенька, а куда девать вторую ногу — непонятно. Как на лошадь. Поэтому на переднем плане двое мочалят друг друга, а на заднем летчики висят на самолетах, как кули с картошкой, и силятся забраться наверх. «Плохо, — кричит режиссер, — плохо, летчики, бежим еще раз». Эти дерутся, те бегут. Опять человек десять побежало к самолетам. «Быстрее, — командует голос, — летчики, бежим быстрее». И так дублей пятнадцать. Температура градусов тридцать, а летчики бегут в спецкостюмах и со шлемами. Возле площадки выстраивается толпа работников аэродрома, которые за всем этим с удовольствием наблюдают. Кто-то говорит: здорово,

что вы снимаете не в Туркмении. Хотя, честно, разницы не чувствуется.

Снимается сцена, как герой моется под душем. Душ строили прямо там. Большие листы какого-то материала с плиткой, туда вмонтировали краны. Потом помощник режиссера прошелся по плитке морилкой, и на кафеле появились характерные подтеки ржавчины. Ну, чистый душ. Над кабинкой нависает человек и через специальный круг льет воду в лицо актеру. А из этого круга смотрит камера и снимает глаза, в которые льется вода. Леха — настоящий герой, потому что он готов снимать и переснимать эту сцену, после того как ему закапали глаза «Визином».

4 июня 2003 года

Рассказ о съемках клипа на песню «Встану»-3.

Мы едем с героем на армейском газике без верха по проселочной дороге. Газик все время ломается, и у него отказывают какие-то, не разбираюсь, передачи. Я в своей кожаной куртке, а у него одна рука в гипсе. Нам звонят по рации, что вертолет уже вылетел и что можем трогаться. Тронулись. Через пару минут над нами нависает вертолет. С подножки свисает Женька с камерой. Все это хозяйство на расстоянии двух вытянутых рук над нашими головами. С вертолета командуют ехать на полной скорости. Мы несемся по дороге, над нами вертолет. Полное ощущение, что мы в каком-то американском фильме и нас, типа, ловит полиция. С вертолетом на хвосте мы разгоняем унылые машины дачников, мчимся по каким-то полям, выворачиваем обратно на аэродром, где как раз взлетает еще один такой же вертолет. В какой-то момент один вертолет у нас прямо по борту, другой сзади. Я тихо спрашиваю Леху: «Тебя когда-нибудь вертолет давил?» — «Нет», — говорит. «Тогда давай останавливаться».

Тройка истребителей заканчивает третий залет. Каждый раз, когда двое из них охватываются дымом и начинают закладывать фигуры высшего пилотажа, типа брюхом вверх нестись к земле или выкручивать петли, с земли командуют, чтобы борт один, два и три шли на посадку. Потому что управлению полетами это кажется слишком рискованным. Для того и нужен четвертый вылет, чтобы снять все рискованно. На борт одного из истребителей просится парень из нашей съемочной группы — он с детства мечтает полетать на истребителе. Ему запрещают есть. Сами знаете, каково лететь пообедавши, когда самолет выделывает всякие штуки в воздухе. Все, кто остались на земле, ждут, с каким лицом он вернется в вагончик. Возвращается разочарованным. Летел в том самолете, который как раз ничего не делал, шел ровно, а вот зато другие — и петли, и бочки, и все там, что положено…

5 июня 2003 года

Рассказ о съемках клипа на песню «Встану»-4.

Леха все дни проводит в гипсе. Добрые люди спорят, будет у него под гипсом чего с кожей или нет. В итоге со страху ему делают новую «руку» — чтобы можно было снимать и надевать легко.

Люди с аэродрома сэкономили на дымовых шашках, и поэтому на сцене катапультирования в дыму все обкладывают какой-то горящей ветошью и шинами. Дым черный и вонючий. Притом его недостаточно. Специально подруливают самолет, чтобы тут же работал, создавал ветер и дым бы увеличивался. Дыму больше не становится, зато все горящие тряпки радостно летят на людей. Ответственный за дым местный технарь по-прежнему уверяет, что дымить будет лучше шашек, только надо все это накрыть железным листом и запустить самолет для ветру еще раз. В это время в кабине, в этом подлом дыму, сидит Леха и катапультируется уже раз восьмой. Режиссеру картинка не нравится, и техники продолжают свои манипуляции с ветошью и подручным самолетом, а Леха все выбрасывается из кабины и выбрасывается.

Жутко похолодало. Градусов десять. Наконец-то моя куртка стала по погоде. Предлагают переснять на улице при этой погоде сцену в душе. Леха к этому готов.

Летчик на закате убегает между стоящих самолетов вдаль. Метров триста от камеры. Как-то странно он бежит, переговаривается между собой группа. У него ж рука ранена, а он чего-то ковыляет. Герой бежит, удаляясь и удаляясь. Потом кто-то объясняет, что он все съемочные дни пребывает в армейских ботинках на три размера меньше.

Камера снимает с самолета разбившийся истребитель, охваченный пламенем. Тайна, покрытая мраком, как они это сделали.

Герой только что приземлился и лежит в поле, со сломанной рукой, окутанный собственным парашютом. С трудом поднимает голову, и тут все понимают, что он слишком чистый. Героя начинают возить лицом по болотцу и валять в траве. Он становится совсем несчастным от этого, и сцена удается.

В порыве чувств смятенный герой шарахает рукой по зеркалу. Зеркало вдребезги. Должно то есть так быть. Прикол в том, что зеркало намертво приклеили к стенке без малейшего зазора так, что оно отказывается разбиваться. Так, эдак, со всей дури, со всей мощи, после того, как вогнали болт, после того как размочалился

гипс, после того как подложили под него подставки, чтобы отделять от стенки, даже надрезали слегка стеклорезом — не бьется, собака, и все тут. Было нарезано специально четыре штуки, чтобы делать дубли, а мы не можем разбить и одного. В итоге разбили его пассатижами. На мелкие кусочки. От злости. Кто разбил? Я.

«Не курите рядом с прогулочными самолетами, — предупреждает группу смотритель аэродрома. — Они стоят около миллиона». — «А почему рядом с истребителями было можно?» — «А потому, что истребители дешевле», — скромно опуская глаза, отвечает он.

Мы уезжаем с аэродрома в пятницу ночью. Мы тусовались здесь с понедельника. За это время мои дорогие шмотки превратились черт знает во что. Уезжать не хочется, потому что мы привыкли к тому, что над головой летает что-то, все ходят в летных комбинезонах и в тысячный раз саундтреком ко всему звучит: «Все равно я встану…»

30 июля 2003 года

Целый день сегодня ношусь в мыле — точек десять. Поэтому и потянуло обновить дневник — в качестве заглушения гула ног. **О звездной болезни и «артист изменился».**

Обожаю разочаровывать господ и дам поклонников. Потому что это верный способ приблизиться к реальности. Светлый образ, созданный добрым воображением на той стороне сцены, нимало не относится ко мне. Вот к этому вот человеку, который сидит и набирает этот текст на клавишах. Я, наверное, специалист по отниманию самого дорогого — иллюзий. По порядку. Мне жалуются: с нами не общаются, по крайней мере уж точно не так искренне и часто, как раньше. А кто должен? Никто из нас никому ничего не должен. Наверное, на новом витке моей сногсшибательной карьеры в шоу-бизнесе кто-нибудь сможет меня ознакомить с правилами поведения артиста с поклонниками — ну типа, как в промофильме про Бритни Спирс. Бритни приезжает на Гавайи. Час дня. Бритни стучится в некую дверь. За спиной у звезды притаилась съемочная группа. «Тук-тук. Это Джулия?» Дверь открывает девочка лет двенадцати. Сразу же после того как она видит Бритни, девочка начинает очень мило и очень громко визжать. «Джулия, — говорит мисс Спирс ласково, — я знаю, что у тебя сегодня день рождения, поэтому зови всех своих друзей — будем праздновать». И полчаса камера снимает безудержную радость детей по поводу того, что сама Бритни Спирс запросто отмечает день рождения Джулии с Гавайев. Вот этого-то я пока и не умею. И считаю, что основное место контакта — это концертный зал. Поэтому играйте сами, товарищи, в подвижные игры на природе, у меня просто совсем другая творческая задача.

Нас бросили, мы никому не нужны, нас никто не слышит — это к психотерапевту, очевидно.

Наше мнение не важно — вот это как раз не так. Например: «Я все время утверждаю, что альбом, блин, фиговый получился, а со мной не соглашаются. Меня не слышат». Да нет, слышат, просто у всех мнение свое. И у меня оно точно другое. По этому поводу.

Еще деталь. Какие у меня, интересно, есть обязательства по отношению к господам фэнам? Постоянный апгрейд со своей стороны пообещать могу, оставаться на плаву и продвигаться — могу, могу еще пообещать, что буду относиться с любопытством к тем, кому интересно то, что я делаю, и отвечать благодарностью за приверженность.

Артист, наверное, — это такая сволочь, которая никогда, скорее всего, не ответит взаимностью. Да еще и провокационные тексты вывешивает. А может, и ну его, пусть, может, музыкой занимается?

14 августа 2003 года

Очень хорошие ощущения у меня от ведения радиопрограммы. И в конце концов можно свободно говорить о том, что меня правда волнует. Вот волнует меня судьба артиста, и мы тут давай трогательно рассуждать о том, заслужил ли Владимир Кузьмин клуб на сорок человек, где он выступает, или он заслужил большего. И, что удивительно, тут же начинает звонить народ и убеждать, что человек сам выбирает и что сорок человек настоящих поклонников — это то, что надо. И Рихтер обожал выступать в маленьких залах — дяденька не поленился позвонить из машины и это сообщить. А Кузьмин как человек тронул всех — и эта его «Пристань твоей надежды», и романтические песни, и Алла Пугачева и т. д. Имею жажду больших залов, и попрятать ее некуда. Больше, лучше, по-другому — говорят, это основной контекст человеческой жизни. Соглашаюсь. С акцентом на первые два пункта.

В Киеве будет презентация альбома. Кто, интересно, кроме меня об этом знает?…

20 августа 2003 года

Ну что? Ну да, не пишу дневник регулярно, хотя сказать есть что всегда. Что, например, сказать? Ну, например, однажды меня подкараулили две девушки и подарили фаршированные помидоры в пластиковой коробке из-под торта — частично с грибами, частично с сыром. Это оказалось ужасно вкусно. И к ним белое вино — чтобы в комплекте. В Киеве мне передали всю группу «Butch», тоже в коробочке. Пластилиновую группу. На пластилиновых барабанах была пластилиновая надпись «Butch», а на пластилиновых клавишах стояло: «Made in Obuhov». Обухов — это под Киевом, откуда и сам скульптор. Детали одежды господ музыкантов были переданы с пугающей точностью, вплоть до рисунка на шапочке Хоттабыча.

Про концерты. Город Саратов. Или это кара небесная, или это нервы. Факт тот, что опять у меня перед концертом, блин, в который уж раз, кончился голос, и местный фониатр выдал мне ампулу с адреналином и вазелин, чтобы смешивать и через нос заливать на связки. И шприц — чтобы струйно. Стою я, короче, в гримерке и все это заливаю, а туда съемочная группа какого-то телеканала заходит и еще люди с радио. У меня на столе полный набор — и тебе какая-то вскрытая ампула валяется, и ватка, и шприц использованный, и — в довершение всего — зачем-то большой тюбик вазелина. Организатор концерта бочком-бочком и все это за спиной сгребает. А то что бы они подумали? И если с остальным понятно, то зачем вазелин? Или это парней вазелин?

В Киеве после площадного концерта народ облепил автобус и стал прижимать ладони к стеклу. Прям чистый Таркан. На клубном концерте в Киеве сцена была неординарная. Такой высокий постамент стеклянный и стеклянные мостики, а народ под ними танцует. Поэтому полконцерта у меня прошли так — ползком, глядя вниз, вглядываясь через стекло на народ. Смешно, наверное, смотрелось.

Москва времен программы «Время». Сивцев Вражек.

Моя однокурсница сдала мне комнату в коммуналке на старом Арбате. Одну соседнюю комнату занимала сумасшедшая тетушка с престарелой матерью нереально преклонного возраста, но, в отличие от дочери, абсолютно вменяемой. Другую комнату сдали девушке в очках. Она решительно прошла из коридора к своей комнате и, по дороге встретив меня, заявила: «Я Ольга

Пальчикова, композитор и певица».

У меня была суперважная работа. А за стенкой играла музыка, приходили какие-то люди, пили-пели-веселились, чем мне ужасно мешали, потому что работа требовала всех сил и к полуночи меня неуклонно тянуло в сон. За стенкой же все только начиналось. Но мы почему-то не ссорились, а жили в общем душа в душу, пользуясь одной кухней без холодильника, где из-за шкафа гроздьями чернослива свешивались тараканы.

Прошло уже полгода с начала моей стажировки в программе «Время», и мне очень нужно было вытянуть свой счастливый билет, взять какую-то очень высокую планку. Все у меня хорошо получалось, но гарантий, что меня возьмут на постоянную работу в программу «Время», не было никаких. И тогда мне поручили суперважную тему. Я уже давно не держу руку на политическом пульсе государства и кем сейчас является Анатолий Чубайс не знаю. В тот момент он считался одним из самых влиятельных политиков страны и был, в полном смысле этого слова, «серым кардиналом». Его голос многое решал и многое значил. И мне, стажеру, поручили сделать с ним личное интервью. Беседовать мы с ним должны были в его кабинете, в здании администрации Президента на Старой Площади. В 9 часов утра.

И тут-то как раз и появилась Пальчикова. Ольга предложила мне, исключительно за знакомство, выпить и покурить марихуаны. И я сдуру согласилась. Мы выпили бутылку водки и выкурили два косяка травы. Я решила, что меня ничего не взяло, и мы решили догнаться. Пошли на Старый Арбат, выпили еще бутылку и еще чего-то покурили…

Кровати у меня не было, а был такой гигантский ортопедический матрас. Утром я открываю глаза и понимаю, что лежу на этом матрасе, лицом вниз, в одежде. Поднимаю голову, и тут выясняется, что глаза у меня затекли, а лицо висит этаким пузырем. Почему это произошло — не знаю. Вообще-то я не пью, не курю и наркотиков не употребляю, и эффекты от такого времяпрепровождения мне неведомы.

Дальше я смотрю на часы и вижу, что уже 12 часов дня. Получается, что моя съемочная группа вместе с самым крутым политиком страны ждут меня уже три часа. Что делать — ума не приложу. На работу мне в

таком виде идти нельзя. Начальство увидит мои глаза и скажет: «Ты — алкоголик! Иди на фиг!» Звонить и говорить «извините» через три часа после полностью проваленного интервью — нелепо. Короче, полная жопа. Я го-ворю Ольге: «Звони, говори, что ты мой родственник, что я лежу в коме, что у меня страшный грипп». Она звонит. Потом звоню я. Не помню, что уж мне там ряв-кали в трубку, помню только одну фразу: «Никакого понятия о дисциплине». В голове мысли одна ужаснее другой: меня выгонят с работы, и никто больше меня никуда и никогда не возьмет, мама расстроится, вся Вологда будет подавлена, все полетело к чертовой матери, столько времени и труда потрачено зря, у меня нет будущего, жизнь рухнула. В конце концов уезжаю в Вологду. Тут меня все начинают поздравлять: «Ты, типа, человек из нашей школы, из нашего класса, с нашего двора. Всего добиваешься. Работаешь в программе «Время». У тебя большое будущее». Я, конечно, улыбаюсь, а про себя думаю: «Что они говорят! Ведь все рухнуло. Моя телевизионная карьера давно в прошлом. Сейчас я уже никто и ничто». Проходит две недели, и тут мне звонят из редакции и говорят: «Ты что делаешь? Почему не на работе? Срочно к станку». Вот и все. Никаких преград карьере телерепортера, казалось, больше не было.

11 сентября 2003 года

11 сентября год назад мы сидели у меня дома и ели пельмени, то есть пацаны ели. Потом кто-то позвонил и сказал: «Включайте телевизор». Мы сидели перед вечеринкой журнала «ОМ». Ждали, чтоб двинуться группой на концерт. И просто офигели. Мы не поверили в то, что увидели. Потому что рушился торговый центр. Думали, что концерт отменят. Ан нет. Никто ничего не отменил.

Реальность стукнула в двери и невозможно на нее закрыть глаза теперь. Ужасно, ужасно люблю жить. Осталось два дня до концерта в ЦДХ. Страшновато, честно говоря. Думаю, все будет зашибись. А куда ему, этому, деться? Оно обречено быть «зашибись».

15 сентября 2003 года

Мне тут рассказали один прикол: в Штатах учителя со стажем больше пяти лет не имеют права давать показания в суде как свидетели. То есть у них развивается такое чувство собственной правоты, что они утрачивают картинку реальности. Следовательно, как доверять их показаниям? Да никак…

Читаю длинное рукописное письмо. Официально на четырех страницах, а на самом деле на восьми. Убедительно доказывается там, что я подросток, который больше всего хочет от мира, чтобы его оставили в покое. Разве?…

Сегодня предложили написать тексты на заказ. Это, видимо, комплимент…

Читаю книжку и больше всего хочу, чтобы она не кончалась. А она, зараза, кончается…

В Малайзии есть племя, которое запоминает все свои сны в течение всей жизни и учится их заказывать и контролировать. Ну, типа, сынок, если сегодня во сне ты убежал от тигра, то завтра ночью ты должен сделать так, чтобы он от тебя убежал. А я почему-то никогда не летаю во сне. Может, заказать да полетать?

20 октября 2003 года

Стыдно ли бояться летать самолетами? Я боюсь летать ими. Признаюсь. Когда мы летели в Челябинск, мне поступательно казалось:

1. Что на взлете мотор вдруг замолчит и наш самолет стремительно воткнется носом в землю, а пока он будет лететь носом к земле, мы все будем висеть на ремнях в своих креслах, и только ремни нас удержат от скопления в пилотской кабине, откуда будут слышаться страшные матерные слова.

2. И вот мы набрали высоту, и командир экипажа объявляет, что за бортом минус 55 градусов и высота десять тысяч метров. И тут я думаю, что вот сейчас именно самолет и развалится на кусочки. И мое чрезмерно богатое воображение рисует, как кусочки разлетаются и как я, сидя в своем кресле, оказываюсь на высоте десять тысяч при температуре минус пятьдесят пять. Это же ужасно холодно. Можно ли там дышать? Один человек сказал мне, что падение будет длиться минуты три. О чем я буду думать? Что я буду делать? Я, наверное, буду звонить по телефону. Один человек меня разочаровал: мол, «Мегафон» и на земле-то плохо ловит, а в небе уж совсем на него надеяться нельзя. Тогда можно послать sms. И вот лечу я и — щелк-щелк — набираю на телефоне…

3. Стали разносить еду. Это единственное, что отвлекло меня на полчаса от этих мыслей.

4. А если в стенке образуется пробоина? А если птица попадет в лобовое стекло?

5. Мы стали снижаться. Еще может успеть отказать шасси, еще можно ошибиться полосой и потерять связь с землей, еще самолет может сесть на пузо и загореться от трения…

Но мы почему-то долетели вполне благополучно. Почему же пассажирам не раздают парашюты? Мне было бы гораздо спокойнее. Но самое страшное было то, что на следующее утро нам предстояло лететь обратно. Ночь мы не спали, поэтому спать хотелось так сильно, что не было сил бояться полета. Меня разбудили над Москвой, был полнейший туман. Как же, елки, пилоты тут ориентируются, ведь ни зги ж не видно? Это было ужасно красиво все. По-моему, я перестала бояться летать.

21 октября 2003 года

В Домодедово на наш рейс сел знаменитый артист — К.К. Он был с гитаристом. Оба они — лысеющие мужчины с длинным хайром, или, как говорит наш гитарист, ботвой, и лысиной по центру. Оба были в плащах с ремнями. Все их узнавали. В автобусе К.К. косился на наш шумный бэнд, но молчал. В Челябинске нас встретили трое организаторов и юные создания с блокнотами для автографов, очевидно дежурившие давно. Знаменитого артиста никто не встретил. Он опять на всех нас покосился и ушел в город вместе с гитаристом. Очевидно, они добирались сами. Ранним утром следующего дня мы, после бессонной ночи, ждали регистрации на Москву. Прошла толпа людей в шубах, шапках, с баулами и загорелыми специфическими лицами. Они улетали в Уренгой. Наш звукорежиссер дремал на чемоданах с аппаратурой. И тут появился знаменитый артист. Его опять никто не провожал, и он молча висел, как плащ, на руке своего гитариста. Он был в совершенную дубину пьян. Собственно, и гитарист его был не лучше, просто держал форму. И поэтому он взял паспорта и ушел регистрироваться. Знаменитый артист сел по-турецки на пол Челябинского аэропорта, в углу, куда-то под столы, на которых заполняют декларации, надел солнечные очки и заснул. Это было страшно смешно, но в голос смеяться было стыдно, чтоб не конфузить человека.

Вернулся гитарист, и они вместе побрели в кафе, где знаменитый артист, не снимая солнечных очков, сидевших крайне косо на его знаменитом носу, снова заснул. Вернее, они оба заснули. Наши организаторы шутили на эту тему, пока не стало понятно, что через минуту все полетят в Москву, а знаменитый артист останется с гитаристом спать в кафе Челябинского аэропорта. Тогда организаторы набрались смелости и пошли их будить. Знаменитый артист, проснувшись, послал воздушный поцелуй девушке-организатору, кивнул и снова уронил голову на плечо своего друга. Ну, короче, их таки посадили в самолет, и К.К. проспал всю дорогу, не снимая перекошенных очков. Мы сообщили из Москвы в Челябинск, что артист и его аккомпаниатор благополучно долетели, потому что мы за это отвечали.

26 октября 2003 года

Наверное, получится коротко. Потому что воспоминания, как струйка песка, держатся между пальцев недолго. Вот что я помню: гримерка, полная танцоров, которые беспрестанно со мной фотографируются, гигантский по клубным меркам зал, где басы ухают так, что диафрагма вторит. Звукорежиссер говорит, что это не звук, а чистый супер. Сам концерт — зал, на мой взгляд, оказался другим, не таким, какой я видела до сих пор. Мне показалось, что с ним нельзя разговаривать. То есть можно, но им этого как бы не надо, как бы все уже есть, и потому кто-то визжит, кто-то кричит «Лена, Лена!», а кто-то, поймав руку, ее целует — вот зачем, спрашивается? Идешь между столов — трогают… Это круто для артиста, наверное, это следующий уровень, но жалко, что поговорить не выходит…

Как все начиналось с группой…

Однажды у моей соседки по коммуналке Ольги появился постоянный бойфренд. Звали его Сергей Петухов. Сергей тоже был музыкантом и композитором. Он слышал, как я пою по дороге из своей комнаты в ванную и на кухню, и сказал: «Давай проект запишем?» Давай, говорю. Поехали к его другу и на домашней студии записали пару песен. «Я подводный диверсант, я взрываю все подряд, у меня тяжелый взгляд…» — такие были слова. Мне так понравилось петь в самый настоящий микрофон в самых настоящих наушниках! Получилось очень красиво. И как они говорили — фирменно. Местами мимо нот, но это было не так уж важно. Главное, что никаких советских вибраций. Фирменно, одним словом. Потом мы пошли разговаривать на балкон.

— Ну так ты что, хочешь музыкой заняться?

— А параллельно с телевидением никак?

— Никак.

— Ну, тогда получается, что я не могу…

Постояли мы на балконе и на том разошлись. Каждый погрузился в свое. У меня были информационные войны, у Ольги и Сергея была любовь. За стенкой всегда играла музыка. Через полгода примерно Серега собрал группу и предложил мне в ней петь. Два человека там играли в известной панк-группе «Наив», Серега сам был гитаристом у одной попсовой

певицы, барабанщик только-только открыл по Москве сеть китайских ресторанчиков фаст-фуд, а у меня была программа «Время». Но мы играли каждую неделю. Мне все безумно нравилось. И что я езжу на окраину Москвы петь, и что я могу произносить вслух слова «репетиция» и «репетиционная база», и что это все правда. Мне нравилось, что пацаны пили пиво все время. Единственное, что оказалось малоприятным, так это то, что, оказывается, живая группа играет очень громко. И мне было ясно, что мои уши никогда к такому не привыкнут и я оглохну. Ничего, успокоили меня, это дело привычки.

Не знаю, каково было бы будущее у этого проекта, никто, я думаю, особо не прогнозировал. У нас уже стало все неплохо получаться. Но тут началась Балканская война, и мне срочно понадобилось уехать в Албанию — узнать, как там и что, а потом в Косово, в Югославию. А потом опять в Албанию. Так что группа постепенно перестала существовать: мне было не до нее, барабанщик углубился в свой китайский бизнес, а гитарист и басист вернулись в свою панк-группу.

8 ноября 2003 года

Диск романсов готов.

И вот передо мной лежит пластинка, которая уйдет завтра в тираж, обрастет обложкой и целлофаном. Я ее слушаю, и она мне ужасно нравится. Я ее фанат просто. Мне даже неудобно, что она так мне нравится. Я ее слушаю даже тайком. Чтобы никто не сказал, что я нарцисс.

Да уж, мы точно люди крайностей. Одну пластинку делали два года, а вторую две недели. Поток креатива нельзя было остановить, и на радостях прописали мой художественный свист, партию бубна и битье в чугунную сковородку. Еще саксофоны и банджо, еще гармошки и разные скрипки. Внезапно у нас завелся и цыганский хор.

Еще невозможно оказалось обуздать коллективное чувство юмора, поэтому местами я ржу в голос, не прекращая петь. Это не очень-то легко, кстати. Все, куда ни плюнь, становится автобиографичным, поешь ли про пьяную тетку или про то, что не надо пробуждать лишний раз воспоминания. Договорились с цыганами, что будем вместе петь в ЦДХ пятнадцатого. Обещали колыхание юбок и племянниц Сличенко с распущенными волосами. Елки, я поверить не могу.

11 ноября 2003 года

Быть артистом смешно. И ужасно весело. Потому что о себе думаешь, что ты грузчик или ломовая лошадь, а принимающая сторона, зрители то бишь, что ты лимузины и звездняк.

Еще артист — это буддийский монах. Если на секунду воспринять всерьез ведра дерьма, которые льются на твою голову, то можно ж и кони двинуть. Поэтому артист нейтрален должен быть, если жить хочет. Как к радости, так и к горести.

Еще я обожаю наблюдать, как люди делят всех на своих и чужих. Чужие тут не ходють. Ты из какого района? С Каменщиков? Получи в нос. Типа вот она наша тусовка. Она закрыта. И это круто. А все, что вне, — не круто. И не дай бог ей начать расширяться. Мы против расширения, ну, понаедут всякие. Я, например, часто слышу, как фэны жалеют о том, что залы увеличиваются и люди разнообразятся.

12 ноября 2003 года

Я два дня — эфирное существо. Потому что я в них, в эфирах.

Вчера была запись злобных зрителей. Мною были высказаны следующие мысли: 1) у Джастина Тимберлейка нет лица, то есть его черты лица смазаны и не выражены (хотя, понятно, круто, что он там, где он есть); 2) семья Пугачевых и примкнувший к ним Авраам Руссо исповедуют барокко на российской эстраде — шелка, пурпур, рога изобилия и т. д.; 3) почему Мадонна вне критики? (Ах, ох, Мадонна — это святое, только Мадонну не трож-ж-жь.) Нет, почему она вне критики, она что — папа римский? 4) нельзя ругать человека за то, что он красив, а мы все нет (ну все — не все…).

Сегодня мы выясняли на ТВЦ, правда ли, что рок-музыка делает из женщин мужчин. Был горячий спор. В качестве эталона женственности мной была предъявлена Земфира. Но ведущая не была убеждена мной.

Романсы были предъявлены в качестве доказательства моей женственности. Типа вот вам платье, вот вам декольте — хошь спереди, хошь сзади. Типа приходите в ЦДХ пятнадцатого («А у вас в эфире можно на концерт звать?» — «Можно») и ну. Приходите и ну.

Завтра у меня спевка с цыганами. Мне никогда в жизни не доводилось спеваться с цыганами. Меня уже за цыган критиковали и спрашивали: «А медведи будут?» Все они расисты и медведененавистники. Половина репетиции будет с ними, а половина с рок-группой. Группа смирно приняла, что мы все в куче.

Так что жахнем с цыганами в субботу.

14 ноября 2003 года

Вчера ночью мы ездили к дизайнеру забирать рубашки. Дизайнер Наташа выглядела безумно, потому что не спит и работает. Ей сдавать коллекцию, а у нее горит, а времени нет, а еще наши рубашки, а еще магазин у нее открывается, а еще… а еще… Горит все, короче. Как у нас прямо. При нашем появлении она оживилась и сразу принялась мерить на меня все, что было сшито. Не мне, я хочу пояснить, а на меня. «Вот модель», — плотоядно обрадовались дизайнер и портниха, и давай снимать-надевать, спорить о том, что никогда больше такой ворот, а вот это вот сюда, а эта линия плеча как-то… Короче говоря, их безумный диалог прекратился только потому, что Наташа была вынуждена ловить мое падающее от усталости тело. Выдали рубашки из сострадания. Был час ночи. В 7 утра позвонило украинское телевидение. В 9 утра пришла Люда и завела пылесос. В 12 дня пришли ребята, и мы начали репетировать романсы. В 12.30 Люда выключила пылесос — искусство победило. В 17.00 мы начали репетировать с рок-группой на нашей базе, потому что тоже концерт на носу, а конь не валялся, и не от зубов, и не тютелька в тютельку. В 20.15 меня повели мерить штаны в магазин. Против воли почти. Штаны, как оказалось, уехали на склад. В 20.50 мне стало понятно, что я успею вывесить пост. В 22.00 за мной заедут и повезут поздравлять Свету Сурганову с днем рождения. В 24 я надеюсь заснуть, потому что завтра концерт.

Про цыганок. Оказались ужасно академичные девушки, супротив ожидания, что будут разудалые бабенки и береги карманы. Никому не надо рассказывать про мои стереотипы. Оказывается, у них иерархия: если есть солист и бэк-вокалистки, то они фон. Не дай бог в полный голос спеть. Давайте, говорю, девушки, врежем, не боитесь, меня не заглушишь. И девушки врезали. С ними приехала тетя — заведующая цыганами. «Крошки, — сказала она, — проходите». А в конце сказала: «Крошки, пойдемте». Одну девушку зовут Ромаша. «Как, то есть, Ромаша?» — «Ну, Ромалия», — скромно сказала пояснила она. «Ух, какое у вас имя!»

Завтра у нас концерт в ЦДХ в 18.30. Я увижу изданный альбом романсов и поверю, что мне это не снится.

18 ноября 2003 года

Про концерт романсов. Мнения трудящихся:

1. Прическа у вас была не такая хорошая, как в прошлый раз. (2 человека)
2. Какой прикольный бантик был на штанах. (5 человек)
3. Бежали мурашки. (7 человек)
4. Не пой романсы в майке. (7 человек)
5. А где платье? (4 человека)
6. Цыгане понравились. (5 человек)
7. Цыгане не понравились. (5 человек)

Было полдня свободного времени. Оказалось, что я не знаю, куда себя применить.

Потерялся навык смотреть телевизор. Там, оказывается, ужасно много рекламы. Неужели людям это не мешает?

Приятель вернулся из Непала.

Меня не покидает ощущение, что я лезу по какой-то лестнице. То есть не живу в процессе, не наслаждаюсь, а лезу и лезу. Еще ступенька, еще… А как же мудрость, а покой, а гармония, а Африка, а крокодилы-бегемоты, а тусоваться и т. д.?

В четверг будет рок-концерт в новом составе. Звучит иначе все.

Есть парочка новых песен. Показать их людям или дождаться, пока будут совсем готовы?

Две мысли. Мысль первая. Жалостливая. А-а-а-а. О-о-о-о-о. Есть артисты, которые фигачат одну и ту же программу все время. Они не выпускают альбом романсов за две недели, они не меняют состав группы за это же время, они не приволакивают на сцену то цыган, то джазовый квартет, то саксофоны, а то виолончели. И их потом не будут спрашивать после концерта, а что все-таки у вас нового? А меня точняком будут.

Мысль вторая. Спортивная. Позвонила ночью подруга. Сказала, что у нее есть для меня пара фактов из дзюдо. Как мне раньше говорили про дзюдо — бороться можно и лежа.

Добавление. Преимущество сохранить нельзя. Если ты бросил соперника на три очка и в оставшиеся до конца три минуты уклонялся от борьбы, чтобы сохранить преимущество, с тебя снимут очки за пассивность. Пассивность наказуема.

А когда ж я анализы заберу из поликлиники?

20 ноября 2003 года

Анализы ждут меня невзятые. Вчера сделали с группой новую песню. То есть начали. Мою. *Мою-у-у-у*! А-а-а! Собственную песню. И никто не сказал: какой отстой, какая бяка и примитив. Наоборот. А хрен ли я тогда парюсь?

Сегодня концерт в «Б2». Еще там прекрасные роллы с угрем для ценителей.

Сегодня впервые будет исполнена новая песня с невинным припевом: «Я хочу родную сестру…»

Мысль. Надо забацать три программы романсов — Вертинский, цыгане и приколы всякие.

Возвращаясь к программе «Время»…

В какой-то момент до меня дошло тогда: у меня профессиональный кризис. Мне стало ясно, что я больше не хочу быть политическим репортером, своего рода солдатом невидимого или видимого политического фронта. Дело в том, что репортер не должен афишировать собственное мнение, ему дают задачу, и он ее четко исполняет. Причем, чем четче он эту задачу выполняет, тем он профессиональнее.

Безусловно, телевидение — это весьма теплое место: высокие зарплаты, льготы, поездки и т. д. и т. п. Да и работа на самом деле очень интересная. И, тем не менее, мне стало тесно в ее профессиональных рамках. Мне казалось, что, работая в политических новостях, я реализую себя только на три процента.

У меня было довольно много вариантов изменить ситуацию, но в конечном счете ни один из них меня не устроил. Разрастись в рамках данности, в рамках государственной программы новостей — практически невозможно. Уйти в другую телевизионную программу… мне тогда казалось, что я этого сделать не смогу. Сделать свою программу — малореально. Короче, победила музыка. Просто как совершенно неизвестный путь, как прыжок в никуда. Или сейчас, или никогда. Благо, некоторые друзья меня в этом начинании поддержали. Мое телевизионное начальство сказало: «Иди, пой. Мы тебя подождем». И меня действительно ждали. Год. Платили зарплату и ждали.

Во время выборов мне удалось заработать немного денег, и мы опять поговорили с Серегой Петуховым. Я

предложила Сереге: «Давай запишем пару наших песенок». Группы в тот момент у нас еще не было, но на разных основаниях рядом с нами все время фигурировали примерно одни и те же люди. Например, той зимой они фигурировали как сессионные музыканты. С их помощью мы с Серегой и записали две песни. Музыка Серегина, стихи мои.

Потом нужно было начинать совать эти песни на различные радиостанции и в звукозаписывающие конторы — для того чтобы хоть кто-нибудь обратил на них внимание. Год никто на них внимания не обращал.

Меня это не остановило. И тут на моем жизненном пути начали попадаться люди, которые реально помогли мне сдвинуть дело с мертвой точки. Саша Кушнир, например.

Сейчас **Александр Кушнир** — один из ведущих музыкальных журналистов, признанный мэтр и знаток музыки. Он же практически первый человек, создавший пиар-агентство, которое специализировалось на информационной поддержке музыкантов. Его пиар-агентство, как я понимаю, было тогда единственным. Образовалось оно на базе «Мумий Тролль Продакшн», поэтому Саша, только отпиарив лучшую русскую рок-группу, пустился в самостоятельное плавание. «Кушнир Продакшн» тогда пиарило практически все, что касалось рок-музыки в России, все крупные рок-фестивали и лучшие группы.

Наше знакомство состоялось так. Я позвонила ему из телефона-автомата и спросила: «Не правда ли, вы — лучшее пиар-агентство в России?» — «Правда», — сказал Саша. «Я хочу вас нанять». Кушнир посмеялся и назначил мне встречу. Очень быстро мы друг другу стали симпатичны. Саша получил демодиск и вскоре стал искренне и совершенно бескорыстно помогать мне. Если бы не он, ничего не получилось бы, это точно.

Он начал сводить меня с различными музыкальными людьми, давать им наши диски, убеждать всех в том, что мы жутко офигительная группа. По сути дела, он сделал меня частью музыкальной среды. В итоге необходимая нам критическая масса набралась, и Миша Козырев пригласил группу «Butch» на «Нашествие». При этом надо понимать, что группа появилась на свет всего лишь за месяц до «Нашествия».

24 ноября 2003 года

С утра была передача на радио. Вся прошла под знаком «нормально ли было красть на концерте мою рубашку». То есть тема освещалась в широком смысле слова — зачем быть фанатом и позволительно ли фанату то, что другим нет. То есть красть-то, понятно, не хорошо, а типа у артиста своего — это ж святое дело стянуть клочочек. Особенно если его рубашка и хорошая, и его туалетной водой пахнет, и со следом грима на воротничке. Ах, ведь ты была такой клевой, моя рубашка. Не, мне не жалко, хотя нет, жалко.

Обрушился на меня прямо шквал звонков. Большинство упирали на то, что они в толпе обуреваемы незнакомыми страстями. Ну, покричать там, попрыгать, может, похватать человека на сцене за ноги — а что такого-то? А я им: «А что ж вы в толпе обуреваемы, вы перестаньте быть в толпе обуреваемы, вы, мол, будьте и там собой». — «А мы не можем, — говорят. — А ты, это, шмотки просто не разбрасывай».

Потом была встреча чата. Стесняется у нас артист, вона к стенке жмется, прям как не родной. Нет, ну какое же количество приличных людей среди господ поклонников.

Хотя дефицит юношей продолжает быть ощутимым. А может, это просто мировая тенденция такая…

Потом мы репетировали с группой акустические версии ко вторнику. Поскольку репетиционная база была занята, мы все пришли в дружественный проправительственный зал заседаний. Посередь мраморного пола заседаний, стола заседаний и неизменных шкафов с парадной посудой (очевидно, заседаний), мы поставили четыре стула и стали играть. «Утренний свет» стал регги, а «Стерва» — боссановой. Время от времени мы жалели, что забыли сигары. Сигары подошли бы к обстановке.

По честному, последнее время испытываю невъе…е ощущение свободы. Как будто все сбываемо, что мыслимо.

Потом у меня было интервью. Основная мысль: глупо исповедовать благодушие, хотя это и зрело. Это я про новые песни Ильи Лагутенко. Клево, что ты гармоничный и спокойный, и музыка замечательная, просто зубы сточились. Нет страсти. Нет намерения. А жажда экспансии?

Высшее образование окончательно испортило мою речь.

Заснуть все сложнее. Анализы не взяты двадцать дней.

25 ноября 2003 года

Пресс-релиз альбома Бучч «Романсы».

Альбом романсов Бучч вышел 15 ноября. Звукозаписывающая компания JRC.

В альбоме 14 песен. Это классические романсы и песни из репертуара Александра Вертинского, Вадима Козина, Петра Лещенко и Леонида Утесова.

Вокал — Бучч.

Рояль, аккордеон — Светлана Мочалина.

Скрипка, гитара, банджо — Максим Гусельщиков.

Саксофон — Андрей Гончаров.

Бучч (Елена Погребижская) — это рок-музыкант и лидер группы «Butch».

Поэтому выход альбома романсов вызывает у всех, кто знает творчество Бучч, крайнее удивление. «А вы что, с рок-музыкой покончили, никаких тебе теперь «Встану» и «Чувства на волю», теперь ретро, что ли, поете?» — «Нет, теперь просто два проекта. Оба любим. Оба родные».

Альбом романсов не ретро. Это вечные песни, ну как «Подмосковные вечера» или «Мороз-мороз».

«Песни, которые всю жизнь звучали у меня внутри почему-то на минимальной громкости, а теперь громкость включили». (Бучч).

Это внутри всех. Можно проверить. Позвать постороннего человека. Взять альбом и посмотреть на задней обложке список песен. Посторонний человек поймет, что знает слова песнях в трех-четырех.

Это ни на что не похоже. Бучч не знает, как положено петь романсы (вернее, знает, но врет, что не знает). Поэтому поет так, как поет душа. А душа поет глубоким голосом с большим диапазоном, который потрясает слушателей, и они говорят: «Божий дар, ничего не попишешь».

Запись альбома.

Рок— группа «Butch» выпускала свой альбом два года. За это время поклонники измучились ожиданием и многие перестали верить, что это вообще когда-нибудь случится. Альбом вышел. Романсы же записывались всего две недели. Это официальная информация, чтобы никого не пугать правдой, потому что правда в том, что все было записано за два дня. За два дня было сделано сведение и мастеринг. Люди крайностей — то два года, а то два дня. При этом качество очень высокое и при этом есть ощущение воздуха, живости, шершавости и трогательности.

Партия чугунной сковородки. В песне «Миша» мы искали особый перкуссионный звук. Не могли добиться нужного эффекта, пока со студийной кухни не была украдена чугунная сковородка. Стук по ней дал необходимый эффект. Стучала Светлана Мочалина, девушка с прекрасной осанкой и консерваторским образованием.

Партия бубна. Все буквально боролись за честь играть на бубне. Поэтому играли по очереди. В части песен Бучч, в части песен Света. Колено Бучча было покрыто синяками всю следующую неделю. «Это от бубна», — с гордостью сообщает родным Бучч.

Художественный свист. Впервые в жизни на этом альбоме Бучч свистит. Иногда попадает в ноты.

Скрипка. Максим играл на двух скрипках — электро и акустической. У него очень редкий и очень дорогой классический инструмент. Итальянской работы мастера Гварнери. Специалисты могут определить это на слух.

Гитара. Было две гитары. Обычная и гавайская. На гавайской играют так — она лежит на коленях дыркой вверх, и ее гладят по струнам. Как на гуслях. И еще записывали банджо.

Рояль. Свету мы про себя зовем «русская пианистка» (это из «Семнадцати мгновений весны», радистка Кэт). Потому что она прекрасно играет и потому что все время шлет кому-то sms-сообщения. Вы знаете, есть такой тип людей, которым нравится не разговаривать по мобильнику, а буковки на нем набирать.

Саксофон. Андрей играл на сопрано-саксофоне. Этот тип саксофона дает самый высокий и самый смешной звук.

Публика, или кому это может понравиться. В зале на концерте романсов половина публики — это семнадцатилетние девочки, фанатки рок-музыки и группы «Butch» конкретно. Часто они приходят вместе с родителями, потому что этот интерес способен быть общим. Другая половина — зрелые ценители романсов. Хотя молодежи все-таки большинство. Некоторые наблюдатели предлагают Буччу потребовать от Министерства просвещения дотации за просвещение молодежи. Бучч скромно отказывается.

Будущее. Будут сделаны три программы романсов.

Цыганская — потому что цыганская кровь Бучча дает о себе знать и требует или поехать к «Яру», или разогреть шампанским кровь, или петь с цыганами. Выбрано третье.

Веселая — состоящая из задорных одесских песен Утесова и Петра Лещенко, вроде вот этого «И ошпарю я твою, друг, головку, чтобы не ходил ты к ней в рощу и на горку».

Вертинский — потому что Буччу страшно хотелось бы, чтобы

все эти песни родились у Бучча в сердце, но, увы, их уже написал Александр Вертинский.

Романсы — это настоящее.

26 ноября 2003 года

Не то чтобы мой родник иссяк. Просто он разомлел. Мы были в бане. В прекрасной такой бане, с гипсовыми лебедями, львами и высокими кожаными диванами. А в бане — либо сгоришь, либо торкнет. Торкнуло.

Ничто так не заводит, как преодоление табу. Сейчас табу вроде не осталось. Непонятно тогда, чего жаждать.

Все стало привычным и знакомым. Как осуществить прорыв, пока непонятно.

Дизайнер Наташа, очевидно узнав об украденной (о горе мне!) рубашке, спешно решила нашить еще кучу. Добрые какие люди кругом.

Куплен абонемент в спорт-клуб. Не видать теперь мне новых штанов. Денежки-то тю-тю.

Решили купить лимузин.

29 ноября 2003 года

Про творчество.

Написалось четыре песни. Одна про жизнь, другая про жизнь, третья про счастье. Четвертая про маленьких девочек. На этапе прослушивания близкими уже масса вопросов — и что, ты это будешь петь? А как будешь на вопросы отвечать — что послужило материалом? А материалом, скажу, послужил товарищ Набоков.

Проигрываю тут песню человеку. Он говорит: «Ну это примитивно». — «А эта?» — «А это слишком сложно».

Решаю не париться, а писать. В конце концов когда-то тексты выдавливались, как паста из тюбика, туговато. Музыка по-правильному должна, наверно, озарять и выливаться готовой аранжировкой. Ночью. Бессонному и голодному артисту. Да какая разница. Пусть днем и пусть в компьютер, главное, чтоб личное.

До победы

Мир раскололся на сильных и слабых,
И среди сильных меня не нашли,
И среди тех, кто на задних лапах,
Тоже меня не нашли.

Припев:
И непонятно, куда прибиться,
Недалеко далеко улетишь.
Сколько ни хлопайте, ах, ресницы.
Недалеко улетишь.

Истинный вид моего лица
Еще никому не ведом.
Я буду бороться не до конца,
А до победы..

Припев:
И неизвестно, кем буду дальше.
Ты не спеши с ярлыком.
В твердые рамки меня не поставишь —
Ты не спеши с ярлыком.

Прикол. У меня прострел, по-моему. Ну это когда актуальны

пояса из собачьей шерсти. Смех прямо. Зима грядет, что ж я делать-то буду?

Про анализы. Оказались совершенно в порядке. Все даже удивились. «Странно, — говорил врач, глядя в каждую следующую графу, — а может, они, э-э-э, не ваши?»

«Мои, — твердо так отвечаю, — все».

2 декабря 2003 года

Время течет мутно. Я болею. Куда себя преклонить?

Почему-то лезут злобные стишки из головы. Полдня смотрю властелинов колец в переводе Гоблина. Местами смешно, хотя мне щас по фигу…

По-моему, нельзя пить больше четырех пакетиков «Колдрекса»… или можно?

По-моему, я отдыхать просто не умею, потому организм ищет лазейки…

3 декабря 2003 года

Публикую припев новой песни — за-ради защиты авторства, чтоб не спер кто, в смысле.

Кто сказал — «равны»?
Мы не равны.
И как всегда,
В любви две стороны,
Две стороны —
Одной не дали…

Я и не планирую нравиться всем. У меня даже есть небольшое количество врагов.

5 декабря 2003 года

Оказалось, что просто пойти потанцевать нету мазы. То есть она есть. И приличный и типа закрытый клуб, и тут же стекаются разные дяди. Один говорит: «Вы же Бучч, да?» — «Да». — «А я бизнесмен из Самары. Можно я тебя угощу? Что ты пьешь?» — «Ну давай». Выпиваю с бизнесменом из Самары. Нарисовывается юноша Рома с приятелями и приносит стакан прямо на танцпол. «Да вы че, ребяты?» Ну, типа, ладно. Пью с ними. Уходим из клуба. В дверях нарисовывается девушка и туда же.

А в прошлый раз было то же самое, только предлагали пить за искусство. И чувак тоже был Рома, только менеджер из мексиканского ресторана. И еще был какой-то иностранец, тоже звал к стойке и «что ты пьешь?». Я думаю, мы имеем дело с эффектом Гурина. Гурин — это хоккеист знаменитый из фильма «Москва слезам не верит», за которого вышла замуж Муравьева. «Вы читали Ремарка?» — «Нет». — «Странно. Сейчас вся Москва это читает…» — «Вот потому что такой добрый был, теперь вон…» Появляется небритый Гурин и требует денег на выпивку. Все, короче, норовили с ним пить.

9 декабря 2003 года

Если б все узнали, какой я трус, все от меня отвернулись бы, думаю я. Поэтому я это тщательно скрываю.

Так тщательно, что иногда даже проявляю безумную смелость.

10 декабря 2003 года

У вас даже яблоки спелые,
И вы так прекрасно названы.
А губы такие красные —
Понятно, что вы ими делали.

11 декабря 2003 года

Во вторник садимся в студию записывать новые песни.

Воздух вокруг стал густым и наполненным чужими голосами, они спорят, доказывают друг другу. Я им повод. Это Босх. А мне смешно — я тревожу их внутренний мир, и они ничего не могут с этим поделать.

Дом журналиста.

1. На журфаке была мысль: станем крутыми, будем членами Союза журналистов и будем ходить в этот вот дом как члены.

2. Говорили, там прикольный ресторан. Когда стали появляться деньги, была мысль пойти в ресторан Домжура. Так и не было сделано.

3. На ОРТ постоянно снимали там пресс-конференции всяких деятелей. Пришел в Домжур, отснялся, ушел.

4. 18-го я там пою романсы. Теперь я артист и приду в концертный зал Домжура.

Вопрос: а интересно, я член Союза журналистов или нет? Когда-то в программе «Время» прогоняли телегу, что нас, корров, автоматом вносят. Вот тогда будет хохма — «концерт действительного члена Союза журналистов в зале Союза журналистов». А если нет, то все равно прикольно.

15 декабря 2003 года

Жизнь, я тебя люблю.

17 декабря 2003 года

Мысли… Ну да… фильм о Бритни Спирс на Гавайях… Я его, по-моему, не первый раз упоминаю… Потому что, видимо, что-то задело… Посередь пальм и катаний на катерах, концертов и всякой такой ярмарки шоу-бизнеса Бритни дает интервью — о том о сем, и каждый раз у нее вырывается: «О, я так много работаю». И я почему-то верю.

О, я так много работаю! Что даже сегодня уже и не могу все время. Вопрос: а даст ли это плоды, которых я жду?

Как осадок на уроке химии, кажется, откладываются у меня в голове **законы мироздания**.

Первый. Фанаты вырастают и перестают любить то, что любили раньше. И доставай из шляпы кроликов или сиди в ледяной глыбе неделю — все уже не то как-то. Потому что они выросли.

Второй закон мироздания. Ну и хрен с ними. Все равно это будет играть в их голове, когда они будут вспоминать этот свой период. И потому, что приходят новые. А я все иду и иду. О, как я много работаю!

Третий закон мироздания. Им всегда мало.

Четвертый закон мироздания. Что бы ни думали они и что ни думай я, миру нужно что-то другое. Нечто третье. Типа плыл открывать еще один путь в Индию, а напоролся на Америку. И кому на фиг нужен теперь еще один путь в Индию, который так туда и не ведет? Ведь есть новый континент.

Пятый закон. Все равно мозгом ничего не найдешь. А путь магнитит.

19 декабря 2003 года

Честно скажу, хоть и сленгом. Уже два месяца, как меня прет невозможно — так, что любая мелочь доставляет наркотическое какое-то удовольствие. Башня так и не встала на место. Горы, свернитесь. Здравствуй, город Питер.

Чтобы рассказать про самое начало жизни группы, необходимо пояснить, кто такой был Миша Козырев. Теперь он, правда, ушел с радио, но тогда судьбы вершил он.

Миша Козырев был руководителем «Нашего радио» Именно из «Нашего радио» в уши людей изливается музыка, которую принято называть русским роком. Это не то чтобы единственная в своем роде станция, но основная, это точно. Поэтому если Мише нравится песня и она играет на радио, то есть вероятность, что тебя узнают люди, и есть вероятность, что ты сыграешь на одном из самых главных рок-фестивалей в стране — на «Нашествии». Поэтому мнение Миши Козырева о тебе и твоей музыке значит очень много.

Миша любит, когда артисты обращаются к нему за советом и считают его гуру российского рока, тем более что в чем-то это правда. Он прослушивает тонну всякой музыки, и то, что, на его взгляд, интересно, доходит до слушателей. А что уж нет, то нет. Сам Миша родом из Екатеринбурга. Сначала работал на радио «Максимум», и можно сказать, что он его и поднял. Потом он оттуда ушел и создал «Наше радио». Так и получилось, что именно эта станция открывает новых российских рокеров. Ну и закрывает, в общем-то, если их песни признаются станцией неформатными.

Вообще, это **самый трудный участок пути — сделать так, чтобы на тебя обратили внимание**. Потому что групп сотни, тысячи. И каждый пытается донести свой диск. Диски передают всем, кто имеет хоть какое-то отношение к шоу-бизнесу. И по большей части это совершенно безнадежно. Повернуть на себя этот насквозь проржавевший прожектор, чтобы осветил меня хоть на секунду, — именно такая задача тогда передо мной стояла.

Целый год у меня ушел на то, чтобы научиться не быть солдатом. То есть когда никто тебе не ставит задачу

и никто не говорит: «Поезжай туда, привези вот такой репортаж». Когда глыба дня встает перед тобой, и кроме тебя самого никто не может ее своротить. Короче, самое трудное было — научиться жить без указаний сверху.

План боевых действий. Сначала мне рассказали, что нужно раздавать именно диски заинтересованным людям. Потому что кассеты, как мне сказали, уже никто не слушает. Дескать, прошлый век. А как делать копии дисков? Один приятель сказал, что может переписать десять дисков за сто долларов. И переписал. У меня были друзья, которые только-только открыли дизайн-бюро и наняли нового фотографа. Они позвали меня сделать первую в моей жизни фотосессию, чтобы проверить нового фотографа. Фотосессия прошла на редкость удачно, и фотографироваться мне понравилось — знай принимай разные позы и делай разные лица. Из одной такой фотографии ребята сделали макет обложки. На обложке сидел человек с опущенной головой. Лица было не видно, тем не менее что-то в этой обложке было интригующее. Ребята из дизайн-бюро сначала тоже копировали мне диски, а потом объяснили, как можно делать это самостоятельно на компьютере. Пришлось купить компьютер, а к нему фотопринтер, чтобы печатать эти самые обложки. Еще у меня была целая система нарезания обложек, состоявшая из специально подобранных кухонного ножа и разделочной доски. И вот у меня дома образовалась целая фабрика по производству дисков с обложками. Многие, кстати говоря, когда брали диск, думали, что это уже вышедший фабричный альбом. На сайте zvuki.ru даже повесили расширенную рецензию на выход альбома. Zvuki вывесили у себя тот самый диск с той самой самодельной обложкой. Когда же им было написано письмо, что, мол, ребята, вы ошиблись, ничего не выходило, это самодельная копия у вас, сайт почему-то обиделся и с тех самых пор помещал только злобные статьи про группу «Butch».

22 декабря 2003 года

Концерты.

Невозможно подойти к краю сцены, потому что хватают за штаны. В любой точке возле сцены. Хватают за все, до чего могут дотянуться, и отпускают с трудом. Надо вырываться.

Люди были облиты водой. «А вы все мокрые? Нет, вы мокрые в хорошем смысле этого слова?» — «Мокрые», — отвечают с хоровой ухмылкой.

Были люди с плакатом «Пафа, мы тебя любим». Барабанщик был страшно рад. Да и мы все тоже. Это же наша первая совместная гастроль, и тут плакат такой.

После концерта никто не ушел. Мы наивно ждали, когда народ разойдется, чтобы выйти из гримерки. Народ стоял минут двадцать. Выхожу дать автографы. Толпа смыкается, хватает за все места, а охрана хлопает ушами. Сейчас порвут на сувениры. Просыпается охрана и вынимает меня из свалки. Сижу за столом в плотном кольце и подписываю все, что дают — билеты, руки, животы, диски. Те, кто меня облепил, в основном не в себе. Лица выражают безумный внутренний расколбас. Временами народ сминает довольно крепких охранников и почти валится на меня. Попытки призвать к совести не действуют. Все охвачены каким-то общим безумием. Какие романсы? Какие стихи? Тут чистое электричество в воздухе.

После концерта была важная встреча. Вернулись в три. За стенкой громко блевал персонаж, и постоянно слышались звуки падения тела и склянок в ванной. Персонаж ходил и орал в коридоре до и после. Убью суку, думаю. Меня удержали. Персонаж срубился сам. В шесть-семь утра коридор заполнился китайцами, которые орали песни. Конкретно у меня под дверью. В восемь присоединились женские голоса. В девять на мобильник громко стали приходить sms-ы. Потом мы уехали в Ледовый дворец на саундчек.

Ледовый. Блин, я хочу сольник в Ледовом! Это же срыв башки просто. Было так клево, что у меня вылетело из головы спеть «Встану». Ну просто взяло и вылетело. Спели хором с залом «Город над Невой» и заучили с залом слова «Я хочу родную сестру».

За автобусом бежали люди с требованием дать им автограф. Бежали через дорогу и снежное поле. Минуты три бежали.

Поезд был полон музыкантов. В курилке было не протолкнуться. Ребята из «Агаты» рассказали, что к ним на концерт пришли алисоманы и жгли факелы. Это, говорят, у них

такой нам респект.

Опять не спали, потому что обсуждали, что было бы, если бы альбом вышел два года назад, и как теперь все видят, что у нас поперло, что в атмосфере маячит что-то такое, но как теперь боязно им в это поверить, чтоб опять не обломаться. Ничего, не обломаетесь.

Получили две производственные травмы. У меня ушиблен мизинец — не пойму, при каких обстоятельствах, а у еще одного действующего лица травма мизинца ноги. Это такая какая-то карма. Плата за счастье.

25 декабря 2003 года

Какие у нас вдохновленные лица,
Глаза, как какой-нибудь там лазурит.
И тень того, что уже не случится,
Встает между нами и нагло молчит.

* * *

А помнишь, я, типа, стихов тебе вышлю,
Чтоб, типа, напомнить, что жизнь удалась?
И вот еще: незачем спорить, я — выше,
Само по себе это право на власть.

27 декабря 2003 года

Еду в Африку.

30 декабря 2003 года

Хочется всех любить больше, чем обычно.

О будущем думать не хочется совершенно.

Вернусь седьмого.

Шестнадцатого концерт баллад о любви с группой в ЦДХ — жахнем товарища Вертинского рок-н-ролльно.

И я точно уже никого не обзвоню поздравить. По-моему, Новый год уже начался. Тетя не пришла убирать квартиру по этой причине. Придется мне.

Скопилось уева туча бутылок шампанского — все несут. Кто ж их выпьет?

Самый безумный Новый год был два года назад в Париже. Елисейские Поля были полны каких-то негров, которые орали «бон» что-то там, и людские реки текли под постоянное взрывание петард — хотелось лечь на землю — и звон бьющегося стекла. Еще был дождь. Таки это было круто? Не было. Поэтому попытаю счастья в Африке.

2004

1 января 2004 года

Отдыхать я совершенно не умею.

По ходу лёта сюда у меня взяли два автографа — один в туалете, другой в автобусе к самолету. Это ведь не может не радовать.

В Новый год соседние корпуса орали гимн Советского Союза, он же России. Что тоже не может не радовать.

В Новый год все собрались в большом зале и ели. Все вокруг ели. Мне стало страшно.

Все тут говорят со мной по-итальянски. Изображаю немого итальянца в ответ.

Все ноги поцарапаны рифами, и кто-то меня там укусил из глубин.

В Москве куда лучше. И зачем только некоторые из нее уезжают?

Концерт, отвечаю вам, и правда будет шестнадцатого, только дайте мне отсюда выбраться…

Хотя вообще-то хорошо… Но дома, сами понимаете.

7 января 2004 года

Как же я ужасно люблю родное наше государство и родной этот город. Хотя он мне и не родной по факту. А родной по факту мне как раз Питер. Но как же это здорово, когда здесь.

Самый большой облом, что это была не Африка вовсе, а эта, как ее, Азия.

Новые песни просто прекрасны. Они просто великолепны и хороши.

И осталось меньше недели до поездки в тайное место, где мы будем тайно их доделывать.

И скоро концерт. И романсы, и группа.

Только почему же у нас так холодно?

Про заныривание. Плавание с аквалангом имело одну странную сторону — у меня до сих пор заложены уши. Сегодня мне обещали наследство, а что именно обещали — было не разобрать, а переспрашивать неудобно. А все потому, что уши.

Про самолеты. Самолет упал прямо напротив нашего пляжа, все погибли. Было чертовски страшно лететь назад, потому пришлось напиться. Все, что мне рассказали о моем поведении в самолете, просто нельзя считать правдой. Например, факт братания с самолетом посредством капания на него каплей своей крови.

Свежая царапина на руке, однако, есть.

Про то, как у меня был план боевых действий продвижения группы, о которой еще никто не знал.

Вот отрывок из статьи Валерия Панюшкина в журнале «Афиша»: «В квартире есть ниша в стене. Бучч там сидит и жмет на клавиши синтезатора и компьютера попеременно. На стене висит пробковая доска. К доске прикреплены четыре пучка бумажек. «Это план военной операции», — говорит Бучч. Пучки бумажек озаглавлены так: «Диск не передан», «Переговоры», «Ожидание», «Ясность». Сначала Бучч прикрепляет под заголовком «Диск не передан» названия всех сколько-нибудь значимых рекорд-компаний и радиостанций. Потом начинает придумывать способ передать свой диск в эти компании, причем не кому попало, а руководителю компании лично в руки. Диск записан с музыкантами группы «Маша и Медведи». На компьютере нарезано 150 копий. На цветном ксероксе сделана обложка. Написан пресс-релиз. И 150 копий передано.

Это журналистская привычка: находить людей и заставлять их поговорить с тобой. Пока Бучч работает в телевизоре, один начальник говорит: «Если ты журналист и не можешь за десять звонков найти мобильный телефон президента, то пойди и повесься». Бучч не повесится».

У меня действительно была пробковая доска, а на ней действительно был план боевых действий. Мне нужно было находить всех людей, которые могли мне что-то рассказать о шоу-бизнесе, как в нем все устроено и куда к кому пойти, чтобы группу продвинуть. Эти люди называли имена еще кого-то, может быть, давали телефоны. Все имена помещались в списках. Каждому нужно было отдать диск и потом звонить и спрашивать: «Ну что, ну как?» Друзья-музыканты читали мне лекции, как и что устроено. Из них мне стало понятно: чтобы обеспечить будущее своей группе, мне нужно заполучить контракт со звукозаписывающей компанией.

Звукозаписывающие компании оказалось не так-то легко найти. Оказалось, что добрый десяток контор, который так себя называл, занимался непонятно чем, но уж точно ни с какими артистами контракты не подписывал и никуда их не продвигал. На поиски уходило время. Знакомство с Сашей Кушниром принесло мне удачу.

9 января 2004 года

Давайте проводим время,
И сделаем это вместе,
И где-нибудь в темном месте
Забудем, забудемся, где мы.

* * *

Хотим воевать со снами.
Хотим воевать с богами.
Но так, чтоб они — не с нами.
И, глядя на труп кумира,
Мы выкурим трубку мира.

11 января 2004 года

Мысли.

Нужно ли быть безумным, чтобы быть артистом?

Да — потому что все вокруг как сговорились говорить про мою зажатость и скованность. Нет — потому что стоит быть самим собой.

Цель творчества — это самовыражение?

Да, поэтому тот, кто готов тут же, на сцене, умереть за каждую свою песню, — это тот, кого мы действительно любим. Нет, потому что если в жизни людей ничего не поменяется от моего творчества, тогда зачем я этим занимаюсь. Думаю, что самовыражение — это не цель, а средство для служения.

Читаю автобиографию Бренсона. Крайне экстремальный парень. А я любитель комфорта. Интересно, я много теряю от этого в жизни?

Кто-то порезал мне новые штаны. Прямо донизу. Мне мужик сказал один: «Извините, у вас штаны сзади пополам разошлись». С таким трудом купленные. Где справедливость? Опять жить без штанов.

12 января 2004 года

Уезжаю.

Про концерт романсов. Я знаю, что некоторые граждане боятся, что мы рок-обработкой всю обедню романсам испортим. Так я вам говорю: это так здорово и так красиво, что бояться совершенно нечего. Так что 16 января — велком.

Последнее время из меня почему-то лезут каламбуры, и объяснению это не поддается.

Когда язык подвешен,
то все бывает даром.
Прекрасная картина —
«Девочка на шару».

Дневника у меня сроду не было. А теперь есть.

15 января 2004 года

Хотите знать, что мы делали последние три дня? Мы ездили в одно место, где начали писать новый альбом. Это настолько охренительно, что даже страшно.

Парень, который у нас рулит звуком, ни на кого на свете не похож. У него дома, как входишь, висит фотка с английской королевой. Мы приходим и ну смотреть. А я говорю: «Могу вывесить фотку с Путиным». — «Подумаешь, — говорит директор, — я тоже могу». — «А с английской королевой?» — «Не можем», — покивали мы хором. У него есть смешное выражение: «спил башки». Вот, короче, то, что мы там делаем на студии, — это просто полный спил башки.

Раньше меня перло от концертов. Теперь удовольствие — это и репетиции, и запись. Раньше было так: пришли мрачные люди, напряглись — ух! — и потащили. Сейчас это просто полет какой-то. Все время кручу одну новую песню у себя в колонках и не могу остановиться. Даже стыдно. Хотя мне сказали, что стыдиться того, что прет, не надо.

Завтра концерт. Мы такие вдохновленные. Романсы — приходите лучше, а то чудо пропустите. ЦДХ.

Послезавтра концерт. «Секстон».

Все так здорово… ух…

18 января 2004 года

Про постконцертье. Чувство юмора распоясалось совсем. Невозможно его никуда заткнуть. Лезет, зараза. Мне тут один умный человек сказал, что чем дальше, тем больше концерты превращаются в какие-то юморины или смехопанорамы. Ничего не могу с этим сделать. Надо смириться.

Креатив господ поклонников. Слегка опытный артист привык получать собственные фотографии, стада коров, мягких игрушек, инсталляции, букеты, продукты питания — от печенья до грибов. Но такого… Сижу в ванне. Слышу: «А что это за мясо?» — «Какое, — говорю, — мясо? Я ничего не слышу, сейчас выйду из ванной… Ну, что тут у вас?» — говорю. Надо заметить, что у меня дома пребывает четыре человека. Все стоят вокруг какого-то бумажного пакетика. У него мокрое донышко почему-то… «Да вот, сырое мясо, — говорят мне, — кто-то тебе подарил. И к нему записка: «Ты меня убиваешь…» Смотрю… «Не, — говорю, — ребята, это не мясо. Это сердце». В пакете лежало сердце.

Комментарий. Есть фильм такой «Любит — не любит». Там девушка, которая Амели играла, домогается безумно дяденьку врача-кардиолога. И подбрасывает в один момент ему сердце. У всех по фильму шок. С большой такой буквы большой такой шок. Так то французы. У них нервы слабые. А тут посмотрели-посмотрели и сказали: «Ну че, надо его в морозилку. Наверное, черепахам скормим. У них как раз корм закончился» Цинизм, понимаешь. А что делать? Черепашки-то хищные, а мы вегетарианцы…

Как родилось название «Butch» / Бучч.

В общей сложности мы с Кушниром раздали около трехсот дисков. Причем не вообще, а в руки, и только тем, кто мог способствовать продвижению группы. Кстати, долго у нее вообще не было названия. Потом мне пришло в голову, что группу нужно назвать «Немо». С одной стороны, навевает романтические воспоминания детства про не помню сколько тысяч лье под водой и про капитана Немо, с другой — это означает «загадочный персонаж», «никто». И опять же можно было с таким названием продвигаться за границу, чего очень хотелось. Но потом, очень скоро, выяснилось, что проект с таким названием уже есть, какой-то танцевальный и попсовый. Значит, надо было искать новое имя. Хотя мы уже, кстати, успели распространить несколько десятков

дисков с названием «Немо» на обложке.

Мы очень хотели и были практически совершенно уверены, что музыка, которую мы делаем, будет востребована на Западе. Тогда мы не знали, что совсем непросто добиться хоть маленького успеха в России, но замахивались на весь мир. Поэтому и думали, что название должно быть таким, чтобы было понятно и за границей. Поскольку называться «Немо» было нельзя, надо было придумывать что-то другое. Один совершенно случайный приятель спросил: «А чем вам не нравится слово «Butch»?» Как раз перед этим мы вместе прочли статью в газете, в которой рассказывалось про типы лесбиянок, и активные лесбиянки там именовались «butch». Мы тогда дружно посмеялись. Кстати, так же звали боксера из фильма «Криминальное чтиво»; был еще один уважаемый нами музыкант, которого звали Буч Виг.

Примерно месяца через полтора мы стали женихаться с одной звукозаписывающей компанией. У группы все еще не было официального названия. И в этой компании меня спросили: «Ну так как же все-таки вы называетесь? Как в документах вас писать?» У меня даже не было времени подумать, и, поскольку другого варианта так и не всплыло, говорю: «Butch», мы называемся «Butch». Потом мы поняли с некоторым сожалением, что все лесбиянки страны теперь будут ходить на наши концерты, но было уже поздно. Вскоре я подумала, что терять уже нечего и возьму-ка я себе артистический псевдоним Бучч, а для концептуальности на конце пусть будет два «ч». Теперь мы с группой назывались одинаково. Разница была только в написании.

1 февраля 2004 года

Склад мыслей — вот что такое мой дневник, сказали мне тут. И это правда, потому что чувства я описывать ни за что не буду.

Хотя почему? Вот, например, мне больно. Или мне страшно. Или у меня чувство вины.

Или я не умею? Да нет, умею.

Сколько не встретится разных носков.
И зачем прокурили квартиру?
Сложением тысячи дневников
Не получишь день жизни мира.

2 февраля 2004 года

Стинг сказал в интервью, что писать музыку полезнее и дешевле, чем ходить к психотерапевту. Он прав. Вот у меня, правда, не так. Для меня делать то, что надо, — это стресс, потому что я сразу забываю «зачем», а понимаю только, что «надо». Вот надо сейчас писать музыку. Так сильно надо, что даже хочется соскочить. Как экзамены — так хочется откосить, а нельзя. Поэтому я все время ем. От стресса. И поправлюсь. И самооценка упадет. И все будут тыкать в меня пальцем. И песенки не напишу.

Мне сказали, что я параноик. И это правда. Потому что я все время смотрюсь в зеркало — с псевдонеодобрением.

Еще мне сегодня два человека сказали, что я герой. И это тоже правда.

Наверное, у меня все равно не получится быть плоским плакатным образом. Так и знайте: я боюсь. И хвост у меня под стулом трясется.

А меж тем все выходит лучше и лучше. Песни — одна прекраснее другой. Но поскольку я параноик, я этого сейчас не замечаю. Я потом замечу. С удивлением.

История создания группы «Butch».

Я помню свой разговор с Серегой Петуховым: «Давай, Серега, группу со мной сделаем». Серега не хотел, потому что имел горький опыт — у нас один раз уже ничего не получилось. Но в итоге мне удалось его уломать хотя бы попробовать. Мы начали с того, что записали две песни. Каждая обошлась в полторы тысячи. Причем хорошего качества мы все равно не добились. Голос был совершенно утоплен в инструментах. Потому что тогда Петухов боялся, что голос будет торчать и получится попсово. Поэтому меня было еле слышно.

Кстати, эти песни мы переписывали трижды. Второй раз записывали уже на «Кристальной музыке» у певицы Линды за 500 долларов за песню. В третий раз переписали их же, когда записывали целиком альбом. Серега позвал своих друзей-музыкантов, большая часть которых играла до этого в группе «Маша и Медведи». Это были суперпрофессионалы, познавшие вкус успеха. Гитарист Руслан Ступин пришел из панк-группы «Наив». Басист Денис Петухов (Пит-младший) был приходящим, потому что к этому моменту играл с Николаем

Носковым, все время гастролировал и мог появляться на репетициях очень редко. Мы договорились, что пока не заключим контракт, платить им буду я. Тут надо объяснить: мы с Серегой были абсолютно уверены, что быстро добьемся успеха, следовательно, заработаем кучу денег. Бесплатно серьезные музыканты не играли.

14 февраля 2004 года

Что я о себе думаю?

Я думаю, что кажется сначала, что я жесткий и даже агрессивный человек, который рубит сплеча, режет правду-матку. Потом оказывается, что я мягкий и хороший человек, который дипломатично срезает все-все острые углы. От чего сам же интеллигентски поднывает. Поэтому его хочется накормить, приласкать, пожалеть и поучить.

Потом оказывается, что у меня есть зубы. И ба-бац — как же это неожиданно. Так в моей жизни было раз сто.

Потом оказывается, что уже и непонятно, чего ожидать.

Я вот думаю, что быть самим собой — это не держать людей в иллюзиях.

17 февраля 2004 года

1. Мне предложили сшить пальто в подарок на Восьмое марта. Попросили прислать размеры. На Дальний Восток.

2. Написала старинная знакомая из Англии. Была шокирована косметикой и платьями. На мне. Пришлось сказать честно, что дальше будет еще хуже.

3. В Питере подарили тридцать третью корову. Если ей нажать на лапу, она смеется очень заразительно и дрожит. Почему она дрожит?

4. Сфотографировали в голом виде. Мне понравилось. Фотограф сказал «голышмя».

5. Программный директор радиостанции сказал, что перезвонит после трех ночи. Пришлось спать с телефоном, как Серега Сыроежкин с пищалкой Электроника. Не позвонил, гад. Или позвонил, только я не помню.

6. Количество философии в дискуссиях на сайте по поводу данного дневника мой примитивный мозг переваривать отказывается. Но этому факту рады остальные.

7. Жизнь крайне несерьезна.

О книгах. Я люблю биографии, автобиографии и мемуары. Домучиваю «Египетский поход» Наполеона и читаю биографию Леонардо да Винчи. Читаю ужасно медленно и на ночь.

Думаю, я там ищу секрет, в этих их биографиях. И, что смешно, — он там есть.

Сегодня познакомилась с Ириной Отиевой. Не знаю, восприняла ли она мой творческий псевдоним, по этому поводу имею ба-альшие сомнения. Оказалась приятной такой, эмоциональной дамой и очень знакомым мне типажом «женщины некогда кавказских корней» — вряд ли могу это в письменном виде передать. Ужасно симпатичной она мне показалось с первого взгляда.

Странно это как-то — всякий «карточный домик сломать», который моя школьная подруга пела на выпускном в музучилище, и т. п. Был еще композитор Виктор Чайка. Стойко воспринял мой вопрос: «У вас же раньше были локоны?» Отсюда вывод: человек с чувством юмора.

Да и вообще.

Программный директор сказал, что ночью у него был невменоз, потому звонить не мог. Что ж, это простительно.

Надо мне избавить организм от лишней воды. Посредством избавления от лишней еды. А она, как назло, от этого кажется только привлекательнее.

И еще. Мне стало наплевать на мнения. Потому что наше дело правое. Дальше понятно

19 февраля 2004 года

«Мосфильм» — это Голливуд. Только заснеженный. Там целый город построен, только фанерный. Называется «Деревня Шахназаровка». И там есть ангары одежды, уходящие в никуда. И тетенька, которая этим заведует, ужасно похожая на Хакамаду. Только не спрашивайте уже ссылку на ее дневник. Вам какого года? А какого века?

Мне бы в голову не пришло, что я буду вести позиционные войны. А вот-с.

Если они это, то мы вот это. А вдруг они не вот это, а вот то, то мы тогда пешку сюда… Вот чем занимаются на самом деле музыканты.

Еще они пишут песни и ужасно злобствуют, потому что у них барабаны в компьютере ровно не ложатся. Потом они их отрезают, как в аппликации, и оказывается, что лишка, и весь аранжемент сбивается на фиг. Они про себя ругаются, пока себя до ручки не доведут, потом выльют все это на голову директору и семейству. И успокоятся.

Стих:

Через болота,
Через пески,
В грязи по локоть,
Но как близки…

Хочу все и сразу. Говорят, это безмазняк. Хочу быстро.

Есть притча. Один мужик оказался в пустыне, заблудился и стал молиться, чтобы пришла помощь. И тут ему прислали ангела. «Чего те надо?» — ангел ему. Ну, мужик ангелу: «Во-первых, воды, во-вторых, там еще чего-то и, в-третьих, забери меня отсюда. Это главное». Ангел говорит: «Ну что, вставай тогда, мужик, пошли». — «Как это? — говорит мужик. — Я хочу быстро». — «Тогда побежали», — говорит ангел.

Воспоминания про жизнь группы первого состава.

Вообще в группе были странные отношения. Никто не хотел признавать меня лидером. Правда, лидер из рядов тоже не образовался — никто не хотел ответственности. Поэтому роль лидера кочевала. Всех устраивало, с одной стороны, что я занимаюсь

менеджментом. С другой стороны, меня же за это ругали — дескать, не музыкантское это дело. Все время кто-нибудь уходил в запой. Чаще всего это случалось с Серегой Петуховым, на котором держалась вся музыка. В том смысле, что он ее всю писал, а когда выбывал, то музыка останавливалась.

Однажды Пит пропал на полтора месяца. За это время прошла масса важных встреч, событий и, например, «Нашествие-2002», на котором мы тоже выступали. Шум поднял Руслан. Полтора месяца — это много даже для опытного в запоях человека. Мне показалось, что надо сообщить в милицию или взломать питовскую дверь. Но ребята сказали, что этого делать нельзя. Руслан несколько раз приезжал к Питу во двор и там его караулил, обходил дом и смотрел в его окна — открыта-закрыта ли форточка. Открывал он ее или нет, жив ли вообще? У нас был телефон родителей Пита на даче, но там все плохо ловилось. Только когда они там выходили в определенное время на какой-то бугорок, связь появлялась. В общем, на родителей нельзя было выйти. Мы даже решили ехать на эту дачу — Оля Пальчикова, как экс-подруга, пару раз там была, но место помнила очень приблизительно.

Пит несколько раз звонил откуда-то, и на этом связь прерывалась. Он уже сам потом рассказал, что допивался до чертиков. У него был дикий страх, что с ним что-то случится. Он вызывал такси, на этом такси доезжал до метро, покупал водку и возвращался назад. Все из группы звонили ему подолгу. Телефон, если он его не отключал, должен был не смолкать.

Потом приехали родители, и Пит вышел из запоя. После об этом периоде говорилось так, будто Пит был в тылу врага — ведь он же пил, и потому, дескать, у него была уважительная причина все на свете важное пропустить. Это была стопудовая отмаза.

Потом Пит закодировался. Но отношения в группе лучше не стали — они становились все хуже и хуже. Ребята требовали больше денег за концерты, а их просто не было, то, что оставалось, уходило на всякие административные расходы, курьерам, пиарщикам. Они не верили и думали, что я забираю все себе. Мы постоянно ругались. На концертах это как будто отступало, мы как будто с остервенением стремились наверстать все ссоры и слиться в один творческий

организм. Но концерт заканчивался, и все наваливалось снова.

Вот как рассказывали об этом очевидцы наших отношений: «Были репетиции в странном Доме культуры, где была выделена крошечная комнатушка, и все гнали на Ступина, потому что он все время пил и лажал, и Денис возмущался, что он пьяный выходит на сцену.

А после репетиции все курили траву. На репетициях было много агрессивных разборок. Комната была завалена всякой дрянью, кусками аппаратуры со страшным звуком. Рядом были бычки, бутылки какие-то. Очень много ругались. Потому что у всех были амбиции и пальцы веером. Они считали себя крутыми музыкантами. У них был вкус успеха с «Машей и Медведями». Второе: они конечно же пытались показать Лене, где ее место. Они никогда не могли договориться. У каждого было свое мнение. Никто никого не слушал. Нельзя сказать, что все дружили и любили друг друга. Хотя как-то держались друг за друга».

20 февраля 2004 года

Сегодня дяденьки сбивают лед. Я вообще удивляюсь, как дом еще не рухнул, тут прямо все трясется.

Как курить-то бросить…

1. Жизнь слегка замерла. Ждем радио. Утюги, рассчитайсь.

2. Были в Останкино, встретили тьму знакомого народа. «Как дела?» — говорят. «Да хорошо, занимаюсь скалолазанием». Говорю и думаю: эка, это ж я про музыку.

3. Продолжаю получать глубокие письма о том, что я пишу не совсем правду. Отвечаю: да. В смысле, вы правы. А мне: ну, может, несчастья какие должны происходить, чтобы душевные переживания отражались, не то чтобы мы их желаем, но это точняк интереснее и честнее в дневнике отражается. Это да… интереснее. Только *не хочу*.

4. Упомянутый Виктор Чайка, который есть, как меня поправили, а не был, рассказал мне наконец, почему товарищ Оззи Озборн ходит как старикан, хотя вроде он еще не он. Потому, сказал Чайка, что это его фирменная фишка. Он, дескать, так всегда и ходил, с самого смолоду.

5. Ненавижу обламываться. Лучше буду делать вид, что не очень-то и хотелось.

21 февраля 2004 года

1. Новая песня начинается словами: «Это стая Икаров пролета-та-та-та-та-ет по парам».

2. Каждую субботу вспоминаю, что надо делать радиопередачу. И делаю в испуге. Получается обычно весело.

3. Сегодня мне почти нечего сказать миру, кроме того, что мне нравится это состояние. И сырник вкусный был. А че еще надо…

22 февраля 2004 года

Хорошо ли хотеть изменить мир к лучшему?

И как понять, что он изменился?

Делает ли это музыка?

Или это делает политика?

Или это иллюзии, что это возможно?

Картинка моего персонального ада — водитель трамвая на кольце, снизу рельсы, сверху тросы, и по кругу… и ни влево, ни вправо…

24 февраля 2004 года

Было полтретьего. Мне снился водопад. Горячие капли прыгали по лицу. Капли были горячими, потому что водопад лился с потолка и был горячим. Мне ужасно не хотелось бегать с тряпками, тазами и ведрами, но по ходу не было другого выхода. В стене шумел поток. Реально, там был шум потока. Было страшно, что угол дома намокнет и отвалится, потому что пол вздулся, а на стене пузырями копилась вода, и казалось — вот-вот лопнет.

Тазики и ведра в доме кончились.

Аварийная служба таки приехала. Потом еще одна. Пятеро дяденек в грязных сапогах и с удивленными лицами стали резко кому-то звонить. Потом все пятеро сказали, что, пока им не дадут команду, они сделать ничего не могут. Дяденьки были обложены х…ми, был вырван у них телефон и позвонено их диспетчеру.

Вода все лилась. Книги смыло с полок, особенно бодрая капель лилась из потолочной лампочки, потому свет никто не включал. Дяденьки совещались в темноте. Через час они ушли, ни слова не говоря. Диспетчер по телефону сдал, что они ушли в подвал и сейчас там все наконец перекроют. Все наконец перекрыли в шесть утра.

В восемь утра пришли слесари — вспарывать стены и искать дырку в трубе. Их было четверо. Они были в сапогах и тяжелых куртках, но уже с длинным шлангом. Тот, что со шлангом, был еще в прикольных очках. Он был сварщик. Потолок вспороли, спустили воду во всем доме, заварили трубу. И так три раза, потому что дырок в трубе оказалось несколько.

«Все», — наконец сказали дяденьки. Было одиннадцать.

26 февраля 2004 года

1. Мне стало лучше. Меня спасли тортом, который я вообще-то в жизни не ем, и морсом, в котором стоит ложка, как в вологодской сметане. Ну еще я пью антибиотики.

2. Если я еще потом заболею, я нипочем больше не стану тосковать в одиночку. Я буду звать людей, а они будут со мной разговаривать, а я буду выздоравливать.

3. Кабинет похож на картину «Обыск в доме революционера» — все перевернуто, книги на полу, столы сдвинуты, и я гордо стою надо всем и сверкаю глазами.

4. В три приема посмотрено хорошее кино «Главное — любить». Режиссер по фамилии Жулавски. Там играет Роми Шнайдер и еще ужасно прикольный парень, который похож на Шона Коннери. Кино однозначно хорошее. Только очень старомодное какое-то, как русская литература. Люди весь фильм демонстрируют намерения, скрытую страсть, проявленную только в глазах, губах и паузах. Все время хотят и не могут, думают, но не делают, — одни полутона. Как ни странно, хеппи-энд. Еще там один из героев все время спит в ботинках.

5. Предложили сыграть еще два концерта — один завтра, пришлось не смочь. И один двадцать девятого — тоже пришлось не смочь, потому что был бы третий в один день.

1 марта 2004 года

1. Уезжаю в Киев. На поезд у нас один билет на весь бэнд, и к нему прилагается письмо. Очень смешное, к министру транспорта Украины. О том, что, мол, артисты (а их там очень много в нашем поезде едет на это пафосное мероприятие), и им нужно всякое содействие. Прикол в том, что наша группа почему-то приписана к народному артисту РФ Иосифу Кобзону. И. Кобзон туда же едет. Так что сто пудов — будет нам содействие всякое, раз мы к нему приписаны.

2. Люблю я очень Киев.

3. Не могу я больше пить морс. У меня целое море морса внутри плещется.

4. Песня пишется опять про спорт почему-то. Как они там грязные все бегут…

5. Еще лучше.

6. Я знаю, как звали доктора Ватсона. Его звали Джон.

2 марта 2004 года

Чат на музканале в Киеве. (Терпеть не могу длинные тексты. Этот исключение.)

Соус. До Уфы когда-нить доедете?

Butch. У нас регулярно барабанщик туда ездит, он из Уфы.

Таня из Одессы. Когда выйдет новый альбом?

Butch. Мы его запишем через месяц. Выйдет он тогда, когда на него будет сильный спрос.

Костя. Мужика бы тебе нормального.

Butch. Как вы правы!!!

IRKA. Эй, не эгнорируйте меня! Какие книги ты читаешь?

Butch. Глянцевые журналы. Все больше «Космополитен».

ЗлючкА. С какого конца ты кусаешь сосиску???

Butch. Я вегетарианец.

Концертный_организатор))). А с кем в Украине, в Киеве ты работаешь из концертников???

Butch. В этот раз с «Мун-Рекордз», а вообще — ни с кем.

Ната Птичка и Люда Оковы. С кем из современной эстрады ты хотела бы переспать?

Butch. С хором Пятницкого.

Сьюзи. Ты выглядишь очень сексуально!!! Почему ты не мущина?

Butch. Это к моим родителям вопрос.

подруга. Ты бы хотела быть женщиной или мужчиной???

Butch. Меня устраивает нынешнее состояние.

Nosferatu. Какая у тебя ориентация, ты могла бы полюбить девушку???????

Butch. С девушками столько геморроя!

подруга. Тяжело ли ты переживаешь неудачи?

Butch. Безумно тяжело. Стараюсь тут же ситуацию изменить.

Сьюзи. Встречалась ли ты с Вакарчуком?

Butch. Да. Неделю назад.

Мания. Когда и чем ты в последний раз болела?

Butch. Сейчас еще болею.

Dyke. Почему зовешься именно «Butch»?

Butch. Мы уже тысячу раз пожалели, что так группу назвали.

haru_ko. Девушки вам безразличны?:)

Butch. Не все.

Дашка и Машка. На что чаще всего тратишь деньги?

Butch. На всяческие музыкальные примочки к компьютеру.

Малыш. Откуда берутся дети???

Butch. Учебники почитай.

Mouse. Если бы у тебя было время для отдыха, где бы ты его провела?

Butch. В Одессе.

ROMEO. А не хочешь на панк-рок перейти?

Butch. Мы уже почти перешли.

Yarik. Твое самое яркое воспоминание из детства?

Butch. Как мой брат оторвал себе палец.

Шанталь. Какие качества в человеке вас раздражают, а какие вызывают уважение?

Butch. Уважение: интеллект, чувство юмора, хорошая фигура. Раздражают: отсутствие чувства юмора, отсутствие фигуры и интеллекта.

@dmytrik@. Так ты девственница или нет?!!!!!!!!!!

Butch. Да.

Оля. Какой тип мужчин тебе нравится?

Butch. Высокие блондины с чувством юмора и живым лицом.

Оксана. Какие программы ты обычно смотришь?

Butch. Новости… и музыкальные каналы.

Извращенец. Ты любишь целоваться?

Butch. Оч. люблю. Это же не так трудоемко, как секс.

Мания. Как обстоят дела со спортом?

Butch. Прекрасно. Каждый день хожу в спортзал. У меня даже клеточки на животе.

Рихард Круспе. Херня твоя музыка!

Butch. Соглашусь. Другой-то нет.

Андрей. Тебе нравятся мужчины?

Butch. Не все.

Сьюзи. Что нужно тебе для полного счастья???

Butch. Чтоб народу было много вокруг. И чтобы они все пропадали, когда это надоедает. А потом — опять появлялись.

подруга. Почему не любишь секс??

Butch. Потому что отнимает много сил, а у меня и так их не много.

Sash. У тебя есть член?

Butch. Нет.

ROMEO. Какой жанр ты исполняешь?

Butch. Рок.

Киевлянка. Назови свой любимый фильм.

Butch. «Мосты округа Медиссон».

Мания. Что задевает тебя за живое??

Butch. Хамство.

Инкогнито. Я впервые слышу о тебе, давно ты на эстраде?

Butch. 2,5 года.

Levis. Ты, когда моешь голову, улыбаешься?

Butch. Не, не улыбаюсь. Так и шампунь в рот может залиться.

Катюша. У меня 400 твоих фотографий, а я уже люблю группу «Корни». Че мне с ними делать? Мож, давай поменяемся?

Butch. Давай.

Yarik. За кого ты болеешь, за Маскаева или братьев Кличко?

Butch. За братьев Кличко, конечно!

Iren. Есть ли у тебя идеал по жизни? Кто это?

Butch. Путин.

ЗлючкА. В каких позах любишь заниматься сексом?

Butch. Я вообще не люблю заниматься сексом. Поэтому позы просто не отслеживаю.

Оксана. А ты часто сидишь в И-нете?

Butch. Просто каждый день я сижу в И-нете.

Зизибум. Какой из вымерших динозавров самый красивый?

Butch. Бронтозавр. Такой большой и добрый.

Ока. Какие книги читаешь? Какие в детстве комплексы мучили?

Butch. Что у меня волосы прямые.

Мания. Как ты относишься к угощению за чужой счет?

Butch. Гораздо лучше, чем за свой.

Zajka. А сколько будет песен на новом альбоме?))

Butch. Около 12.

Злюка. С чем связаны такие кардинальные перемены в составе группы?

Butch. У нас разные цели были с ребятами. Поэтому пошли разными дорогами. Сейчас я работаю с теми людьми, которые разделяют мои.

Daemon. И как тебе Кобзон?

Butch. Еще не виделись.

Iren. Есть живность какая-нибудь у тебя (типа кошка, собака)? И что нравится?

Butch. Черепахи.

Фиалка. Что для тебя Интернет?

Butch. Это способ связи. Очень люблю его.

KuTuZoV. Так все-таки мужик ты или баба?

Butch. Баба, баба…

Клякса. Как хорошо ты говоришь на украинском!!:)))

Butch. Даже лучше, чем на русском.

Сьюзи. На кого вы похожи — на маму или на папу?

Butch. На обоих.

Фиалка. Алкоголь любишь?))

Butch. Люблю.

Злюка. Будешь ли сегодня на концерте новые песни петь?

Butch. Да, конечно. И много.

Мания. Ты понимаешь феминисток?

Butch. Нет. Я считаю, что это устаревшее течение.

Fasist!!!!. Миньет хорошо делаешь??

Butch. Вообще не умею.

Сьюзи. Почему ты такая милая и очень красивая???????????

Butch. Потому что мне повезло.

OLKA. В какие игры любишь играть на компе?

Butch. Не играю в игры.

Полина. Ты себя считаешь хорошим другом?

Butch. Да не очень, честно говоря.

Kaplya. Добрый день! Часто ли ты опускаешь руки перед барьерами жизни?

Butch. Никогда.

Клякса. Ты часто путешествовала? И как далеко?

Butch. Раза три в год.

Клякса. Что тебя привело в Киев?

Butch. Поезд Москва-Киев.

Кошка.:-))) Не хочешь спеть с Сашей Пономаревым? Это ща модно.

Butch. А кто это?

Валерия. А какой стиль одежды вам нравится?

Butch. Дорогой.

Olechka. А как тебя зовут в реале?? Точнее, как мама назвала, не Бучч же??

Butch. Лена.

haru_ko. Что для вас ЖЖ?:)

Butch. Еще у меня есть в И-нете дневник. Ник: _butch_

Zajka. Когда будешь приходить в чат на свой сайт, наконец?

Butch. Я там каждый день почти бываю, только под чужим именем.

Ggg. С кем хочешь спеть в дуэте?

Butch. Ни с кем не хочу.

Сьюзи. Можно я вам признаюсь в любви??????????? Я вас очень сильно люблю!!!!!!!!!!!!!

Butch. Конечно, давайте.

@dmytrik@. Тебя хоть раз кто-то гомосексуалистом называл? Пьешь, куришь?!

Butch. Еще колюсь и нюхаю.

Кошка.:-))) Любимая поза в Камасутре?

Butch. Когда повернуты попами друг к другу.

Українка. Скажи, а тобі подобається Брітні Спірз?

Butch. Падобаетца.

Ghost. А какое любимое блюдо из того, что сама готовишь?

Butch. Яичница.

Mouse. Тебе когда-нибудь было стыдно за свои поступки?

Butch. Да. Даже чаще, чем стоило бы.

Superstar. Ты считаешь себя звездой?

Butch. Нет, конечно.

@dmytrik@. Машину водишь?!

Butch. Нет.

Женя. Вот вы косите под пацана, как же секс?

Butch. Я не кошу.

haru_ko. Артист, ты выспался сегодня?:)

Butch. Да.

Diesel. Где живешь?

Butch. В Москве.

Юрченко. А ты ребенка не хочешь?

Butch. Хочу. Че, поможете?

Yarik. Чем ты любишь заниматься в свободное время? Твоя любимая марка авто?

Butch. Кино люблю. Любимая марка авто на сегодня — «альфа-ромео».

Mouse. А ты готовить умеешь?

Butch. Умею, оч. хорошо.

Аркадий. Извините, несколько раз отослал вопрос о Земфире — Когда будет свежий альбом — уважаю ваше творчество — спасибо вам — вы просто супер — про армию — это не правда? Вы замужем?

Butch. Не замужем. На выданье.

Ведьма Джин. Ваш основной источник вдохновения?

Butch. Это сексуальное воздержание.

Таня. А как тебе Валерия?

Butch. Жалко.

Ирчик. А к мини в рюшечках и заколочках на длинных кудрях никогда не тянуло?

Butch. Тянуть — тянуло, но я не могу ходить в мини. У меня ноги кривые.

Аркадий. Вам нравится «Evanescence» — как относитесь к тяжелой музыке?

Butch. Неплохо.

Женя. Какая девушка возле вас красивая!!!!!!!!!!

Butch. Если вы напишете ей свой телефончик, может быть, она даст вам свой.

Злюка. Какие ассоциации вызывает у тебя осенний пасмурный день, серое небо и мелкий дождь?

Butch. Никаких…

Мания. Чего ты ждешь от приезда в Киев? (с намеком на сюрпризы)

Butch. Я жду встречи с Кобзоном, потому что он выступает с нами на одном концерте!

Юрченко. Какое у вас образование?

Butch. Два высших.

Клякса. Ты часто скучаешь?

Butch. Почти никогда.

Фиалка. Что будешь делать, когда состаришься??

Butch. В кругосветное плавание отправлюсь.

Ирчик. Слушай, а тебя что, совсем не тянет к женственности? Отчего такой стиль?

Butch. По-моему, вполне женственный у меня стиль.

Полина. Когда у тебя день варенья?:-)

Butch. 1 октября.

Ирчик. А какие эти два высших образования?

Butch. Учитель и журналист.

Денис. Какими иностранными языками вы владеете?

Butch. Никакими.

Куплинка. Почему выбрала романсы? Будут еще внутренние переживания в полную силу?

Butch. Всегда переживания в полную силу.

Mouse. А с чем связана эта любовь к Одессе?

Butch. У меня там дом.

Таня. Тебе нравится «Виа Гра»?))

Butch. Конечно, нравится. Как она может не нравиться?

Денис. Скільки вам років?

Butch. 31.

Оксана. Любишь ли ты животных? Если да, то каких?

Butch. Собак.

Wella. Привет, Буч! А скажи, стиль одежды и причесок сами ли вы придумываете себе или работаете со стилистами? С ув., Wella.

Butch. Есть стилисты.

Maugli. Каких людей подсознательно ищешь: похожих на тебя или противоположностей?

Butch. В которых все это совмещается.

Mulan. А вообще экстрим… на коньках покататься, на роликах? С парашютом прыгнуть?

Butch. Ненавижу экстрим. Даже за деньги не буду.

Клякса. Какая у тебя мечта??

Butch. Хочу стадо собак.

Наташа. А ты завтра будешь долго выступать?

Butch. Нет, две песни.

Мания. Назови три самых вещи, без которых твоя жизнь теряет всякий смысл.

Butch. Любовь, творчество, море.

Полина. Я очень уважаю тебя — как личность, как музыканта!! Когда и где можно тебя увидеть в Киеве???

Butch. Сегодня в «Mojo», а завтра во дворце «Украина».

Аркадий. Есть ли в вашем творчестве какая-нибудь связь с Земфирой?

Butch. Аркадий, вы не виноваты, что тысяча людей до вас достала меня этим вопросом.

Алёнка. Как вы относитесь к творчеству группы «Мумий Тролль»?

Butch. Раньше больше мне нравилась. Мне кажется, что сейчас он стал слишком благополучным.

Лена. У тебя есть свой сайт?

Butch. www.butch.ru

Maniia. Давно плакала? Извини за вопрос.

Butch. Недели две назад.

Алёнка. Какой ваш самый любимый город?

Butch. Одесса.

Alex. Які нові хіти вийдуть найближчим часом?

Butch. Новая песня «Не дали».

Полина. Скажи мне хоть слово. Наверное, столько народу в чате, что комп висит — ААА!

Butch. Слово.

Olka. Привет))) Сколько лет ты уже на сцене??

Butch. 2,5 года.

Murzik. Ты в армии служила?

Butch. Папа мой служил.

Ира (Запорожье). Какое у вас музыкальное образование? Играете на каких-либо муз. инструментах?

Butch. На пианино.

Camomile. Хай, Butch! А откуда ты родом?!

Butch. Из Питера.

Mouse. Мне кажется, ты немногословный человек… Сложилось мнение, похоже, что все эмоции и мысли выливаются в песни?

Butch. Нет, я оч. многословный человек. Меня невозможно остановить.

Денис. Який ваш улюблений гурт?

Butch. «Океан Эльзы».

Maniia. Лена! А какой бы ты вопрос задала человеку, которого слушаешь, читаешь, смотришь картины?

Butch. Как ему это удалось.

@dmytrik@. Моя мама так и не может понять, ты парень или девушка?!

Butch. Пусть на концерт приходит сегодня. Там и разберется.

Анька. Лена, привет, насчет рисунка на футболке — этим подчеркнула свою женственность? Супер:)

Butch. Просто я считаю, что все должны знать, какая у меня красивая грудь.

Ded-MoRoZ. Почему ты косишь под пацана — тебе не нравится быть девушкой?

Butch. Я не кошу.

Я. Ты верующий человек?

Butch. Скорее, да.

@dmytrik@. Какой стиль музыки тебе больше всего нравится?… Нравится ли тебе «Би-2»?!

Butch. Рок-музыку люблю, хотя поп — больше. Особенно люблю бойз-бэнды. Могу сказать, какой на данный момент любимый бойз-бэнд — «Корни». «Би-2» — не очень, если честно.

RammsteineR. What's your real name?

Butch. Lena.

Shnep. Який твій улюблений вид відпочинку?

Butch. На море — все виды отдыха.

Mouse. Скажи, а народ на улицах узнает?

Butch. Да.

Mulan. Любите ли вы горы?

Butch. Нет.

Шанталь. Вы умны и знаете это, вы интересная личность, и это тоже вам известно. Так как же при таком багаже знаний вам удается быть таким обаятельным человеком???

Butch. Главное не это, главное — моя сверхъестественная скромность.

KENUL. Привет))) А как же мини-тур по Украине??? Отменили?

Butch. Можно сказать, отменили, потому что лучше его сделать позже, когда выйдет следующая песня.

Я. С чего началась твоя карьера?

Butch. С рок-фестиваля.

Шанталь. Ну, скромностью я тоже не обижена))) Вам не жалко было бросать журналистику или оно того стоило?

Butch. Жалко. Но здесь больше платят (шутка).

Maugli. О чем таком в детстве мечталось, вроде: очистить все моря или приютить всех бездомных животных?

Butch. Славы и денег.

Maniia. Зовем))) А если серьезно — можно пробить почву, ві приедете?

Butch. Связывайтесь с моим директором.

Mouse. Привет! Мне вот тоже интересно, а в Одессе концерты

планируются?

Butch. Нет… пока.

Ира (Запорожье). Привет, Бучч! О чем ваши песни? Пишете сами? Если да, то какие эмоции владеют вами в тот момент?

Butch. Сиюминутные.

@dmytrik@. Из-за чего у вас возник конфликт с группой «ЧайФ»??

Butch. Из-за того, что наш гитарист прошлого состава был пьян. Пьяное бахвальство. Оскорбил группу «ЧайФ» безо всякого повода.

Maniia. Привет! Оч. приятно пообщаться:)) Почему Днепр обходим стороной?:))

Butch. Зовите на концерт — приедем.

@dmytrik@. Как давно была написана песня «Встану»?!

Butch. Полгода назад, по-моему.

Самое первое выступление группы «Butch» состоялось на фестивале «Нашествие-2001».

Наконец «Наше радио» и Миша Козырев получили диск с тремя песнями группы. В этот год устроители фестиваля хотели представить много новичков-рокеров. И было заявлено, что в «Нашествии» примут участие сорок новых групп. Мы стали одной из них. Журнал «Афиша» напечатал статью про некоторых новичков, и про нас в том числе. Они же сделали первую в нашей жизни групповую фотосессию — поехали в парк и там на фоне каких-то строений сделали суровые лица.

В моей жизни еще никогда не было концертов. Мне было совершенно неизвестно, что делают люди, как они двигаются, когда поют. И мы решили провести репетиционный концерт. Сняли специально клуб и пригласили пару знакомых продюсеров — посмотреть. Даже не столько на то, как мы играем, сколько на то, как я держусь на сцене. Оценка была такая: энергетика отличная, а вот движения судорожные. Моя подруга — актриса — тоже была привлечена как эксперт. Она сказала: «Может, тебе надеть ботинки на два размера меньше, чтобы жало и отвлекало тебя от лишних мыслей во время выступления, а?» Решили все-таки не покупать маленькую обувь. Тут же встал вопрос о сценическом костюме. Почему-то мы решили искать пижаму. В полосочку, как у курортников. Два дня объезжали магазины, а в полосочку пижамы так и не нашли. Наконец в магазине какого-то дорогого белья мне

встретилась шелковая, синяя, совершенно будуарная пижама. Сценический костюм на «Нашествие» был найден.

Мне хотелось применить какой-то спецэффект. Чтобы было какое-то шоу. И тут у меня перед глазами встала картинка не то Олимпиады-80, не то Игр доброй воли. Когда над стадионом взлетают белые голуби. Это очень красиво, и никто ничего подобного на рок-фестивалях не проворачивал.

Я и мой администратор Юля стали искать голубятников. Через какое-то время нашелся голубятник, который за приемлемые деньги готов был уступить сто двадцать голубей — на большее денег не хватало. Мне хотелось все предварительно отрепетировать, и мы поехали к нему домой. На крыше нормального многоэтажного московского дома он устроил себе голубятню. Голуби были самые разные, хохлатые, как павлины. У меня когда-то были попугаи, и мне казалось, что в голубятне должен быть всякий мусор и специфический запах, как у попугаев. Но ничего подобного. Голуби были белейшие, просто как снег, и совершенно ничем не пахли. Еще они были теплые и доброжелательные. Голубятник Юра сказал, что накануне не будет их кормить и сам упакует в специальные ящики с дырками. Велел перевозить их так, чтобы ящики не стояли плотно друг к другу, а то голуби перегреются. «А куда они полетят, когда мы их выпустим?» — «На соседние голубятни», — сказал он. «А там, в Раменском, точно есть голубятни?» — «Голубятни есть везде», — уверенно ответил он.

Потом мы с ним посадили десять голубей в ящик и пошли на площадь перед его домом — тренировочно выпускать. Голуби взмыли и описали красивый круг над нами. «Домой прилетят», — сказал Юрий. У меня не осталось сомнений, что мы выпустим голубей как надо.

Перед «Нашествием» группа репетировала от силы раз пять. Сейчас ребята вообще не понимают, как мы это сделали. Ведь это вообще было наше первое выступление. По сути дела, это было безумием чистой воды. Но безумием правильным, священным.

По самым скромным подсчетам, на «Нашествие» пришли более ста тысяч человек. Не надо думать, что, мол, артист не боялся. Ему, дескать, все по фигу, у него закалка репортера. Было так страшно, что у меня пропал

голос. А когда у певца пропадает голос, то ему на связки льют адреналин, и связки реанимируются. Голос появляется на час или на два. Перед концертом три фониатра висели на мне и лили адреналин на связки. И они ожили. Ровно на выступление. Голоса не было ни до, ни после.

Выступать перед такой аудиторией — все равно что прыгать с парашютом. Можно долго трусить, но после того как ты сделал шаг, твой страх не имеет никакого значения.

Когда мы появились на сцене, ведущий объявил нас: «Группа «Butch», впервые на сцене, «Нашествие» зажигает звезды…» и все в таком роде. Естественно, первым, что мы увидели, были факи. Народ нам кричал: «До свидания! Идите отсюда!» Кому же охота посреди концерта, после пива, слушать группу, которая играет свой первый концерт. Они же не кролики, чтобы на них ставили эксперименты. «Ну все, — думаю, — сейчас я вас, ребята, сделаю. Честное слово!»

Это не агрессия, это нормальная бойцовская реакция. Первую песню публика встретила факами. Но под конец они эти факи убрали. Потому что почувствовали — играем мы хорошо. Нашей третьей песней стала «Чувства на волю». Это реальный хит. В ней есть такой драйв страшный… Перед тем как ее спеть, я поняла, что именно сейчас мне нужно склонить на свою сторону чашу зрительских симпатий. Даже не склонить, а опрокинуть ее…

Под сценой в этот момент находились двенадцать ребят с двенадцатью ящиками, в которых сидели голуби. А один человек держал моего администратора Юлю на плечах так, чтобы она была точно подо мной. У Юли в руке был голубь. Этого никто не видел, но мне это было известно. И во время припева я забрала у нее из руки голубя и выпустила его. По этому сигналу все двенадцать человек выпустили голубей из своих ящиков, и птицы начали мерно взлетать над этой гигантской сценой, над ста тысячами зрителей… Это был жутко радостный момент. Зал взревел. В этот момент он весь был нашим. Были овации, был перелом, было очищение… Потом часть голубей расселась на крыше сцены и вскоре, как бы это сказать, пометила барабанную установку группы «ДДТ». Зато наша затея удалась. После этого выступления пиар-агентство

Кушнира, которое совершенно бесплатно занималось моими делами, принесло мне две толстые папки с прессой, где было описано наше выступление.

Чувства на волю

Нет никаких явных причин,
Я в грусти, кажется, четвертый день.
Даже твой поцелуй — привкус горечи.
Я знаю, что все это приступ осенней болезни.

Если молчу — значит, не злись.
Я слышу море в ракушках ушей.
Красивый и хрупкий, как желтый лист,
Лежу на земле, почему-то легко на душе.

Припев:
Я выпускаю чувства на волю.
Видишь, летят они на юг,
Кружатся стаей над головою
И исчезают вдруг.

Будет зима, и я замру,
Однажды в окна глядя на нее.
До меня достучаться не хватит рук,
Останется только кричать
Заклинанье мое.
Припев.

3 марта 2004 года

«Коммерсант» написал, что у меня с публикой в Лужниках состоялась свадьба.

Новая песня:

На ногах шипы —
Два стальных ежа.
Нет такой судьбы,
Чтобы не бежать.

4 марта 2004 года

Предложили сыграть квартирник. А я говорю: «Давайте я лучше стихи почитаю. А мы соберем народ-то?» Организаторы решили узнать, соберем ли.

5 марта 2004 года

У меня есть друг, который мне вот что рассказывает про барьерный бег — как они бегут и разбивают коленями барьеры деревянные, если они деревянные. И еще не надо думать, что это прыжок через него. Надо думать, что это такой четвертый шаг. И чем легче они шагают, чем ниже нога над барьером, тем быстрее выходит.

Вторая часть куплета:

Нет таких наград,
Чтобы ради них.
Нет других преград,
Кроме нас самих.

6 марта 2004 года

Мы вроде бы решили, что петь я точно не буду. Буду стихи читать, и песни новые поставим. На диске. Теперь получается, что стихи мне надо наизусть учить, что ли?

Вроде бы девятнадцатого вечером прикинули. При этом я все равно не понимаю, кто ходок на квартирники. Поскольку туда есть билеты. То есть это получается поэтический вечер, а не концерт. И вот: все сидим — люди на ковре, я на диване. Человек семьдесят помещается. Цена билета среднеконцертная. Чай в чашках.

Неизвестный мне жанр, но прикольно.

8 марта 2004 года

1. Опять взяли автограф в туалете. Это как-то уже на разные мысли наводит.
2. Один человек меня трусливо поздравил по телефону.
3. Наступила весна.
4. Клинт Иствуд снял отличное кино. Только, блин, как «Танцующая в темноте», но про мужчин.
5. Записали 10 песен.
6. Хочется радикальных изменений. И горизонтов. И пейзажей.

10 марта 2004 года

1. Один приятель, даже не мой, не то Белоносов, не то Белохвостов, не то еще как-то говаривал: «Женщина всегда знает, когда книгу дать — книгу взять…» То есть она использует это как повод. Говаривал он это лет назад двадцать. Ничего не поменялось.

2. Раньше у меня вокруг компьютера валялось море бумаг непонятного предназначения и непонятной давности. Теперь валяются диски. Вывод: профессии меняются, а я — нет.

3. Слушаю десять песен. Почти цельный альбом. Все очень славно и мелодично. Очень создает настроение. Но что-то никого ни к чему не призывает и не рвет на части, не депрессует, не грузит и не лечит. Ничего о подростках. Хорошо это или плохо?

4. Открепились и будем голосовать. Тети на Участке не поверили опять, что я могу голосовать уже. Наверное, потому, что это школа была, и в этом месте мой типаж взрослым не кажется.

5. В газете написана прикольная фраза: «Макс Фадеев, которому принадлежит честь открытия Глюкозы и очеловечивание Кати Лель…» Я по-честному до сих пор не могу Катю Лель в лицо запомнить, хотя у нее такие отличные песни. И даже старые отличные, типа «И подругам всем сказа-а-ала, что ты лучший из мужчи-и-н…». Еще я, если встречу на улице Dido, тоже нипочем не узнаю. Очень лицо нечеткое, а голос прикольный.

Очередной вехой в развитии группы стал «Максидром-2002».

Это еще один крупнейший российский рок-фестиваль, куда приглашаются лучшие группы страны. В последнее время устроители его стали привозить и топовых западных исполнителей. Попасть на этот фестиваль — большая честь, особенно для молодой команды. В 2002 году организаторы решили не звать всех признанных рокеров, и это значило, что акцент сместится на новичков. Ясно было, что среди новичков будет группа «Сегодня ночью». Я два слова скажу про эту группу. Ее продюсировала хорошая звукозаписывающая компания, которая возлагала надежды на то, что «Сегодня ночью» станет главной молодой группой года. Все было сделано у них по высшим стандартам — фотосессия за границей, сведение там же. Музыкантами группы были три приятной внешности блондина, которых в прессе называли не иначе как принцы из

группы «Сегодня ночью». Звук им продюсировал «Мумий Тролль», что добавляло им очков, которых и без того было немало. Группа была заявлена как участник «Максидрома». Мы, понятное дело, тоже очень хотели участвовать, но шансов было немного.

Откровенно говоря, я думаю, что решающую роль сыграл Саша Кушнир, который убедил организаторов в том, что нашу группу стоит пригласить. Уж не знаю, сколько времени у него ушло на уговоры, но точно немало. Было время, когда после «Максидрома» молодые музыканты просыпались знаменитостями. Но к тому моменту такое время прошло. Хотя, конечно, отыграть на «Максидроме» в Олимпийском, где собираются по меньшей мере пятнадцать тысяч поклонников рок-музыки, было очень круто. И мы стали готовиться к фестивалю.

Меня не отпускала мысль, что выступление должно быть особенным. Тогда мне пришло в голову связаться с моими друзьями из программы «Время», и мы вместе из архивных съемок сделали специальный фильм, который должен был транслироваться на фестивале с гигантских экранов во время одной из наших песен. Фильм получился по-настоящему страшным. Там были сцены разрушения домов, кадры военной чеченской хроники, съемки того, как на севере убивают котиков. В общем, очень натуралистический фильм. Мне хотелось, чтобы зрители задумались о том, как бывает в жизни, и поняли, что ее нужно ценить.

Идея, как я сейчас понимаю, была ошибочной. Потому что это был не наш сольный концерт, а так называемая солянка, где много групп, и у каждой в лучшем случае есть время на три-четыре песни. Там зритель совсем не расположен задумываться, особенно когда его пугают страшными картинками посреди всеобщего веселья. А мне тогда казалось, что это очень мощный ход.

Когда мы начали выступать, публика сразу разогрелась. Еще не знали, что их ждет. Перед третьей песней я говорю залу: «А теперь внимательно смотрите на экраны и не пропустите ни кадра». Так люди и сделали. Когда песня закончилась, по-моему, даже аплодисментов не было. Люди, которые только что танцевали и прыгали, стояли потрясенные. Их как громом поразили. Мне потом говорили, что все, конечно,

запомнили наше выступление, но хорошо ли это — вот вопрос.

На этом «Максидроме» не было группы «ЧайФ». Всегда была, а в тот раз не было. Поэтому пресса активно обсуждала, почему это «ЧайФа» нет. На сцене выступала группа «Сегодня ночью». Вокалист Никита Козлов увидел на ком-то маечку со словами: «Долой пидорасов с российской сцены». Сказал вслух со сцены: «Действительно, долой пидорасов с российской сцены. А кстати, вы не знаете, почему нет группы «ЧайФ»?»

И продолжил себе спокойно петь дальше. После этого выступления продюсер «ЧайФа», а заодно и «Максидрома» Дмитрий Гройсман ворвался в гримерку к «Сегодня ночью», собираясь порвать Никиту на кусочки, на клочки и на тряпочки. Только слезные уговоры: «Да он дурак, он первый раз, он не хотел» — уговоры серьезного человека из Никитиной звукозаписывающей компании — удержали Гройсмана от расправы. И тут группа «ЧайФ» получила вдогонку еще и от группы «Butch». Наш гитарист Руслан Ступин напился, и ему стал сам черт не брат. Мимо проходила съемочная группа МУЗ-ТВ, и Руслана спросили: «А что вы думаете, почему в этот раз не выступает группа «ЧайФ»?» И Руслан ответил: «Потому что они толстомордые ублюдки». Камера радостно записала это, и на следующий день национальный канал передал это интервью. Что началось потом? Потом Руслан отказался разбираться с этой историей, и мне пришлось валяться в ногах у всех, слушать крики Дмитрия Гройсмана: «Ах, он панк, так пусть живет на помойке! Группа «Butch» ни ногой не появится на моих мероприятиях!» (А его мероприятия — это, на секундочку, все крупные рок-фестивали и есть.) Нас потом долго стебали: «Ах, это вы те самые ребята, которые назвали «ЧайФ» толстомордыми ублюдками?» А «ЧайФ»-то тут был совершенно не виноват. Виноват был алкоголь.

19 марта 2004 года

Полный бардак. Душно и накурено. Еду кто-то съел до нас, и только торчат бутыли водки. Это в гримерке. Стульев тоже нет. Зато зал атасный — в хорошем смысле слова. Ба-альшой, и звук отличный. Только клуб этот без пол-литры не найдешь, затерялся где-то возле «Дубленок на Ленинском». Это я про новую «точку».

Один отличный, крайне уважаемый мной музыкант обнял меня и говорил слова. Блин, но какой же у него ужасный сладкий парфюм. До сих пор все пахнет. Какой хороший человек и какой дерьмовый запах.

Брали интервью. Корреспондент стыдливо сказал, что оператор мертвецки пьян уже. И что, наверное, мне это не впервой. Оператор все ронял, но снимал. Потом долго благодарил. За что — было не слышно, музыка играла громко.

Первую песню было страшно петь. Страшно было даже шаг по сцене сделать. Потому что казалось, что у меня случится инфаркт. Почему — не могу сказать. Но инфаркт, конечно, не случился, и дальше все стало очень весело, и даже было видно, как отлично зал нас принимает.

Мне кажется, мы самые жизнерадостные ребята из всех. Потому что такая энергия. Радости от жизни.

20 марта 2004 года

Я в тумане, только не спрашивайте почему, потому что говорить не буду. Жизнь кажется нереальной. Прошло чтение стихов. Б…, какая убитая квартира и какие милые люди.

Было очень уютно почему-то, может, мне просто друзей не хватает, а артист — это замазка такая просто? Как Кирпич говорил: «Замазка, как у фраера, но не фраер, это точно…»

Завтра мы все можем фотографироваться на фоне сноубордистов. Потому что мы завтра играем на фестивале них. Их. Сноубордистов. В Новопеределкино. Эх-ма. Даже как-то весна тут не так смотрится, как смотрелась бы зима.

21 марта 2004 года

Про сноуборд-фестиваль. Если бы дело было не в Новопеределкино и если бы прямо по курсу не была большая заснеженная гора, то был бы тухляк, конечно. Потому что к шести вечера народ становится маргинален, даже если таковым не был. И потому, что организация прихрамывала.

Но мы колбасились насмерть. В какой-то момент до меня дошло, что я не тот добрый, интеллигентный человек, которого я знаю, а что я щас прямо слезу со сцены и пойду дам в рожу тому, кто кидает в нас снежки. Дело в том, что если снег тире вода попадет в приборы, все на фиг закоротит и током рубанет. Помимо того, что лицом поймать эту хрень не хочется. Пафа сказал, что ждал прямо, какая пуля прилетит в него. В какой-то момент башню сорвало совсем, и я прям ору: «Кидай, сука», — по типу рвать тельняшку на груди. Люди перед сценой дружно порадовались. Снежки на время прекратились.

Потом мы с одним парнем разделись на морозе. Я до майки, а он совсем. И махал рубашкой и кричал. Было жутко холодно почему-то, а под ногами каша. Наверное, для снега жарко, а для людей холодно. Некоторые орлы ловили свой кайф и колбасились прям в грязи.

Короче, смысл переться в холодное Новопеределкино и петь перед странным народом в том, чтобы понять, что если что, то кидай, сука.

Особенно проявил себя трактор, похожий на асфальтовый каток. Он так бодро лез в гору и трамбовал снег по почти отвесной стене, что настроение поднималось. Хотя оно и было вполне стоячим.

До меня дошло: понимание невозможно. Оно возможно только с теми, кому ты доверяешь. А с остальными — нет. И это не важно, потому как что-то все равно происходит в душе.

22 марта 2004 года

Сегодня весь день режу правду-матку. И очень нравится. Опять отъезжаю в город Санкт-Петербург. А прогноз обещает там дождь.

Последние дни меня не покидает ощущение, что у меня подсодрали кожу — эмоционально. Как будто слетел какой-то ороговевший защитный слой и проглядывают всякие ранимые поверхности. К этому прилагается легкое головокружение как бы и, что совсем странно: мне было что ответить на вопрос, какое небо мне нравится. Катя, с которой мы вместе вывешиваем ответы на вопросы дорогих сердцу поклонников(ниц), уже приготовилась к тому, что я скажу, что на этот вопрос отвечать не буду. И тут выяснилось, что я предпочитаю ночное небо, когда проглядывают верхи или шпили высотных зданий и огни города мешаются со звездами.

Есть ощущение, что все удается.

25 марта 2004 года

Мы жили на улице Плуталова. Наверняка это такое Плуталово, где плутаешь. Мне сказали, что после восьми вечера парадный вход закрывается и выход через Бармалеево. Ну точно, думаю, это такой питерский сленг: ну как подъезд у них — парадная, булка — это белый хлеб, а Бармалеево у них — это черный ход. У них во многих домах есть черный ход, потому и специальное обозначение есть.

Вышли мы, короче, через это Бармалеево, и я смотрю на соседний дом, а на нем вывеска: «Бармалеева, 25». Тут до меня и дошло, что это просто название улицы такое, а вовсе не питерский прикол. Хотя это супер, что дом стоит там, где с одной стороны Плуталово, а с другой Бармалеево.

Чувак в Питере ночью на улице сказал: «Я вас узнал, вы Земфира». Сильно, да?

Я основательно торчу над волнами, поэтому — увы и ах — не нравлюсь кое-кому, кому надо нравиться. И надо переписать у кого-нибудь песню «Все равно я встану», чтобы слушать ее и наполняться этим духом. Потому что надо все побеждать. Особенно обстоятельства.

Никакие обстоятельства не заставят меня снизить уровень запросов и амбиции.

Не курю дней десять. Разве ж я не есть скромный герой?

26 марта 2004 года

Слушаю Муслима Магомаева. Это прикольно. Там еще есть фотка, где его держат человек десять на руках, а он типа летит, раскинув руки.

Решили, что альбом выпустим в начале мая. Если на то будет воля Божья.

Оказывается, это глупо — считать, что все будет легко и безоблачно. Оказывается, это наивно. Наивно считать врагов друзьями, потому что они тебе вдарят. В самый неподходящий момент. Хоть это и дневник, а мысль развить не могу. Потому что я позитивный жизнерадостный артист, почти плакатный образ. Да и ни к чему эту мысль развивать.

Шоу-бизнес полон безумцев. Они говорят, что карма вкладывать деньги и карма не вкладывать. Никто, почти никто не руководствуется интересами дела, а только личными иррациональными пристрастиями. Как бы мне стать таким пристрастием большинства безумцев?

Начали репетировать к концерту 16 апреля. Уже очень любопытственно. Шура наотрез отказывается мыслить стандартно. За это он достоин глубокого уважения. Не басист, а образец.

Думаю, что достаточно непоследовательно все изложено, как и нужно.

«Мы все безумцы в этой комнате», — сказал сегодня наш продюсер. Нас в комнате было четверо. Вернее, он сказал: «Они все безумцы, такие же, как мы в этой комнате».

Мне прислали пальто, которое мне подарили с Севера. На подкладке вышито «butch». Очень красиво вышито. Пальто совершенно прямое, у него не предполагается талии. Наверное, у меня, по легенде, талии быть не должно. Хотя, видит бог, это не так.

Смотровая площадка возле Университета почему-то прочно живет в моем сердце. Не могу это объяснить.

Не суетиться под клиентом — это очень правильно. Б…и правы. Это про меня.

28 марта 2004 года

16 апреля будет концерт в основном романсов в ЦДХ. Обещаю продумать, что буду говорить между песнями. Обещаю смеяться и веселиться минимально и максимально прочувствовать все, что пою… Обещаю не почесываться и микрофон не хватать. Обещаю честно и открыто выказывать свои переживания.

29 марта 2004 года

Делаем романсы бендом. Или бэндом. Шура вежливо спросил: «А сколько еще мы планируем рок-романсов?» — «Ну, может, еще один», — говорю. Уже штук восемь сделали. Прямо очень здорово.

«Мишка», городской романс Петра Лещенко, по-моему, уже требует моего танцевального номера. Пробую танцевать на репетиции, пока никто взгляд не бросит. Как бросит — так встаю. А хочется танцевать-то. Я та-анцева-аа-ать хочу, я та-а-а-а-нцева-а-а-а-ать хочу-у-уу…

30 марта 2004 года

Возле фабрики «Красный Октябрь» безумно пахнет шоколадом. У меня вся одежда пропахла, как костром. Я хочу на эту фабрику безумно, хочу посмотреть, как там в больших чанах помешивают жидкий густой шоколад, и как длинные колбаски разрезают на конфетки, и как они ползут по конвейеру. Хочу видеть, как делают глянцевых шоколадных мишек, как отливают плитки. Или там все не так, как мне кажется? И никто большой деревянной поварешкой в чанах ничего не мешает?

31 марта 2004 года

1. Продолжаю исследование законов шоу-бизнеса. Закон: через какое-то время фанат превращается в критика.

2. Сегодня на улице встретилась девушка, которая шла, ничего не видя, и говорила в телефон: «Я безумно тебя люблю…» Здорово, да?

3. Есть тут песня одна. Анализировали текст. «Ну а кто это поет?» — спрашивает первый аналитик. «Ну, кто… заяц», — отвечает второй аналитик (я). Первый аналитик стал смеяться и убеждать, что немногие люди могут поставить себя на это место и чувствовать от лица зайца. Это что, и правда так? Кто-нибудь когда-нибудь чувствовал себя зайцем?

Первый концерт.

Прямо на «Максидроме» мы объявили, что скоро будет наш первый концерт. Прошло уже больше полугода, как группа всплыла на поверхность, а концертов все не давала. Это было странно. На самом деле мы ждали, что предложения повалятся, а они все не валились. Тогда мы решили начать сами. Договорились с клубом «Бармалей», где рок-концерты сроду не проводились. Делали глупость за глупостью. Кончилось тем, что стали сами продавать билеты, и продали штук двести через фанатов. На концерт пришло пятьсот человек. Мы по нашим глупейшим договоренностям с клубом получили тысячу долларов, и большую часть пришлось выплатить за спецэффекты — циркачам, которые плевались огнем на концерте.

Заключение контракта.

Любой артист скажет, что заключение контракта со звукозаписывающей компанией — это то, что отделяет тебя от пропасти, в которой безвестность, будь ты хоть трижды талантлив. Ходят легенды о том, что стоящий коллектив находят сами, за него сражаются и бьются лейблы. Может, с кем-то так и бывает, но я что-то в это не верю. После «Нашествия» вокруг нас стали виться лейблы. С каждым мы вели длительные переговоры, встречались во всевозможных кофейнях и в их офисах, где стопками валялись топовые тогда исполнители, которые сейчас давно канули в Лету. Их диски висели на стенках в красивых рамочках. «Вот бы и мне так», — думалось мне.

Запахло контрактами. Один лейбл предложил все условия — и съемки двух клипов, и всяческую раскрутку с расчетом, что контракт будет заключен на сорок пять лет. На другом лейбле мне честно сказал человек с мышиным лицом: «Ну вы на большие вложения не рассчитывайте, действовать будем осторожно, все время будем предпринимать шевеления». Слово «шевеления» мне не понравилось. Мне не захотелось шевелений, как-то это показалось мне оскорбительно, и мы разошлись. В третьем месте мы дошли даже до обсуждения сюжета первого клипа. Отобедали с генпродюсером в охотничьем ресторане, и он сказал: «Больше десятки на клип не дам». — «Ну и не надо», — говорю, и мы разошлись. Это вообще-то нормальные деньги, но мне тогда казалось, что лейбл нужно выбирать в первую очередь щедрый, который за деньгами не постоит. Мне казалось, что все должно быть очень дорого, иначе фигня. У меня был составлен бизнес-план, который требовал от звукозаписывающей компании что-то около двухсот тысяч долларов на первое время. Никто почему-то не был готов вкладывать такие деньги в неизвестную группу. В одном месте сказали: «Сто вложим и аппаратуру купим, ты как?» — «Мало», — говорю. И давай искать другого. В итоге мы подписали контракт с лейблом, генеральный продюсер которого курил душистый трубочный табак, а в кабинете у него стояла большая подзорная труба. Мне кажется, это были решающие факторы.

6 апреля 2004 года

1. Прикол первый. Не курю три недели, поэтому у меня развилась паранойя — не увеличился ли вес. Взвешиваюсь раза три в день. Хожу в спортклуб и типа все время занимаюсь жиросжиганием, езжу на велосипеде и плаваю. В тренажерный зал почти не хожу — ну пресс там покачать, а чтоб тяжести поднимать — ни-ни, чтоб масса, хоть и мышечная, не возросла. Позавчера, значит, думаю: что-то я недостаточно стараюсь, надо живот прямо на дикой скорости делать. Тогда все лишнее быстрее уберется. Пошли вчера в магазин, померить штаны. Смотрю в зеркало — что-то фигура у меня какая-то странная. Талия что-то совсем скрылась. Ну, ладно, думаю, не буду вглядываться, чтоб не огорчаться. Бока, кстати, болели зверски. Дома выяснилось, что у меня очень сильно опухли косые мышцы живота и что правая сторона опухла почему-то гораздо больше. С утра немного опали. Но не полностью. За что?

2. Прикол второй. Тут недели полторы примерно назад кто-то написал в своем дневнике, что возмущен тем, что в ходе опроса студентов журфака на спецсеминаре Артемия Троицкого выяснилось, что со мной хочет встретиться в четыре раза больше студентов, чем с Агузаровой. Меня тоже возмутило, а почему это его возмутило. Продолжение истории. Звонит вчера Троицкий и приглашает встретиться со студентами журфака сегодня в 16.20. «Как человек, — говорит Троицкий, — который тоже закончил журфак и сейчас артист, ты им много расскажешь. Ты, типа, стоишь одной ногой с одной стороны баррикад, а другой — с другой». А я ему: «Поза какая неловкая». А он заржал и сказал, что наоборот. Так что, студенты, трепещите.

О как.

8 апреля 2004 года

После того как суп из шпината убежал из кастрюли и пролился в плиту, плиту закоротило и свет во всей квартире отрубился. Это было неприятно.

Я ломаю голову, что же мне предпринять. Это я не про свет, а про жизнь. Понимаю только, что нужно ценить все то, что есть, потому что это и так невероятно.

Вчера мы пели на одной вечеринке с Марком Элмондом. У него совсем другой характер. И поет он под минус. Это удивительно.

Идти ли на фильм «Страсти Христовы»?

Заклинания:

Я хочу, чтобы моя удача проснулась. Просыпайся!

Я хочу, чтобы меня перестали доставать явными глупостями, потому что это отнимает мое время и внимание.

Я хочу славы и денег. Много.

Я хочу живот в клеточку.

Я хочу, чтобы поток лился.

Я хочу купить батарейки, и тогда корова начнет смеяться и вибрировать снова.

Я хочу, чтобы все, кого я люблю, были со мной долго. Лучше всегда.

Я хочу, чтобы мне сварили кастрюльку жидкой смелости. Могу прогуляться до Изумрудного города в любой разношерстной компании.

Я хочу, чтобы все, кто любят меня, были хоть чуть-чуть похожи на меня.

Хотя бы чувством юмора и интеллектом.

9 апреля 2004 года

Иду сегодня в спортклубе в бар, кофею выпить. Напеваю под нос Агутина с Варум чего-то «я буду всегда с тобой на-на-на-на-на-на». И тут пацан какой-то меня с соседнего столика окликает. «Поешь?» — говорит. «Пою», — говорю. Пацан тощий такой, одни глаза на роже. На Губина отдаленно похож. Так это, блин, Губин и есть. «А че, — говорю, — так схуднул?» А он говорит: «Я не худел, я жир сжег». Короче, параноик не только я. Губин тоже параноик. Дал мне пару советов.

На улице Мясницкой висит объявление: «Магазин «Инструменты» находится в магазине «Семена»».

И еще там есть магазин «Все для ЭВМ».

Близится концерт шестнадцатого в ЦДХ. Мы в готовности. Осталось придумать, что надеть. Хотя это не главное.

11 апреля 2004 года

Утро все равно нагрянет.
Братья, разбирайте стены…

Мне варят кастрюльку смелости. И я научусь говорить «нет». Пора ли уже целоваться?

Мне исписали лифт. Большой любовной запиской. Пришлось брать очиститель и отмывать лифт. Пока меня еще не засекли соседи. Но они уже косятся.

Мало того, какие-то… звонят и молчат. И молчат по-разному. Мало того, они засунули мне в дверь записки. Короче, это свинство.

13 апреля 2004 года

Сижу и слушаю Варю Панину. Как же она здорово поет. Совершенно никакого пафоса и никакой цыганщины. Поет на таком русском, на каком сейчас говорят. То есть не так, как Вертинский. Не так, как Петр Лещенко, потому что у них такой несовременный язык с прононсами и всякими такими «приды, приды», «странныя» и «табор». А она поет, как мы говорим, низким таким простым голосом и очень страстно. Ритм сбивает, бывает, поет так быстро-быстро. Иногда как заорет. Короче, круто. Жалко, что все шипит безумно и что она умерла в 1911 году.

Еще один чувак поет романс «Я умер бы у ваших ног, когда б я смел, когда б я мог». Так, блин, давай умри, а он не может и не смеет. И вот и зря.

Еще мы переложили песню с припевом: «Ей стукнуло тридцать, и в этом она, скорей всего, сама виновата» под рояль и скрипку. Справка: это не романс был. Это моя песня про мою подругу. Песня называется «Пальчикова». Потому что это ее фамилия. Получился романс романсом. Будет исполнен шестнадцатого в ЦДХ.

16 апреля 2004 года

Надо придумать, как жить. Потому что ради чего жить — понятно. Осталось решить как.

17 апреля 2004 года

Мне безумно нравится жизнь. Воздух действительно чем-то пропитан. Чем-то электрическим и очень приятным.

Можно было бы сказать, что это ощущение влюбленности. Только вот как же невыразимо приятно давать концерты. Давайте все пойдем в артисты. Это большое, ба-а-а-альшое удовольствие.

Всех люблю.

18 апреля 2004 года

Излагаю чувства: весна — это такая штука, что чувствуешь себя шампанским, которое вырывается из бутылки. Ну перед тем, как оно выбрызгивает. То есть вот в этот как раз момент. Безумно тянет гулять. Все, с кем гулять, заняты. Поэтому гуляю рывками.

Мысли: безумное удовольствие доставил мне концерт романсов. Я даже такого не припомню. Поэтому мы или совсем больше программу романсов играть не будем, или еще один концерт дадим — и все. Думаю, первое вероятнее.

21 апреля 2004 года

Слушаю запись концерта романсов. Это просто охренительно. Просто охренительно, как же красиво. Как же клево петь.

Все развернулось. И не сворачивается, и не сворачивается, и…

22 апреля 2004 года

Строчка из письма мне, которая мне понравилась ужасно. Надеюсь, автор не обидится, что публикую: «В таллинском зоопарке летом намечается пополнение беременными лемурами». Ужасно хочется их увидеть.

Публикую стих. Думаю, станет припевом.

Что нужно сделать,
Чтоб было такое:
Славы и денег,
Любви и покоя.

Гости принесли торт. И он во мне весь. Мне стыдно. Но он был таким вкусным.

23 апреля 2004 года

Ну вот что… Как говорит социология, людям гораздо интереснее интимная жизнь, чем творчество. Могу, пожалуйста, рассказать об интимной жизни. Ладно, потом. Сейчас одно короткое замечание. Интимная жизнь бурная. И многоликая. И многогранная. И я в ней выгляжу очень достойно.

Разговариваю по телефону с пиар-службой. Вопрос пресс-менеджера:

— …а домашние животные?

— Ну, черепахи у меня, — говорю я.

— Мальчик и девочка?

— Ну да, мальчик и девочка.

— А дети у них могут быть?

— Теоретически, да. Пока нет, тьфу-тьфу-тьфу.

— Повезло, — вздыхает. — А у нас Катя не уследила, и у нее теперь пятнадцать мышат.

24 апреля 2004 года

Встретился в ленте генератор слоганов. На пару минут в тупик поставил вопрос: «Что рекламируете?»

Сижу и думаю: а что я, действительно, рекламирую? Ну, наверное, жизнь.

Пишу: «жизнь». Генератор выдал: «Жизнь, быстро и надолго».

Тренируюсь хрипеть и сексуально дышать, как Пинк. Почти получилось.

А что такого, вон парень Саша, с которым мы дизайн сайта делаем, три года учился хрипеть, как в «Слипкнот». По приколу прохрипел нам вечером. Мы чуть не умерли со страху. Что же будет, когда я научусь дышать, как Пинк?

Меня омывают моря глупости. Такая, наверное, планида.

26 апреля 2004 года

События дня.

К. вбегает домой, хотя пять минут назад окончательно уходит на работу. К. звонит в дверь длинным звонком. В моих глазах немой вопрос.

— На улице страшный зонт, — отвечает К.

П. сбрил усы. И теперь у него младенчески гладкие щеки. Его трудно узнать. Утверждает, что еще неделя — и усы отрастут снова, но правильно.

Ш. сообщает, что пытался отращивать бороду, но она, собака, не растет. После этого мы все обсудили, что Уфа, куда мы летим, сказочное место, где траву продают ведрами, как семечки. П. всех обламывает и говорит, что это легенда. При этом смеется.

Написано еще три песни. У автора раздвоение личности. Одни пишет подросток, а другие взрослый. Подросток пишет: «Катись со своей дружбой», взрослый пишет: «Ощущение счастья». А что, если они не родственники?

О. запрещает писать о себе в дневнике. Это совершенно несправедливо. Потому что а о чем тогда?

По-моему, мы сегодня обсуждали, что мы счастливые люди. Нас любят, нам рисуют в лифтах, нам предлагаются на ночь, нам объясняются в любви устно и в sms-ах, нас слушают и на нас смотрят, нас все хотят кормить почему-то и одевать, нас читают, и мы можем сделать что-то для счастья людей из Петрозаводска, Волгодонска, Израиля, Украины, Прибалтики, Уфы и т. д. По крайней мере, они это утверждают.

Никак не могу найти дома фотографии с концерта, где я в костюме зайца. Концерт был зимой в «16 тоннах». У меня были милейшие розово-белые ушки. Меня пытались останавливать. Но тщетно.

Сейчас пойду смотреть кино «Клиент всегда мертв». Очень прикольно.

Съемки клипа на песню «Чувства на волю».

Оказывается, все звукозаписывающие компании двигаются с черепашьей для исполнителя скоростью. Или исполнители ждут, что все двери откроются быстро, а этого почти никогда не происходит. Мы выбрали студию и начали писать альбом. Брали в аренду всю аппаратуру, которую хотели, добивались звука. Компания, не пискнув, все проплачивала. И они еще полгода платили нам стипендию. Через полгода решили

снимать клип на песню «Чувства на волю». К этому времени она уже сходила с радиостанций и, честно говоря, клип снимать было уже поздно, но мы этого еще не понимали. Мы обратились к очень известной команде клипмейкеров. Жена сценариста была стилистом. Она сказала: «Все, что нужно, мы купим в секонд-хенде». Мы пошли и купили десяток рубашек под фрак невероятных размеров и несколько галстуков и военных перчаток. «Подошьем», — смело сказала она, оглядывая гардеробчик. Потом мы пошли покупать костюм мне. Обошли старый Арбат и купили настоящий немецкий военный бушлат, который, понятно, был не моего размера — там сажень в плечах. Еще зашли в недешевый «Дизель» и купили там штаны, тоже не моего размера — стояли колом. «Ничего, — сказала стилист, — подвернем». Скажу, что потом и бушлат, и штаны отошли Руслану Ступину, которому они оказались по размеру. Сценарист Паша пришел на первую встречу с ворохом карточек размером с закладки. На каждой было по сценарию. Он сказал: «В принципе можно снимать любой из них — все равно подойдет». Сценарии были разные. Были запутанные, где кого-то закапывали, а потом он восставал оттуда, и на этом строилась вся линия. Были простые. Мне понравился про девочку у зеркала. Очень некрасивая девушка стоит у зеркала и красится. Случайно поскальзывается и ударяется головой о большую хрустальную пепельницу. Смотрит опять в зеркало, и, оказывается, она стала красивее.

Тогда она берет пепельницу и еще раз ударяет себя по голове. Становится еще красивее. Тут она начинает бить себя по голове пепельницей и с каждым разом выглядит все лучше и лучше. Пока не превращается в форменную красавицу. Наконец она со всей силы как звезданет себя пепельницей… Остался синяк, а она — опять такая же дурнушка, как вначале. Этот сценарий мы не выбрали. Мы вообще никакой не выбрали, а только потеряли время. Потому что поняли: снимать клип не будем, так как песня из радиоэфиров сошла.

Тогда приятные ребята из съемочной бригады выставили нам полторы тысячи долларов штрафных санкций — мол, пострадали, время потеряли. А лейбл им почему-то деньги выплатил. Так мы и не сняли клип на «Чувства на волю».

30 апреля 2004 года

Да, кстати о мишках. Марина, которая делает мишек, говорит, что мишки — они дети. Если его кто забрал, то ты своего ребеночка больше не увидишь. И это жалко, хотя ему там будет хорошо. А если их никто не берет, если они страшненькие, то пусть дома сидят, потому что все равно любимые. Игрушечные мишки. Художники-медведисты.

12 мая 2004 года

Заметки про Лондон.

1. В парках бегают белки. И просят орехи. У них лапы враскорячку, и они поэтому очень смешно по земле ходят, как матросы.

2. Почему у нас белки смело не бегают? Почему у нас их должны обидеть?

3. «Килл Билл-2» по-английски — это для меня. Мало слов и много движений. Так что половина понятна — где движения. Жалко Дерилл Ханну. Такая была симпатичная девушка, пока ей крупным планом глаз не раздавили об ковер.

4. Мне понравилось, как Призрак оперы плыл прямо по театральной сцене в лодке по туману. Здорово они спецэффекты в театре придумали.

5. Все время идет дождь. Внезапно.

6. В аэропорту Хитроу такая прорва народа, что меня это, по-моему, излечило вконец от боязни летать самолетами. То есть разве может быть столько самоубийц? Нет. Значит, бояться нечего.

7. В самолете показывали кино с Расселом Кроу. Без звука. Взлетали и садились под Джорджа Майкла. Мило. Кстати, у них перетяжки по городу: как у нас Басков, у них Джордж Майкл.

8. Когда в голове пустота, страшно хочется домой. Потому что, где бы ты ни был, там грустно. Хочется к себе, где свое.

14 мая 2004 года

1. Перебираю тетрадки старые — там полно разных стихов, которые уже потом стали песнями. Смотрю, какие строчки раньше там были. И думаю: а интересно, можно это загнать? Была там такая строчка, например: «И я лежу, раскинув руки в облака». И я думаю: надо же…

2. После просмотра передачи про меня оказывается, что у меня есть щель между передними зубами. А мне казалось, что она прошла.

3. Я так часто прохожу через собственный страх в последнее время, что уже верю, что все нипочем. Не то что верю, а как-то знаю.

4. Если дичь следит за охотником, то и охотник следит за дичью.

5. Оказывается, мой знакомый придумал проект моста через Берингов пролив, из России в Америку. И даже выиграл премию на конкурсе. Под мостом предусмотрена площадка для морских котиков. Это все происходит, с одной стороны, на Чукотке, а с другой стороны, на Аляске. Прикол, если он его построит все-таки.

6. А в России есть группис?

27 мая 2004 года

«Времени не было, нет и не будет».

«Аквариумные рыбки ничего не помнят. Хорошо быть ими».

«Мы счастливы подпасть под твою концепцию».

«Это потому, что у нее роман?» — «Нет, потому, что скучно».

«Слали на… три раза, но я возвращался».

«Пусть лучше пахнет супом из сельдерея, чем жареной рыбой».

«Писать музыку — это изменение сознания».

«Это, по-твоему, что — легкие гантели?»

«Это не порция, это цыпленок, раздавленный катком».

«11 вагон, 21.21, Элеонора».

«Время от времени все срывают связки».

«Это бредовая идея, но может и получиться».

«Отношение ко мне, как к человеку, победило сам знаешь что».

«Будет ли лето?»

«Дождь счастью не мешает».

Неприличные ассоциации вызывают у меня названия:

1) зубной щетки «Орал би»;

2) энергетического напитка «Trax».

Жизнь каждую минуту кажется мне невыносимо прекрасной. Это же не значит, что я скоро умру?

Не могу остановиться, чтобы прекратить слушать «Призрака оперы». Уже неделю. Это для меня значит, что моя душа трепещет от звуков, которые я слышу. И нет ничего, что может сравниться с маленьким кругляшом в дисководе.

«МК»-воскресник озаглавил статью «Бучч в декрете». Без комментариев.

Сегодня мы закачали на новый сайт фотки в свадебном платье. Вполне себе даже не сбежавший от кровной мести грузинский князь, а местами где-то даже Ума Турман. До появления Билла, его брательника и их девушек.

30 мая 2004 года

У нас каждый день репетиции. Ребята просто красавцы.

Про концерт в Ярославле. Народу было немало, так что организатор сразу стал склонять нас назначить дату следующего концерта. И что удивительно: люди пели слова песен. Это, я скажу, безумно приятно, ну как объяснение в любви.

Хватали за ноги почище, чем в Питере, и при этом еще бегали пальцами по штанине. По-моему, это молодой человек пальцами бегал. Но точно определить не берусь.

Посредине одной песни на Пафу упала портостудия, но никто кроме него не заметил. Профессионализм — его не пропьешь, как у нас в Вологде говорили.

Третьего будет практически отчетный концерт. И вот почему в «Б2» покрали все наши афиши? Это злопыхатели или это мы такие любимцы?

1 июня 2004 года

Мы делаем все, чтоб это было круто. Мы репетируем каждый день и раздумываем, так ли нужен нам негр на перкуссии, так ли нужен нам гигантский гонг и не поменять ли нам джазовый квартет на детский хор. После всех размышлений мы решаем сделать все своими силами. Разве что хор пригласим. И скрипача. Нет, хор срепетируем на месте.

То, что я называю «Речь товарища Ким Чен Ира», — это специальный трек на диске, который мы подарим настоящим фанатам. На самом деле там не столько песня, сколько звуковое письмо. Знаете, что это такое? Это когда не открытку посылаешь, не телеграмму, а слова. Ну вот, я посылаю слова тем, кто любит нашу музыку.

Мы заказали специальный дизайн обложки и накатки, который будет только у этого тиража дисков. И больше никогда. Задумали так, чтобы было ярко и понятно. Еще мне в голову пришло, что получат пятьдесят человек свои диски, а остальные будут, хоть и взрослые люди, а не дети, чувствовать, что их обделили. Поэтому мы решили помочь всем, кто захочет переписать эти диски. Почему бы просто их сделать не пятьдесят, а больше? Потому что тогда это не будет раритетом. Тогда смысл игры пропадает.

Ну, еще добавлю, что мы сами пригласили на концерт кучу людей, которые нам важны. Чтобы показать, что же мы такое делали в подполье полгода. И я волнуюсь…

5 июня 2004 года

Два года назад у меня был разговор с Земфирой. Я ее спрашиваю: «А что ты ценишь в людях?» Она ответила: «Умение не доставать». Я думаю: вот, блин, что надо про себя думать, чтоб так про людей сказать. И вот, спустя два года, полностью подписываюсь под ее словами. И больше не считаю их высокомерием, а думаю, что отлично понимаю, о чем она говорила.

Потому что час назад опять звонила безумная Оля и требовала со мной разговора. Два варианта: ставить определитель номера или менять номер телефона. Есть третий вариант: ее пристрелить — за то, что человеческого языка не понимает.

Потому что: люди, с которыми по-приятельски встречаешься, потом смакуют гадливо, какие на мне были трусы и не выщипать ли мне брови. А не пошли бы вы раз и навсегда, потому что мое терпение лопнуло. На здоровье, говорите, что хотите, те, кого я не знаю, но вас я знаю, и вы жизнь кладете, чтоб быть со мной хоть в виртуальных, но отношениях. Вас, дорогие мои, я знать больше не хочу. Потому что бесполезно объяснять что-то людям, начисто лишенным такта, воспитания и всех черт характера, которые им сами не дают вести себя бесцеремонно. Все, хватит.

И еще. Про изменения. Я пишу и выступаю для того, чтобы выразить себя и сообщить миру что-то, что мне важно. Я не выступаю для того, чтобы соответствовать ожиданиям, и живу не для того, чтобы соответствовать ожиданиям. Я меняюсь и всегда буду меняться. Так что перемены будут, хотя они кому-то не нравятся. Меня достали люди, которые хотят меня засунуть в шкурку человека двухгодичной давности, с этой стилистикой песен, с этой прической, с этим поведением и т. д. Я хочу всем сказать: не тратьте на это свое время. Или нам по пути, или нет. Выбирайте сами.

Утро все равно нагрянет.
Братья, разбирайте стены.
Я люблю вас, перемены,
Жить на грани.

7 июня 2004 года

В Вологде 20 градусов. За последний год, что меня тут не было, появилась куча людей с мобильниками, банкоматы, а машины в городе стали уступать дорогу пешеходам. По-прежнему кофе нигде не варят, и нет модных брэндов.

Через три дня буду в Питере.

Мы все-таки решили снимать клип.

И решили его снимать на песню «Мания». К тому моменту она играла только на одной радиостанции. Это было не очень хорошо, потому что клипы лучше всего снимать на те хиты, которые звучат из нескольких радиостанций. Но мы тогда об этом не думали. Мы старались выбить из звукозаписывающей компании максимум денег на клип, потому что верили: чем больше бюджет, тем мы круче. Нам удалось склонить лейбл дать нам пятнадцать тысяч, и еще три мы доложили сами. Тогда положение дел на MTV было таким, что если за клип бралась команда этого канала, то шансы увидеть в эфире свое творение повышались. Еще тысячи две дали взяткой кому-то там на MTV, чтобы уж точно.

Сначала мы ждали, пока вернется режиссер, который некстати уехал кататься на горных лыжах. Потом он вернулся и сказал: «А зато я все придумал». Сюжет клипа должен был быть таким: я бьюсь на шпагах с собой же и в конце погибаю. Сюжет утвердили. Клип снимали на кино, а это целая история: большая команда, свет, пленка и сам кинопроцесс дорогой. Сначала долго искали место. Наконец в одном фитнес-клубе режиссера устроило все. Там был теннисный корт, милые синие шкафчики и подвал, где можно было трагически идти, срывая с себя фехтовальную маску. Обратились в какую-то фехтовальную секцию и оттуда вывезли девушек-фехтовальщиц и их подиум, на котором они фехтуют, с табло, где загораются результаты. Все это установили на теннисном корте.

На все съемки нам отводилась одна ночь. Перед этим мы всей группой собрались у меня дома — стричься и одеваться. Стилист одним махом, не успели мы и глазом моргнуть, обрила меня налысо. Музыканты так в себя от шока и не пришли. Всех, кроме меня, одели в модные олимпийки и рубашки, а мне достался красный

балахон с капюшоном — в нем было что-то от палача — и широкие черные штаны. В довершение образа мне замотали бинтом руки.

Началась съемочная ночь. Первым снимался эпизод, как пожилая женщина уборщица идет между шкафчиков и, случайно обнаруживая умирающую меня, роняет ведро. Начали снимать. Дубле на третьем уборщица уронила ведро, и оно разбилось вдребезги. Все остановилось. Поехали за новым ведром в супермаркет. Потом оказалось, что кинокрови тоже нет. Поехали за ней куда-то. Время неумолимо шло. В это время девушки-фехтовальщицы с родителями сидели этажом ниже без дела и теряли боевой дух. Там же музыканты группы методично напивались. Мою грудь туго перетягивал бинт с кровоподтеками, и мне постоянно хотелось потерять сознание от удушья. Наконец ближе к четырем ночи мы отсняли первый эпизод. Потом стали снимать, как играет группа на теннисном корте. Музыканты еле держались на ногах. Коньяка было выпито уже немало. Но, к чести группы, надо сказать, рубились мы насмерть. Все тридцать дублей. Было близко к шести утра. Наконец настал черед девушек-фехтовальщиц. Вместо жестокой схватки получалось вялое помахивание шпагами, и ничего больше из них к этому моменту выжать уже не удалось.

Наступило шесть утра. В это время мы уже должны были освободить фитнес-клуб. Директор группы упросил администрацию клуба дать нам еще немного времени. Мы сняли эпизод, как я иду по подвалу и снимаю шлем. Тут закончилась пленка. Оказалось, что мы не сняли самое главное — то, из чего было понятно, что это бой с самим собой. Но было уже поздно. Решили спасти дело монтажом. Не спасли. Клип показывали, несмотря на взятку, очень немного — в течение месяца. Общий бюджет всего удовольствия составил девятнадцать тысяч.

12 июня 2004 года

Встреча чата оставила двоякое впечатление. Потому что мне не удалось внятно объяснить свою мысль о том, что вряд ли я буду исполнителем для милейшей, но однородной прослойки и что приложу все усилия, чтобы залы были велики и полны самого разного народа.

На радио в Питере меня спросили:

— Вы же гангстер, где ваш пистолет?

— Где? Глубоко в штанах.

Это прямо философская мысль получилась.

Концерт в Питере был лучший, может быть. Потому что мы все там оставались бы. Потому что чудо происходит, и быть в нем безумно приятно, хотя не знаешь, как, и когда, и почему, и понимаешь только в конце, что вот оно.

Мной было расписано несколько животов. При этом прикольнее их расписывать, когда владельца предварительно кладешь на стол.

13 июня 2004 года

Сегодня на «Максимуме» мне впервые попалась моя песня. А что, интересно, люди чувствуют, когда ее слышат?

14 июня 2004 года

Собираюсь выбрать себе публику. А что — меня выбирают, теперь и я выбираю. Хочу, чтобы люди разделяли мои ценности.

16 июня 2004 года

Мне казалось, что никто мои шуточки не слышит в эфире, а там реально было про то, что:

— она сейчас, наверное, локти кусает — на ногах;

— у нее растяжка хорошая — с хрустом и скрипом…

«Тотальное шоу» на MTV. Разговор про тетю из балета.

Ну и, короче, такое у меня настроение отличное, и послезавтра мы уедем в Нарву. На сколько дней — непонятно.

Я знаю, всегда есть время для чуда,
Хоть времени не было, нет и не будет…

18 июня 2004 года

В Нарву.

Войти в тебя, таможня,
Любить можно здесь и там можно…

24 июня 2004 года

Во-первых, все происходило не в Нарве, а под ней. В местечке, которое звучит примерно как Нарва Яйца. Доподлинно известно, что по-русски оно пишется с этих двух букв — Йы.

Оказалось, что мы живем в санатории возле моря. В лесу из сосен. Мне никогда не доводилось бывать в санатории. Оказывается, там лечатся.

Мной были приняты следующие процедуры: соляная пещера, подводный массаж, просто массаж, солярий и т. д. Ну, раз в санатории…

Первые два дня было яркое солнце, и мы гуляли по пляжу и брали в прокат горный велосипед. Открыли для себя удивительный ликер «Vana Tallinn». К концу второго дня, наконец, нашли в лесу сцену, на которой должны были играть.

Сразу после этого выяснилось, что фестиваль — чистейшей воды мошенничество и что мы стали участниками криминальной истории.

1. Видимо, сначала организаторы сп…ли деньги, которые должны были пойти на рекламу фестиваля и вообще на все способны, чтоб сообщить людям, что вот есть такой фестиваль вот в таком-то лесу под Нарвой. Поэтому никто о нем не знал. Кроме наших поклонников, которые созванивались между собой.

2. Поэтому, когда местные предприниматели развернули вокруг сцены палатки с шашлыком и мороженым, почему-то это никто не купил, и мороженое расплавилось, и шесть тонн шашлыков пропало. Потому что была куча охранников и палаток, а людей не было вовсе.

3. Еще не было никакого аппарата, и Тони Эспозито, довольно известный итальянский певец, которого сюда же выписали из Италии, ходил в ужасе по сцене, между своих десяти гитар и перкуссии, понимая, что нет ему даже микрофона.

4. Потом оказалось, что уже никто не встречает подъезжающих участников международного фестиваля, никто их не отправляет уезжать, и им не отдают гонорары. Оказалось, что и за проживание, и за питание участников фестиваля, коих все ж было немало, организаторы ничего не заплатили санаторию. То есть кинули и санаторий.

5. Пошел ливень.

Мы были умные, и у нас были поклонники, которые нам всем помогали. Поэтому нас не смогли кинуть.

Офф топ, шит хеппенс, поэтому каждый может в такую историю попасть. Главное — как он из нее выйдет.

Мы поняли, что народ приехал на наш концерт. И мы, в принципе, не знали, сколько их. Но это было не важно. Поэтому мы выбили из организаторов аппарат и сыграли в ночи в лесу среди сосен для наших поклонников. Под дождем.

Это был наикрутейший концерт. Совершенно нереальный.

26 июня 2004 года

Сегодня был концерт в музыкальном магазине. Чем страннее место, тем лучше концерт почему-то… Идеальный звук — вот чем хороши музыкальные магазины. Ну и народу пришло немало. Непонятно только, откуда народ узнал.

Потом был чек для «Мегахауса». После нас настраивалась Маша Макарова. Это полный привет, конечно. Талантище какой. А головка не с нами у нее. Это даже хорошо, наверное. Музло только депрессивное. Слова такие: «Мама мия, мама Мария. Х… войне, я хочу мира».

Завтра выступаем на «Мегахаусе». Обожаю опенэйры и стадионы. Пусть у меня будут такими сольные концерты. А? Ну пусть будут… аминь.

30 июня 2004 года

Синдром снятия — это когда жизнь бурлила, бурлила, а потом — бац — остановилась. Противное ощущение. Поэтому пойду поменяю телефонный номер. Чтобы были перемены.

4 июля 2004 года

Сначала показалось, что «Спайдермен-2» — детское кино, но потом они так аппетитно целовались в кадре, что я уже ничего не понимаю.

Завтра у меня передача на радио. Как всегда, все делаю в последний момент, еще ничего не готово.

У меня, по-моему, есть припев к новой песне:

Любовница
племянника
английского
посла…

6 июля 2004 года

Вчера был отличный концерт. На сцене было сорок пять русских пинк. Интересно, позитивный артист имеет право на хандру? Тогда это я. Еще полчаса хандры — и наступит бодряк.

8 июля 2004 года

Сходили на день рождения Д. Арбениной. Подарили цветов.

Стихи пишутся не туда. Отличная есть песня без слов, а слова такие все лезут типа: «…заросли роднички…» В хорошем смысле слова. Потому что вот была бы беда, если б роднички-то т-того, не заросли…

Завтра пишем гитару. То есть пишет Вова, а мы смотрим, как он пишет.

И вообще. Все мышцы болят — значит, я бегаю на совесть. Прям как чувак из «6 футов анде».

В новой песне фигурируют мокрые зайцы. С которыми мы все в одной лодке.

10 июля 2004 года

По-моему, у меня творческий кризис. Или у меня кончились слова про любовь.

«Ночной дозор». Досидеть до конца не удалось. Поход в кино в одиночку — это шаг взрослого человека. Равно как и поход в кафе.

Когда было мне года двадцать два, у меня была первая съемная комната в Москве. Больше всего похожая на пыльную ванную — по размеру и наполнению. Сознание мое, видимо, пребывало частично в детстве, частично в кинобоевиках. Откуда и брался образец взрослого поведения. Вот обхожу, значит, я район, в котором буду жить. Вот, думаю, сюда я буду ходить за продуктами. Возле дома обнаружился какой-то совковый ресторан. О, думаю, сюда буду ходить вечерами и сумрачно выпивать виски, как Майкл Дуглас. Притом ни денег на виски, ни желания, строго говоря, не было. Главное было по-взрослому пойти, заказать и заплатить.

12 июля 2004 года

Еще до меня дошло, что люди, которые не в шоу-бизнесе, имеют о том, что тут происходит, совершенно искаженное представление. Либо они живут созданными мифами, типа: «она была настоящий гений…», или «и вот без копейки денег…», или «истинный талант, он всегда…», или «стечение обстоятельств», либо у них все еще циничнее, чем на самом деле. Поэтому когда они со мной спорят, даже глупо участвовать. Настолько они не в материале. Самая правильная политика поведения артиста — это молчание. Только у меня не выходит.

Как же клево, когда лето. Сегодня опять в подъезде кричали утки. Показалось. Однажды прихожу, а в подъезде полно маленьких утят. Покормить не удалось, потому что крошек не хотели они, даже в тазике из-под черепах. И вообще загибались на глазах. Пришлось снесть в зоопарк. Даже непонятно, как они оказались в городском подъезде, но факт есть факт.

13 июля 2004 года

Больше всего, оказывается, я не люблю менять свои привычки. Я крайний консерватор. И к пятидесяти годам, как говорит социология, я стану крайне правых взглядов.

Все мои друзья-близкие свалили. Чем лишили меня привычного образа жизни. И все, что я могу себе придумать, — это страдать от грусть-тоски и работать. Песни, как пирожки, — бац-бац. Нет чтоб замутить чего, нет чтобы переделать все, чего раньше не моглось, увидеться, с кем раньше не получалось… Так нет. Грусть-тоска и работа…

Тогда опять пойду в кино. Будет уже шестое за две недели. А что еще бывает у людей?

14 июля 2004 года

Вспомнился стих, который был написан мной самым первым. Лет тому восемь назад. Моя соседка по коммунальной квартире, композитор и певица, в очках, сказала:

— А вот раз ты журналист, может, стих напишешь на музыку?

— Отчего ж, — говорю, — напишу. Дело-то плевое.

Дело было в кухне, где, как писал товарищ Гоголь, тараканы висели, как гроздья чернослива. Ну да ладно, знаменитые артисты упали с неба в свои серебристые лимузины. Итак, стих. Вот концовка песни:

В переливах собственного смеха
Я влетаю в дом, кружусь над полом.
А вообще-то я — Эдита Пьеха
И летаю просто по приколу.

Куда все делось? А сейчас мучаюсь между «заросли роднички» и «не магнитит магнит».

Картинка была манящая. А сейчас хожу выпить кофе и даже не думаю.

Рита.

Однажды на мой почтовый ящик пришел очень толковый обзор деятельности группы «Butch» с прогнозами и оценками. Письмо разительно отличалось от всего того, что приходило, — от обычных фанатских писем. Меня заинтересовал автор письма. Это оказалась девушка по имени Рита, совершенно библейской внешности, с длинными черными волосами и огненными глазами.

В Рите была кипучая энергия. У нее имелся готовый план реформирования всего, чтобы все получилось. Буквально через пару встреч мне пришла в голову отличная идея: а дай-ка я предложу Рите стать директором группы. Что у Риты получалось лучше всего — так это находить деньги. Очень скоро мы заключили контракт о совместной работе с большой пивной компанией «Доктор Дизель». Мы сыграли клубный тур по Москве благодаря Рите и при спонсировании «Доктора Дизеля».

Дела наши шли в гору. Единственное, что меня

смущало, — это Ритины методы. Похоже, она не стеснялась в средствах, идя к своей цели. И пока наши цели были общими, я этого не замечала. Однажды у нас должен был быть концерт в одном московском клубе. Пришло совсем немного народу, и тут же поступила информация, что в клубе заложена бомба. Нас всех быстро вывели черным ходом. И никто не понимал, кто же позвонил тогда в милицию и сказал о бомбе. Некоторые считали, что это Рита. Но факт точно не был установлен. После этого случая Рита рассказала мне, что получила информацию о том, что со мной хочет жестоко разобраться какая-то группировка скинхедов. Несколько месяцев меня все провожали до дома, мы все ходили, озираясь и сторонясь, боялись заходить в подъезд. Потом даже нашли человека из ФСБ, который разуверил меня в том, что я вообще могу представлять какой-то интерес для скинхедов, и в том, что у них есть какие-то списки, в которых я могу фигурировать. Зачем Рите тогда понадобилось это выдумывать, я не знаю.

Вершиной нашей совместной деятельности было «Нашествие-2002». На спонсорские деньги мы заготовили глобальное шоу, у нас были пушки, которые выстреливали блестками в гигантском количестве, были огромные гелевые шары, которые откатывались от сцены, и весь народ на стадионе их перекатывал с удовольствием. В общем, шоу наше было почти грандиозным. Стоило это немалых денег. И тут на «Нашествии» какая-то пушка выстрелила не так, блестки вылетели не в том объеме и не в тот момент. И тогда Рита в сердцах дала с размаху по лицу главному режиссеру «Нашествия». Женщине.

Отношения группы «Butch» с «Нашим радио», и без того из рук вон плохие, испортились окончательно. Мне пришлось звонить на «Наше радио» и выслушивать все, что у них накопилось. Извиняться перед всеми, перед режиссером. А Риту пришлось уволить. Но Рита так просто не сдалась. Сказала, что будет мстить и что мне надо подумать о моих близких людях. Это, конечно, были просто угрозы. Но приятного было мало. Рита угрожала порушить все связи, которые были сосредоточены в ее руках, все наши контакты на Украине и в Москве. В общем, она угрожала. Дело дошло до того, что мы попросили нашего друга юриста встретиться с ней и поговорить. Юрист засунул в рукав микрофон от

диктофона, но это шпионство потом не понадобилось. Он ее каким-то своим образом убедил, что претензии безосновательны. Так бесславно закончилась наша с ней работа.

17 июля 2004 года

Очень много вокруг ненастоящего. При этом не факт, что настоящее — это интересно.

За неделю четыре новые песни. При том что я стенаю и вообще разговариваю народным русским песенным жанром «страдания». А песни — вона, есть.

Завтра иду к врачу-диетологу. Меня в спортклубе почти обязали. Еще у нас по плану пикник с господами поклонниками. И дамами. Все почитатели таланта налягут на шашлык. Или что там бывает на пикниках? Если пойдет дождь, то и фиг с ним, с дождем.

В понедельник пишем скрипичный квартет. И хор. Хор задуман мной как нестройный. Поэтому должно получиться.

18 июля 2004 года

Я большой и крутой музыкант. Это так. И нет никаких сомнений. Если и есть, то только не у меня. Нет, у меня только уверенность, что — см. первую строчку.

Потому что сегодня мы репетировали со скрипичным квартетом. Они мне объяснили, что такое фермата и вольта. Главное не стесняться спрашивать. И не страшно, что я чего-то не знаю. Потому что это ж моя песня, которую они играют. А не наоборот. Андрюха написал такую партию для них отличную — мне безумно напоминает советское кино. И тут Андрюха говорит, что его любимый композитор — Таривердиев. А завтра мы все это записываем. И еще нестройный хор.

Испытываю почему-то желание пойти и досмотреть последние пятнадцать минут «Ночного дозора».

Мой мобильник ржет конем. Наверное, мне всегда хотелось иметь коня. И теперь он у меня есть. И даже можно с ним быть все время. То есть не одиноко.

21 июля 2004 года

Один звонок в дверь одного родственника рано утром, без предупреждения. Пожить.

Одна «помывка», как говорил наш военрук, одного аквариума. Черепахи неприлично этому рады. Чувство вины ушло.

Два билета сданы. Не еду.

Одна репетиция. Одна песня освоена. После репетиции решили, что стоит поехать на пикник.

Две ссоры. Одна в переходе. Сопровождается киданием на землю сосательных конфет «Трансаэро». Вторая — на ступенях кинотеатра. Сопровождается бросанием журнала «Досуг и развлечения».

Две поездки в метро. Одна в троллейбусе. Это подло. Это я про билет, который, оказывается, стоит 15 рублей. Не то чтоб у меня не было. Просто это круто.

Один кинофильм. Очень прикольный. «Твой дядя сказал, что ты хочешь мне что-то сказать и от этого мне сорвет башню…»

Три отказа от желания съесть: шоколадку, ведро попкорна, ведро орехов и банановых чипсов. Половина последнего ведра съедена. На ночь.

Одно осознание, что все отлично. Длительное.

22 июля 2004 года

Читаю истории. Колесики поворачиваются. Текст пишется.

Сегодня была деловая встреча с двумя панками. Встреча происходила в пальцованном месте. Сначала появились два явно офисных парня в деловых костюмах.

— Прикинь, если это они, а?

— Да, нет. Вряд ли.

Потом пришел один. С фиолетовым ирокезом и в майке «Панк’с нот дед». Оказывается, мы с ним занимались у одного преподавателя вокала. Он сразу стал мне родным.

Потом пришел второй. Он был в майке в сеточку и с длинными белыми волосами. И в солнечных очках. О-па, думаю, колоритные перцы. И тут у него зазвонил телефон, а на нем первые аккорды «А-Ха». Вот оно как.

Панки, елки. Особенно на фоне унылых бизнес-сьютов и богемных персонажей. А мы-то, думаю, прям как не рокеры. Все приличные из себя. Потом до меня дошло, что, может, и приличные, зато у меня лично весь молодой организм в татуировках. Так что рокер.

Ударили по рукам, и вместе замутим кое-что. Давно мне хотелось спеть что-нибудь из Майи Кристалинской.

Доделали песню. Еще одну.

Трудно будет остановиться.

24 июля 2004 года

Вчера ночью люди легко пили эстетские, но крепкие напитки. А я нет, потому что у меня и так пруха всегда. И вот мы заговорили за концерт, как говорят в Одессе, в «Тоннах» тридцать первого.

— И что же ты наденешь?

— Ну мы ж татуировку будем показывать, что-нибудь открытое.

— А у меня как раз есть мини-юбка.

— Так татуировка вроде сверху.

Все хором:

— Все равно неси.

И вот мы надели на меня мини-юбку. Принадлежит персонажу меня в два раза уже. Почему-то наделась. Все сели на пол и стали на меня смотреть. Некоторые, по-моему, облизывались, как вампиры. А может, мне показалось.

— Ну-у, если на два килограмма похудеешь, то можно…

— А она не слишком короткая?

— А ноги-то у тебя ничего…

— Оставьте, блин, мои ноги. И вообще — при чем тут ноги? А руки как?

Короче, посмотрим. Ну а это… если я таки похудею? Вон еще времени сколько до тридцать первого…

28 июля 2004 года

Купили юбку…

30 июля 2004 года

Истории.

Сегодня мы провели боевые стрельбы. То есть надели юбку и пошли на репетицию. И хоть бы кто подал вид, что удивлен. Это был сговор.

Все вокруг, кто насильно опрашиваем, говорят, что мне идет. Нет, ну когда-то у меня была, конечно, школьная форма.

Что стерлось из генетической памяти:

1. Когда наклоняешься, оказывается, не наклоняться надо, а приседать.

2. Если прилипаешь к сиденью машины — это значит, что нужно раскатать юбку под себя, тогда не прилипаешь. При этом она мнется, но, как мне объяснили, это нормально.

3. Когда, пардоньте, идешь в туалетную комнату, юбку, как выяснилось, не надо расстегивать. А надо просто сделать up.

4. Нельзя: ставить ноги широко и чтобы люди видели, какой марки. Нужно: ноги, когда садишься, складывать неестественным специфическим образом.

Таков опыт одного дня полевых испытаний.

31 июля есть вероятность появления на концерте в «Тоннах» в мини. Но это не обещание. Завтра проведем тактические учения с посещением общественных мест.

7 августа 2004 года

Во что поверить — спрятаться?
Накрыться как с головой одеялом?
Звать то бога, то мать его, то отца.
Они мне хорошее, ну и я им.

И может, пока я в поиске
Того, что прячется выше,
Кто-то другой за меня молится,
И это уже слышно.

9 августа 2004 года

Мной был прочитана книжка Маяковского. Интересно, что он оказался совсем не тем парнем, которым виделся мне в школе. Стихи оказались часто совершенно запутанными и фантастическими. Например, у него в какой-то поэме фигурируют вот какие герои: женщина со слезинкой, женщина со слезой и женщина со слезищей. При этом он оказался совершенно самовлюбленным типом. Что мне, понятное дело, очень понравилось. И очень удивило, что такой жизнелюбивый человек покончил с собой.

Он там описал правила стихосложения, какими они ему представляются, и подробно так описал, как он пишет — как прокручивает кучу вариантов слов, фраз, как будто сейф вскрывает, крутит колесико, пока не щелкнет.

Как я понимаю, его читатели — это всякие рабочие, перед которыми он ездил выступать. И вот у меня мысль: если я обнародую технологию написания текстов и расскажу, как они на самом деле пишутся, то найдется сразу куча народу, которая начнет восклицать: ах, ах, как все разумно, ах, ах, а где же чудо? а где вдохновение? а где же на салфетке, в порыве? И я еще буду на это отвечать: дескать, ребята дорогие, ну как же вы не понимаете, тра-та-та и т. д. Неужели моя публика настолько сзади тех рабочих, которые нимало не смущались той кухни, которую им Маяковский описывал? Что тогда с народом за семьдесят лет произошло…

10 августа 2004 года

Почерпнуто из глянцевых журналов:

«…Сальери — жертва черного пиара».

«…это русский певец? Знаменитый? Это какой-то индийский Элвис…» (английский стилист о Киркорове).

Сейчас нашлась бумажка на столе, где моим почерком — вычисления. Итоговая цифра: один на миллион. Это мои вычисления вероятности падения самолета. М-да, уж если что засело в голову, так в полный рост… Артист собирает статистику, а потом высчитывает. Потом себя успокаивает, а потом летает…

Один приличный человек из нашей группы рассказал, как в школе ему сказали, что если растолочь но-шпу и потом ее курить, то будет переть. И он, как дурак, курил толченую но-шпу. «Ну и что?» — спрашиваю. «Не прет», — отвечает.

О больном. Распад группы.

К осени 2003 года отношения в группе были такими, что отношений никаких и не было. Выходили люди на одну сцену на концерте, что-то случалось как будто, и нас склеивало в одно творческое целое. Но как только концерт заканчивался, все разрушалось. Наконец все прогнило до такой степени, что стало ясно: тянуть больше нельзя. Я говорю ребятам: «Собираемся у меня и обсуждаем, что делать дальше». Пришли не все. Мы, не сговариваясь, сказали друг другу, что доигрываем последние несколько концертов и расходимся. Ребята требовали от меня отдать проценты от продажи альбома, которые по контракту нам должен был выплатить лейбл, но так ничего и не выплатил. Музыканты считали, что могут получить эти деньги с меня. Сказали так: или ты отдаешь нам эти проценты, или мы расходимся. Я им: «Ничего не могу отдать, просто доиграем и расходимся».

С Серегой Петуховым отношения были другие. Мы с ним все-таки были партнеры, вместе вкладывали в группу деньги и иногда отдавали свои пацанам, когда гонорар был низкий. К тому же мы с ним песни писали — его музыка, мои слова. Мы с Петуховым договорились так: я собираю новый коллектив, и мы будем сначала играть песни, на которые он написал музыку, те, которые сделаны первым составом группы «Butch». Договорились, что пока я эти песни пою, он получает от концертов часть гонорара. Считали задним числом. И ему уже к

моменту разговора причиталось по этим договоренностям пятьсот долларов. Он их от меня получил. Потом мы посчитали и решили, что до конца месяца я ему отдам еще пятьсот.

Наступил наш последний концерт вместе. Отыграли его как-то зло. Басиста Дениса Петухова не было — он уехал с группой «Тату» в Японию. Дениса все эти разборки как бы уже не касались, он и так формально ушел в другой коллектив, так что басист был приглашенный. Отыграли концерт и стали сворачивать вещи. И тут Петухов говорит: «Отдавай мне сейчас пятьсот баксов». А я ему: «Мы же договорились, что до конца месяца, еще неделя. Я отдам». — «Нет, отдай сейчас». — «Блин, — говорю, — ты же наши договоренности нарушаешь». — «Ну и что, — говорит он, — ты их нарушаешь постоянно, теперь и я». — «Нет, — говорю, — отдам в конце месяца». — «Ах так, — говорят Петухов со Ступиным, — тогда мы забираем аппаратуру». А она была на мои деньги куплена. «Ну и подавитесь, — говорю. — А ты, Петухов, дурак, сам себе же все испортил. Так бы получал, как договаривались, с каждого следующего концерта вознаграждение, а теперь я и знать тебя не хочу».

На репетиционной базе оставались какие-то мои личные вещи. Думаю: неужели упадут до такого, что шмотье не отдадут. Звоню на следующий день барабанщику Зеленому. «Слава, — говорю, — там мой обогреватель, вентилятор и вокальная примочка». — «Ничего не знаю, — говорит мне Слава, — ничего не отдам». — «Ну и хрен, — говорю, — с тобой. Обогревайся и вентилируйся». Так мы и расстались. А хотелось по-джентльменски. Но не получилось.

12 августа 2004 года

Мы напились, и оказалось, что:

— есть коньяк 17 градусов, но он в России не продается (это надо говорить тоном знатока);

— шоу-бизнес ужасен, но мы верим в победу интеллекта. И даже если он не победит, то мы в него верили;

— ты не ешь после шести? Не, я не ем после часа… ночи;

— мы вот отольем во фляжку друзьям…

— мы хорошие люди, а значит, научим людей хорошему… И вот кто-то написал типа Белинского: «И свет во тьме светит». Или не Белинский… Это он про нас…

Короче говоря, наши выиграют.

А этот подлый ресторан, который в моем дворе, который сделал так, что я пишу, а пахнет котлетами… и вкусными, кстати, — я прощаю…

13 августа 2004 года

Интересно, если тебе звонит на мобильный незнакомый человек без приглашения и номер ты ему не давал, ты можешь его послать на х…?

Про Одессу.

Там невероятное у людей чувство юмора. Оно у них как бы растворено в воздухе и в культуре. Если ты едешь в такси, то таксист обязательно переговаривается весело со своими приятелями-таксистами, и с тобой, и одновременно флиртует с дежурной. И называет ее, например, «дежурненькая». Мужик здоровый и в усах называет диспетчера «дежурненькая». Причем не разовый какой-то таксист, а таксисты вообще. Бывает, обсуждают какого-то парня, что повез кого-то в аэропорт, и у него борода, — что вот, мол, скорее небо упадет на землю, чем Борода побреется.

Они все разговаривают, охотно установят с тобой приятельские отношения в процессе, и, например, грузчики на книжном рынке — такие дяди, от которых в Москве невозможно добиться двух связных слов, — в Одессе будут обязательно разговаривать и все объяснять. Причем доброжелательно и хором.

Нет такого проявления совка, как хамство. Ну вот, например, знаете такую реакцию? В магазине стоит несколько человек в очереди, и вы что-то спрашиваете у продавщицы, а она даже голову не поворачивает, делает вид, что не слышит, хотя точно слышит. Просто вы для нее не существуете, пока не нарисовались у нее перед носом и не заставили считаться с фактом своего существования. Так вот, в Одессе такого быть не может. Она, продавщица, наоборот, с радостью вам все расскажет, покажет, статистику какую-нибудь приведет и убедит в том, что сама только это и потребляет.

Одесса похожа на Париж. Ее строили французы, и там много французских слов в названиях — Ланжерон, Ришельевская улица и т. д.

В Одессе есть культура моряков. Это мужественные мужчины, которые уходят в рейсы надолго, а жены их ждут. Считается большой подлостью переспать с женой моряка. Моряков, которые ходят в рейсы, можно всегда узнать по внешнему виду. Потому, что они очень накачанные, — а им в рейсе мало что есть делать, поэтому они качаются, и еще они одеваются очень артистично, например могут носить яркие шейные платки и при этом не выглядеть по-дурацки, как пошлые конферансье. Короче, моряки очень заботятся о своей внешности. Один раз на пляже один

такой парень причесывался, так он будто чистые алмазы собирал — до того трепетно это делал. Там, по-моему, совсем не принято быть геем. Они этого не понимают. То есть, конечно, есть там такие ребята, но они это скрывают, как будто прошлый век. А те, про кого известно, они очень смелые люди, потому что над ними смеются.

Одесские женщины — это такой типаж, который я называю фифа. Это значит, что они могут идти по пляжу или вдоль пляжа на шпильках. Это значит, что они могут провести целый день на пляже и ни разу не зайдут в море. Будут просто загорать, нежиться на солнце. И вообще они хотят выглядеть как такие подарки. В городе принят классический женственный стиль одежды. Скорее Кристиан Диор, чем Дона Каран. Притом Кристиан Диор с большой вероятностью поддельный.

Из местных достопримечательностей. В газетных пакетах, как семечки, продаются рачки. С ударением на первый слог — рачки. Это маленькие такие креветки, соленые, которые едятся тоже как семечки. По ходу, плюясь шкурками.

Вертуты. Это такие палочки из слоеного теста с вишней, абрикосом или яблоком внутри. Безумно вкусно. Стоит гривну. Если доллар — пять гривен, то гривна — это шесть рублей.

Еще одна достопримечательность — это Дерибасовская. Там бесконечные рестораны, летом все они — летние террасы в основном. Еще там всякие животные, с которыми туристам предлагается фотографироваться. Поскольку там жарко, юг же, они, животины, млеют от жары, и их жалко. Вот такой был там, например, диалог: «Отнеси его на часик в ванной, пусть полежит, в себя придет». Это про удава.

18 августа 2004 года

Пришли. Варят раков у меня. Они ж живые, блин. А их едят. Не пойду смотреть на это. И есть не буду. Но помешать не могу.

Это позиция или нет?
20 августа 2004 года
Знаешь, дурацкая роль —
Приходится быть немым.

Другие, будьте счастливы, что ли.
Другие — они не мы.
Знаешь, дурная привычка —
Приходится быть немой.

Улыбнись, вылетает птичка,
Улыбнись, человек не мой.
И мне за тебя нет права,
Нет повода умереть.

Чай травяной — такая отрава,
А вы, знаете ли, такие вредные…

* * *

Мой дедушка — гордый горец,
А прадед был тот еще перец.
Отец — партизан, он борется.
Вот почему у меня железное сердце.

21 августа 2004 года

Отличный концерт. Минус два килограмма.

22 августа 2004 года

Прогулка по городу.

Журнал «Yes» сказал, что хотел бы поснимать содержимое сумочки. «Но у меня нет сумочки». — «А что есть?» — «Ну, рюкзак есть». — «Неси». Иду с рюкзаком. И есть полное ощущение, что с этим городом меня ничто не связывает.

На Кузнецом мосту меня окликают. Это моя однокурсница с журфака и ее подруга, которую я тоже знаю. И мы садимся на веранду и пьем какой-то странный чай. Туда же подъезжают девицы из «Yes'а». Мы потрошим рюкзак. Все кафе с любопытством наблюдает. Вторая девушка из журнала, абсолютно ангельской внешности, берется подвезти меня. «А потом, — сказала она, — поставлю машину и буду бухать».

Доезжаю до «Вудстока». Там все слушаю и ухожу на еще одну стрелку. Времени двенадцать. Прохожу каких-то людей, которые возятся у машины. «Бучч», — говорят они друг другу. Потом машина начинает ехать, и из окна кто-то кричит: «Я люблю тебя». Мне? Да нет, не мне. Хотя мне, ясный пень.

Останавливается еще тачка, и из нее выходит паренек, смотрит на меня во все глаза, потом встает рядом со мной ждать светофора. Загорелся зеленый. Я иду, а он вернулся обратно в машину и поехал дальше.

Думаю, что мне короче все-таки одну остановку на метро проехать, чем пешком. В вагоне полно готов — девчонок и парней в черном, с крестами и кровавыми всякими рисунками. Начинают петь у меня за спиной «Все равно я встану» и кричать «Бучч форева». Стою к ним спиной и не знаю, куда себя деть. Смеемся, я смеюсь спиной и выхожу.

Потом у меня стрелка в кафе. Потом мы прогуливаемся по улице. Один чувак спросил, когда выйдет альбом, двое поздоровались, еще пара сказала, что у меня отличные татуировки, и еще один предложил пива, потому что нравятся песни. Один попросил поставить автограф на паспорте.

Моя новая реальность. Наверное, мне это нравится. А тогда почему все вот эти люди не приходят на концерт?

24 августа 2004 года

Сегодня мной был прочитан один номер «Московского комсомольца». Это просто фильм ужасов какой-то. Папа утопил двух сыновей, а сам повесился, пятеро алкоголиков изнасиловали восьмилетнюю девочку, тетя выпала из параплана и разбилась, найдены могилы наших солдат в Голландии, Путин посещает могилу Кадырова. Самое невинное про то, как у наших отбирают золотые медали. Это же полный пипец.

И что после этого ведомые читательские мозги будут думать про жизнь?

5 сентября 2004 года

Уфа — интересный город. Потому что он выглядит как совковый, но местами покрашен в безумные цвета. Дом, например, разноцветный, но совершенно даже типовой, девятиэтажный, скучный. Еще у них там абсолютно хаотичное автомобильное движение. Так, наверное, все обстоит в Индии. Мне рассказывали, что в Индии нет правил дорожного движения, а есть только автомобильные гудки по ситуации. Вот они так ездят в этой Индии, обгоняют друг друга, уступают дорогу — и все по гудку. Примерно так же дело обстоит и в Уфе. Парень, который нас возил, например, по встречной половину пути ехал.

Еще они там не пропускают друг друга.

Если в городе водители пропускают друг друга и пешеходов, то у них все в порядке с самооценкой и все в порядке с самооценкой у города. Вот, например, в моей любимой Одессе. Там машины всегда уступают пешеходам и пропускают друг друга из ряда в ряд, если надо. А в Уфе нет. Просто-таки возмутительно не пропускают. В Москве уже тридцать машин бы назад мы выехали, а тут все не дают и не дают.

Однажды, еще в программе «Время», мне довелось быть в Казани в командировке. То, что меня там сразу поразило, — это философия «начальник сказал, это правильно». Берешь интервью у чувака, а он спрашивает:

— А как мой начальник считает?

— Так-то.

— Ну, я с ним согласен.

По ходу, в Уфе похожая картина. И общий контекст такой: «все равно же ничего не изменишь».

Мэр Уфы принимает решение, что концерт на площади длится до шести. Организаторы это знают и надеются, что все можно дотянуть до семи. Ну, как-нибудь, авось. К шести часам еще ни одна из четырех московских групп на сцену не вышла. К нам бегут и говорят: срочно давайте. Нас объявляют. Мы выходим. Ничего не могу сказать в микрофон и не понимаю, какой микрофон вокальный. Хожу по сцене и размахиваю руками.

А на самом деле милиция просто выключила сеть, рубильник электричества. Все и каждый говорит мне в ответ, что ничего нельзя изменить. Я в полном обломе. За ограждением стоит тысячный народ, шумит и хочет, чтобы мы играли.

Я иду к милиции, которая стоит кучкой — от капитанов до полковников, и кричу, чтобы дали хотя бы закончить концерт, потому что нельзя так с людьми, и что им наплевать на людей,

что нужно хотя бы слов сказать каких-то, а не просто — раз и все. Милицейский полковник начинает непонимать и пытается меня виноватить. «Да я больше вашего об этом знаю», — кричу я ему. А он кричит: «А если мы вас щас заберем за нарушение общественного порядка?» — «А интересно, чем это я общественный порядок нарушаю? — кричу я ему в ответ. — Ну, включите хоть попрощаться с народом, что же вы за роботы такие».

Мой директор в это время напряженно двигается вокруг нас с полковником, чтобы чего не вышло.

Рубильник включают, и на сцену выбегает ведущий мероприятия, который успевает только грубо обругать парня, показавшего ему фак, и сказать: «Маме своей это покажи». Ему тут же выключают микрофон, и мероприятие считается законченным.

Милиция и мэр правы. Праздник не своевременен. И тем не менее:

1) люди позволяют ставить себя перед фактом и сами считают, что ничего нельзя изменить, что так с ними обращаться — нормально. С таким чувством собственного достоинства у них и должны быть такие власти;

2) милицейские полковники могут включить рубильник и выключить рубильник. Без объяснений. Потому что мнение людей и их желания ничего не значат на самом деле;

3) мне жаль.

9 сентября 2004 года

Вот я артист, я хочу влиять на происходящее, мне что для этого — надо стать Генри Роллинзом или Виктором Харой? Какие тут есть варианты прямо сейчас?

Что-то мне не верится, что социальные песни типа «бери, неси, иди» имеют срок жизни больший, чем миг. Это глупо же — соцзаказ поднимать выше творчества.

Если я думаю, что то, что нужно делать, — это менять государственную политику из размахивания кулаками на кропотливые и противные переговоры, прекращать на фиг эту позорную войну в Чечне, то как мне, артисту, это выразить?

а) иносказательно;

б) прямо;

в) засунуть язык в задницу;

г) подождать и сказать потом, когда мое слово будет более весомо;

е) идти каким-то другим путем.

Не могу пока найти ответа.

У меня скоро день рождения.

Это значит, что у меня прекратятся налетевшие толстыми ласточками недомогания типа панических атак или головной боли.

Это значит, что мне придется понять, что дает мое карабканье по вертикали другим людям. Нет, раньше-то мне было понятно, а сейчас не очень. Хотя дорога точно моя.

Это значит, что я больше не считаю, что другие люди похожи на меня. Они глупее, или не понимают мой язык, или умнее, но с прибабахом, у них другие процессы в организме. Когда мне больно — они терпят такое, а когда я гляжу в корень — они, может, и никогда не додумаются, у меня истерика — а они переносят спокойно. Короче, лучше они или хуже, но между ними и мной пропасть. И они мне при этом страшно нужны.

Это значит, что надо научиться жить так, как будто они мне не нужны совсем.

Я уже знаю, что есть смерть и что она неприятна, то есть не она, а ощущения тела перед этим. Поэтому я хочу жить долго.

Я ничего о себе не знаю. Я считаю, что не пишу стихов, разве только по необходимости, а весь дом закидан черновиками, просто весь.

Скоро у меня день рождения. И мы испечем большой торт и раздадим. По маленькому кусочку.

10 сентября 2004 года

Добрые люди прислали предупреждение о возможном отравлении питьевой воды. Нет, вот я думаю, до чего может дойти истерия. Хотя постараюсь пить покупную, как в Индии. Там-то всегда такую и пьют и не парятся.

Я думаю, что уже давно следует выработать свод правил поведения населения страны, которая только и ждет, что ей кто-нибудь в спину нож всадит.

Как в Израиле, например. Если вы оставили свои шмотки без присмотра больше, чем на десять минут, ваши шмотки расстреляют полицейские, потому что там может быть мина. Или как в Париже. «В нашем городе нет урн, так что выбрасывайте мусор туда-то».

Правила и, что самое важное, их публичное формулирование дает ощущение защищенности. И точно снимает часть стресса.

Только наша гнилая вертикаль нескоро до этого додумается.

Додумайся быстрее, а?

Ну, короче, мой личный уровень сознательности повысился очень. Куда, блин, деть-то его…

То ли Черчилль, то ли Рузвельт говорил: делай то, что можешь, тогда и там, где ты есть. Я думаю. Вот пока и все, что я с этим делаю. Думаю вслух.

11 сентября 2004 года

Я почему-то встаю рано. Часов в восемь. Мой друг психотерапевт, улетевший сейчас в Беслан, говорит, что я жаворонок, но что, типа, об этом не знаю.

До двух время ушло на мысли и все такое. Потом мой директор сказала, что если я ей друг, то я вынесу ей диск на деловую встречу, а не она будет за ним подниматься.

А я ей говорю, что я в домашних штанах и вообще. «Так ты мне друг или нет?» Пришлось слегка приодеться, но не сильно и вынести диск. Несу диск и понимаю, что назад домой не хочу.

Усаживаюсь в машину и говорю, что я ее там в кафе подожду. Приехали. Сажусь в кафе. Вокруг меня сплошь люди с подносами, котлетами и всем таким. У них тут в кафе офисный обед.

Последовательно съедаю два кольца с творогом и одно содержимое сочника. Радуюсь, что никто меня не видит, потому что у меня конечно же отличный свитер для яхтинга и отличные штаны с полосками, но звезды, наверное, так не ходят (если приличные).

Тут, конечно, появляется Саша Кушнир, и я через подносы и котлеты сажусь к нему за столик. Он, как всегда, с кучей девушек. Одна из них — Лена Никитаева. Тут я понимаю, что Лена — блондинка. Мы договорились об одной авантюре, и Кушнир, пока мне все равно делать нечего и я жду директора, увел меня показать, какой у него клевый офис.

Офис и правда клевый. К слову сказать, Саша Кушнир — это такой человек, который делает шоу из всего. И это делает жизнь отличной игрой. Сейчас он делал шоу из меня.

— Вот, — внезапно вводя меня в информационный отдел, сказал он. — К вам пришла звезда. Берите интервью для сайта.

Мальчик в военной немецкой рубашке сказал:

— Я из Питера, извините. А как вас зовут?

— Земфира, — говорю гордо. Мне уже не так совестно за свитер.

— Точно, отличная у вас есть песня, я слышал: «Муси-пуси».

Мальчик в грязь лицом не ударил, взял интервью. Кушнир доволен, мы пошли дальше. На стене у них висят смешные цитаты из разговоров «Кушнир Продакшн». Особенно мне понравилось на выходе слово «катастро-сиськи».

Тут позвонила злой директор и сказала, что встреча закончилась и где, интересно, я шляюсь. Кушнир мне шепотом сказал, что мой свитер — это очень удачный выбор. Вот же, а…

Нам сказали, что тексты нужно показать двум колдунам шоу-

бизнеса. Не то чтобы они поколдуют, но хотя бы дадут экспертную оценку, насчет хит — не хит.

Один эксперт забил встречу в театре Стаса Намина. Мы поехали искать театр.

Заехали к какой-то толпе подростков, которых я спрашиваю из окна, а где тут спуск? А они кричат: «Это же Бучч, живой Бучч. А спуск — вам надо назад возвращаться. И приезжайте к нам еще». Закрываю окно, оно тонированное и поднимается медленно, и я себя чувствую Бастой Раймсом. А это, знаете ли, приятно — чувствовать себя Бастой.

Мы нашли театр. Правда, сначала приехали в больницу. Это двухэтажное здание. Охранник повел нас в студию длинными коридорами, и становилось все холоднее, лево-право, совсем дубак. Охранник открыл дверь, и мы оказались внезапно на улице. На таком маленьком стадиончике. То есть это такой здоровый зеленый театр. Вот почему холодно было, о.

Оля говорит, что станем крутыми — у нас тоже будет свой здоровый театр.

Еще мне дома сказали на это, что у меня же не было дедушки Анастаса Микояна. Ну и что, у Билла Гейтса тоже не было дедушки Микояна.

Из двери в дверь прошел Стас Намин. Он оказался безумно похож на картинку из «Тысяча и одной ночи» — там так сластолюбцев изображали. Только он был с озабоченным лицом и ушел.

Эксперт оказался безумно приятным парнем. И сказал, что тут все хорошо с песней, но может поколдовать. Так что завтра, сегодня то есть, будем колдовать.

Потом мы поехали выбирать подарок нашей подруге, у которой был день рождения. И почти подрались. Потому что я говорю, что классический запах — это «Хьюго Босс Вумен», а Оля говорит, что это «Хьюго Дип Ред». И что же мы в итоге подарили? Правильно, «Хьюго Дип Ред».

Вчера вечером мы обещали быть: 1) на концерте Луи, если получится; 2) на концерте Мары, если успеем; 3) на концерте Павла Кашина, чтобы послушать и передать диск; 4) на концерте Линды в «Точке».

Мы решили начать с Кашина. Ира, его директор, нас сразу посадила на козырные места возле сцены, где сидят свадебные генералы. И мы сразу нос к носу оказались со своим бывшим продюсером. Чем это еще было плохо — мы совсем не сможем уйти по-английски, а нам же позарез надо.

Вышел Паша на сцену. Некоторые думают, что Паша — это хрупкий мальчик. На самом деле он здоровый вполне парень,

стройный, и бицепс у него такой прокачанный, что само собой не бывает. Зато Паша ангелоподобный. У него кудри, он улыбается во все лицо очень хорошо и пластично рубится. То есть рубится, но пластично.

Кто в зале. Меня же это интересует. Сейчас открою секрет: говорят, что, когда женщины смотрят на мужчин, они сразу оценивают их как потенциальных партнеров — мое или не мое. Секрет не это, а вот что. Когда артист приходит на концерт к другому, он сразу примеряет на себя его публику — мое или не мое. Девушки — от молодых до дорогих теток, с которыми я в массе занимаюсь в фитнес-клубе. Эти могли б, наверное. Нетрезвые дорогие дяди. Наверное, эти бы не могли. Потому что вряд ли я смогу быть для них светлым и чистым, как Паша.

Мне концерт нравился. Пашина скрипачка играла на пиле. Это было круто. Некруто было то, что мы не могли уйти. Мы сидели, как два самовара в центре стола, а в это время наш человек слал нам гневные sms-ы с концерта Линды:

«Ну где вы?»

«Господи, где вы?»

«Здесь тысяча человек, где вы?»

«Здесь полно камер, а вы не здесь».

И наконец:

«Ну почему Кашин, а не Линда, ну почему?»

Ну что ответить, ответить нечего. Когда Паша закончил, мы поехали на хаус. И еще бежали минут десять до машины по холоду, потому что парковка далеко. Бежали и понимали, что концерт Линды закончился, что Паша — добрый и что мне нельзя простыть.

И вот я осталась без группы. И непонятно, кто будет играть и кто будет писать музыку. Сразу же стало ясно, что музыку надо писать мне. Чем опять зависеть от кого-то, лучше немного подучиться и писать самостоятельно. Теперь нужно было набрать команду.

Как раз проходила большая музыкальная выставка в Сокольниках. Мы раскидали по всей выставке объявления, что ищем музыкантов в группу. У нас уже был на примете басист Шура, который отыграл вместо Дениса тот самый печальный последний концерт со старым составом. Но мы все равно искали еще.

Хлынул поток разных людей. Мы сами, поскольку вместе с первым составом потерялась и репетиционная база, стали искать репетиционные базы по всему городу, чтобы прослушивать народ. Приходила куча гитаристов,

мы ходили смотреть игру их групп во всякие рестораны. Слушали и понимали, что это все не то. Мы давали им три старые песни и просили снять гитарные партии. Большинство не могли даже правильно воспроизвести гармонию. Приходили поодиночке и целыми группами. Одна группа даже написала песню на мои стихи. Звучало ужасно занудно. Обижать никого не хотелось, мы говорили: «Спасибо, вам перезвонят». Приходили совершенно юные гитаристы с длинными волосами и в куртках-косухах. Все было понятно еще до того, как они начинали играть. Был один интересный вариант — немолодой уже гитарист с явной джазовой школой. Но у него был серьезный недостаток: он боялся летать на самолетах. Пришлось отказать. И тут звукорежиссер Андрей привел своего приятеля Вову, который до этого играл в группе «Звери». «Звери» тогда еще не были очень известны, но профессионализм Вовы Хоружего сразу чувствовался. У него была, помимо всего прочего, красивая гитара, к ней хорошее оборудование, он был весь татуированный и все сыграл правильно. Мы взяли Вову на заметку. Потом пришел барабанщик Пафа. Он тогда собирал мебель, а до сборки мебели был барабанщиком у Земфиры, отыграл с ней два тура и два альбома. Всем стало ясно, что барабанщик уже есть. Басистов тоже слушали. Была даже басистка Галя из группы «Комбинация». Красивая, не очень молодая женщина с ребенком и большой бас-гитарой. Ей мы отказали. Зато сразу запали на Кирилла, красивого парня, который тоже до этого играл с Земфирой. Басист он был что надо. Его манера игры была одновременно ленивой и виртуозной. Мы уже совсем было с ним договорились, но тут он сказал, что с репетиционной базы музыкантам надо оплачивать такси — мол, у него дорогой инструмент, и он не может так поздно возвращаться с ним домой. На это мы пойти не могли. И Кирилла не взяли. Мы даже дали на радио рекламу о том, что ищем людей в группу. Реклама шла по «Нашему радио» и на «Эхе Москвы».

Я считаю, что наш коллектив — это удачная находка, что-то нам помогло собрать именно тех людей, которых мы собрали. Музыкантов много хороших. Важно, чтобы все совпадали по человеческим качествам, потому что на гастролях нам вместе жить, вместе ехать в поездах, иногда не по одной неделе. В итоге мы выбрали

Шуру-Муру из группы «Дрынк», Пафу и Вову Хоружего. Потом стали этим составом репетировать старые песни. Неформальным лидером сразу стал Пафа. Он был самый опытный и имел профессиональный взгляд на все — ведь у него за плечами большие туры, большая музыка. Во времена работы у Земфиры он играл на распрекрасном аппарате, знает много разных секретов, и вообще Пафа — человек что надо. Он объехал всю Россию и, ко всему прочему, обладает непередаваемым чувством юмора.

Первый раз с новым составом мы выступили в клубе «Б2». Немного побаивались, как воспримут это фанаты. Кроме того, у нас вместо портостудии, которую забрали музыканты первого состава, был мини-диск, аппарат ненадежный. И действительно, он нас два раза подвел на концерте, песни дважды сбивались, но мы продолжали играть как ни в чем не бывало. В итоге нашим поклонникам все понравилось. Мы вздохнули свободно.

13 сентября 2004 года

Обсуждали вчерашний «Мегахаус». И как бы это выразиться… Нас не показали. То есть мы сыграли в Лужниках час, как крутые перцы, а в телеверсии нас не оказалось.

Хотя все давали клятвенные обещания. Кто-то из тех, кто вырезал, счел нас незначимыми. Ну, типа, есть вы, нет в эфире — картинка не изменится.

MTV фальшивым голосом в трубке (наверное, и глаза скашивает там) убеждает, что случайно вышло. Я думаю: ну, суки, я вам покажу. Нет, дайте срок, дайте срок, я ух, я эх… ну и т. д. — что себе говоришь в таких случаях.

И сразу вспоминается мне случай из вологодского пединститута, как там один наш преподаватель старославянского был убежден, что такой человек, как я, — крайне неформальный, скорее всего, будет отчислен чуть ли не с третьего курса. И потому был крайне удивлен, что на древнеславянском у меня все складывалось, как на родном. И вот однажды он спрашивает на лекции зал: мол, вот как это по-старославянски будет? Тут, как по жанру положено, только моя рука и поднялась. Все было верно. И препод сказал на все сто человек: «Вот. Правильный ответ. И это кто его дает? Да никто, в общем-то. У вас все выйдет значительно лучше, если приложите чуть старания».

Нет, ну не то чтобы он прямо этими словами сказал, но в этом смысле.

А у меня потом все годы были все пятерки. Назло, может быть, подлому гаду по старославянскому. Ну не все пятерки, но типа того.

По-моему, когда Наполеон умирал, он сказал: «Вот если бы герр такой-то знал, чего я в жизни добился…» А этот герр был его учителем математики, что ли, в юности и считал Наполеона крайне тупым и неспособным: из вас, Наполеоне, ничего не выйдет…

Параллель, не параллель, но мотивация — доказать сукам, на что мы способны, — это сила.

14 сентября 2004 года

Я отношусь к тем людям, которые ходят в спортзал каждый день. Ну минимум три раза в неделю. Если это и не каждый день, то часто. Сегодня мне в спортклубе сказали: «Спасибо, что ходите каждый день».

И это значит, что я постоянно ощупываю свой живот. У меня выработался даже непроизвольный жест такой — иногда на концерте, например, я ощупываю свой живот. Нет, это шутка, мне запретили это делать на концерте. А потому я это делаю везде, кроме как на концерте. Я проверяю пальцами, сколько там твердого, а сколько мягкого и насколько уже стало похоже на стиральную доску. Иногда мне кажется, что уже похоже. А иногда я понимаю, что все усилия тщетны. Например, так было сегодня.

Все усилия оказались тщетными, когда мы покупали мне купальник.

И он, конечно, был на два размера мал, но каким ужасным оказалось мое тело в купальнике, меньшем на два размера.

И поскольку мне терять уже нечего, я ем на ночь. Прямо сейчас. Зато безвредную капусту. Зато безумно острую, потому что корейскую. Зато малокалорийную. Зато не такую уж, потому что с подсолнечным маслом…

Короче, это бредовая картина. Спорю, что не в одной моей голове крутятся идентичные мысли.

Я считаю, что люди делятся на три категории:

1. Те, кому безразлично, что они едят. В плане калорийности и влияния на фигуру. Таких людей, по моим наблюдениям, единицы. Или они тощие, или их фигура безнадежно утрачена.

2. Те, кто делает вид, что им безразлично. Таких примерно половина. По моим наблюдениям, самые большие ханжи — это мои знакомые мужчины. Те, которые говорят, что не парятся над тем, что едят. Но это смешно вообще. Стоит ему сказать: «Парень, да ты поправился немного» — и станешь ему вечным врагом.

3. И те, кто только и делает, что парится о еде.

Покупает нулевой жирности все, переживает, что в этой стране нет йогуртов без сахара. Некоторые даже взвешивают еду на весах. При этом тот, кто так парится, по моим наблюдениям, как раз никог-да не добивается ничего. Они такие вот полноватые всегда.

14 сентября 2004 года, вечер

1. Во-первых, Патриаршие — это больше не котлован, а пруды.

2. Во-вторых, тетя, которая достала из пакета бутылку водки и отказалась взять мой недопитый томатный сок («я никогда не запиваю»), сказала, что я вылитый кто-то из бразильского сериала.

3. Почему, собственно, меня никогда не приглашали сниматься в кино, ну, например, в бразильские сериалы?

4. Построили синагогу на Бронной. Она выглядит просто вызывающе. Эдакий ресинский ампир, но с гигантской менорой вместо двуглавого орла. Прям руки у меня, мирного человека, чешутся ее заграффитить. Представляю, как у экстремистов.

Во дворе копошится народ и что-то там у столиков заполняет. Я же человек любопытный. Я подхожу и спрашиваю:

— А что это тут у вас происходит?

— Здесь дают старым евреям помощь. — Люди из очереди смотрят недобро.

— А молодым где?

Люди из очереди начинают улыбаться и смеяться.

— А молодые сами себе заработают.

На самом деле я иду в Авторское общество получать деньги за то, что я автор музыки и слов. Если вы не знаете, то у нас в стране платят деньги, если ты автор музыки и слов. Ну не те, конечно, что за границей. Там у меня давно уже был бы частный самолет, потому что мои песни все время в чартах. А здесь я обладатель серой сберкнижки. Деньги с которой можно снять только в Авторском обществе. Причем я никогда не знаю, есть они там или нет. Это такая игра: почувствовать, что пора идти в РАО (Авторское общество), прийти туда и спросить: «А есть ли деньги?» Иногда денег нет совсем, а иногда там тысяча долларов.

Сегодня стучу в окно и говорю:

— Дайте денег.

— Вы что, не видите, нет света.

— Так я могу получить свои деньги?

— Так я же вам говорю — нет света.

— А денег?

Окно закрылось. Так я и не знаю ничего про свою сберкнижку.

15 сентября 2004 года

Сегодня мне удалось целый час посмотреть телевизор. Оказывается, везде идут сериалы. В одном даже играет мой приятель Кира Иванченко, он бегает между скал и ищет какую-то Марину. И что — люди это смотрят?

Увы, смотрят. Тут мне попалось одно маркетинговое исследование. О том, как проводит досуг средний класс — та самая продвинутая и приличная аудитория, которую хочется видеть на концертах. Так, короче говоря, у них на первом месте — телевизор. А концерты, к слову сказать, где-то на двадцатом месте в приоритетах.

У меня распух глаз. В аптеке продали какие-то синие капли и сказали, что помогут. Капли капнулись ночью. Глаз истек синими слезами, после чего заснул. С утра вместо глаза был синий мешочек и немного зрачка. Полное ощущение, что мне прилично звезданули и это фингал. Что самое подлое — глаз при этом не прошел. Туча людей, с которыми мы сегодня встречались, ничего почему-то не сказали. Наверное, все думали: фингал так фингал. Вечером мне плюнули в глаз — это народное средство. Верю и думаю, что завтра пройдет.

17 сентября 2004 года

Вчера мной был предпринят визит к преподавательнице вокала Анне Давыдовне. Она живет на платформе Лось, и короче всего к ней добираться на электричке. Это, конечно, отдельная песня. Чувствуешь себя насильно засунутым в магазин, где тебе все время что-то предлагают купить: советы риэлтора, чудо-зубные щетки, кроссворды-сканворды для тех, кто не привык скучать в дороге, пакеты суперкрепкие по пять рублей, карты метро и расписания электричек самые новые, восточные благовония… Ну зачем благовония-то людям с мешками и в кожаных куртках? Каждый приходит и говорит: «И снова здравствуйте» — причем серьезно, потому что это новый вагон, а в предыдущем он уже здоровался, поэтому «и снова». Странно, что люди покупают. Неужели им все эти вещи действительно нужны?

С тех пор, кстати, как на сайте отключены комментарии к дневнику, гораздо свободнее себя чувствую. Потому что, например, напишешь что-нибудь важное о жизни и смерти, а там пятьдесят смайлов или фраз, приравненных к смайлам. Мы ж никто не виноваты в том, что так. Значит, лучше, когда в чистом виде. Это же получается идеальный дневник. Сам себе искренне пишешь, а за тобой подглядывают молча.

Преподавательница вокала Анна Давыдовна — крупная голосистая негритянка, только белая. Показывала кассету своей ученицы Анны Шафажинской, оперной певицы, которая давным-давно живет за границей и поет во всех возможных опера на свете. Тридцать пять тысяч или типа того музыкальных премий, паваротти, шмаваротти и т. д.

Показывает мне видеокассету «Тоски», где Анна как раз Тоску играет. Тоска бегает по сцене и кричит: «Марио, Марио».

— Очень она хорошая актриса.

— Да, и голос замечательный, — это уже я поддакиваю.

— Редкое драмсопрано. — Понятия не имею до сих пор, что это такое. — А вот она, вот она — лучшая сцена, — показывает на телевизор Анна Давыдовна. — Сейчас она зарежет тюремщика. Все прямо в восторге от того, как она его зарезывает.

И тут Тоска валит на стол тюремщика и поет: «Мори, Мори Донато». И прямо натурально так скрипит зубами, и лицо страшное — в общем, сцена что надо.

— Она, — поясняет мне Анна Давыдовна, — про себя в это время говорит: «Умри, падла», — потому так здорово выходит.

У меня отличное настроение. Все встало на рельсы, где,

наверное, у всех положительносмотрящих людей и стоит. Глаз еще немного опухший, но плевок подействовал. Хотя моя преподавательница вокала совершенно серьезно считает лучшим среди всех средств мочу, но я говорю: «Спасибо, он уже прошел».

Сегодня уеду в Питер. Дописывать вокал. А я это люблю.

Я даже читаю Сэлинджера.

И сейчас пойду в спортзал. Сразу после того, как сварю себе овсянку.

Вот стих напоследок. Навеяно реальными событиями.

Ее в засаде ждал агент
Секретной армии блондинов,
Но этот сладостный момент
Исчез, как голос Робертино.

И ужас, сколько тонких стен,
И не завесить звук картиной,
Но этот сладостный момент
Исчез, как голос Робертино.

И все ушло, и вместе с тем
Воспоминанья не противны.
И этот сладостный момент
Исчез, как голос Робертино.

Идея записать **альбом романсов** возникла спонтанно. Сначала просто существовала программа, где я пела классические романсы под аккомпанемент рояля и скрипки. Романсы жили параллельно с рок-музыкой. Это была совершенно другая стилистика, даже концертный костюм разительно отличался. Рок-концерты — это майка и джинсы, а вот концерт романсов — белые рубашки вплоть до вечерних платьев.

Альбом решили писать очень быстро. 16 ноября у нас стоял в расписании концерт романсов, и мы решили: почему бы не сделать и презентацию диска романсов? Осталось только к этому времени его записать. На один из наших концертов мы пригласили представителей звукозаписывающей компании JRC. Они посмотрели и сразу были покорены исполнением. Мы договорились, что альбом выпустим вместе с ними. Они нам пообещали, что романсы заиграют на радио, сказали, что уже договорились с радио «Шансон» и «Русским радио», но потом это оказалось неправдой. Никаких

радиоротаций в итоге не было. У диска вообще не было никакой рекламной кампании и промо. Однако он очень хорошо разошелся, уж не знаю почему…

Альбом мы все равно издали. Нам заплатили деньги вперед, и на них мы купили портостудию взамен той, что отобрали ребята из первого состава. Я помню, как мы лихорадочно делали обложку для этого диска. Позвали ко мне домой мою подругу-фотографа и сказали ей: у нас есть два часа, сделай нам обложку. С ней приехала ее подруга с ворохом каких-то своих платьев. Мы выбрали кремовое в цветочек, мне только-только по размеру. Так и засняли. Это и стало обложкой: в платье в цветочек я стою у стены у себя дома.

Сам альбом записывали очень быстро, на большом подъеме. Дело происходило дома у звукорежиссера «Ва-Банка». В паре мест нам был нужен странный звук ударных. Выволокли из кухни большую чугунную кастрюлю и по ней стучали. В нескольких местах записали мой свист. В общем, работалось нам весело.

Наша звукозаписывающая компания, узнав о выходе альбома романсов с другой компанией, подняла шум. Шум — это мягко сказано. На самом деле наш продюсер Максим говорил, что ни в коем случае нельзя издавать альбом романсов, что мы его кидаем, что он вложил в группу семьдесят тысяч, а мы таким образом шлем его на… А мы ему говорили, что мы должны выпустить, что сердце артиста просит этого альбома. Тогда он заявил, что будет подавать на нас в суд. Мы сказали: подавай. В суд он так и не подал, альбом романсов вышел. Буря стихла.

25 сентября 2004 года

Про Норильск.

Все три дня прошли у меня в полусне. Дело в том, что лететь туда четыре часа (половина пути до Америки) и там разница во времени четыре часа. То есть ложишься в пять утра, а в Москве только час ночи. Встаешь на завтрак в десять, а в Москве шесть утра и так далее.

Когда мы ехали из аэропорта до гостиницы, все спали. Не спал только Шура, и он сказал, что пейзаж похож на ад. Серые горы, трубы, и из них валит дым.

На самом деле это был никакой не ад, это была сказка. В смысле сон. Сначала мы ели. Потом спали — и так два дня, кроме концерта. Некоторые не спали, потому что пили.

У нас был большой антинаркотический фестиваль «Пчелы против меда», э-э… нет… «Рок против наркотиков». Поэтому поехали мы, «Серьга» и «Концы» («Концы» — это «Конец фильма»).

Из нас действительно никто не употребляет наркотиков, и мы все плохо к этому относимся. Еще была команда силачей во главе с Турчинским, которых сразу отличишь от других людей. Это порода килограммов по сто, и все — одни мускулы. У них даже задницы в штаны не помещаются — такие они мускулистые. Они были лигой силового экстрима, или, по-простому, качки. Которые таскают КамАЗы и поднимают каменные шары по 200 килограммов.

Норильск — это Заполярье, поэтому там, например, есть Заполярный драматический театр, и в магазине сувениров можно купить оленьи шкуры и унты.

Мы пролетали над каким-то морем, и никто не знал — то ли это Баренцево, то ли Северный Ледовитый океан. Потому как в географии никто не силен. Плохо учились в школе по географии.

В Норильск простой человек попасть не может. Туда виза нужна, как в Канаду. Город закрытый. Такой мрачны-ы-ы-ый. Там, наверное, жизнь проходит в сплошной депрессии. Или станешь философом, глядя на все эти пейзажи и теряясь глазами в долгой полярной ночи, или начнешь зашибать деньгу и станешь иметь отношение к «Норильскому никелю», где, очевидно, залежи денег.

Только деньги никак не сказываются на городе. Потому что городские власти жмотятся, что ли. То есть им, видно, плевать, как там что выглядит, поэтому даже у главного Дворца спорта и культуры ступени все щербатые, а рядом — горы мусора.

Цены вполне московские, равно как и доходы. Куда, блин, они это там тратят, а?

Про концерт. Пришел почти весь город. Те, кто не пришел, смотрели по телевизору — шла прямая трансляция.

Прямая трансляция. Два корреспондента местного телевидения:

— Ну что-то они никак не начинают…

— Да… Тогда пойдем поговорим со зрителями…

— Да, пойдем…

— Привет, а вы на кого пришли?

— Мы на «Серьгу».

— А вы? Вы любите рок?

— Нет, я не люблю рок, я так просто, потанцевать пришел.

— А вы на кого пришли?

— Я на «Серьгу».

Блин, смотрю и думаю: они нас там что, совсем не знают?

— А вы зачем пришли, ребята?

— А мы хотим на Бучч посмотреть.

О, думаю, клево!

— Вам нравится группа «Butch»? — У ведущей в ковбойской шляпе появилась тема для разговора, она оживилась даже.

— Не, мы отрицательно относимся. Но посмотреть хотим.

Ё-моё, думаю, это лучше, чем ничего.

У меня болело горло. Оно у любого болело бы. Потому что там минус десять было. И поэтому было неприкольно гулять. Холодно. И город очень маленький. Там живут двести пятьдесят тысяч человек.

Так про концерт. Мы спели семь песен. Начали с «Чувства на волю». Я говорю залу:

— У вас же тут проблема с выражением чувств.

Зал:

— Неправда!

Я:

— Тогда покажите это.

Зал вяло взревел.

После того как мы сыграли «Стерву», я:

— А вы вообще любовью как занимаетесь? Вы вообще ей занимаетесь?

Зал (бодрее, чем в начале):

— Да!

Я:

— Так «да» или «ДА»?

Зал:

— ДА!

Ну вот после этого у нас с ними все стало получаться хорошо. «Утренний свет» — глубокая такая песня — как-то везде там

дошла. Директор Оля мне сказала, что из зала как будто пошла тепла волна. Потом мы спели «Девчонки не плачут». Барабанщик решил сыграть в два раза быстрее. Поэтому мы чуть на сцене все не родили. Но зато людям было в кайф отрываться. Там был такой слэм, и дяденьки-милиционеры из оцепления отлично пританцовывали.

Последней песней мы сыграли «Встану».

У меня есть такой проверочный ход. Если я говорю: «А сейчас мы сыграем последнюю песню…» и зал ревет громко «нет», значит, у нас все отлично получается и мы друг другу нравимся. Ну вот, зал заревел «НЕ-Е-ЕТ», и мне показалось, что если бы это был наш сольный концерт, то мы стали бы любимой командой города Норильска.

Отлично мы поставились на уши последней песней, и мужской голос из первого ряда отчетливо прокричал: «Лена, ты молодец!» Мне было чертовски приятно.

В гримерке мне испортили все удовольствие, потому что Женька, солист группы «Конец фильма», сказал, что смотрел наше выступление из зала и это он и крикнул.

По дороге домой мы все летели и спали. Опять никто не знал, что это за море.

Прилетели в одиннадцать утра. Сейчас почти шесть вечера. Я уже час как не сплю.

Когда мы сходили с трапа в Москве, где было на двадцать градусов теплее, чем в Норильске, пацаны какие-то, раскинув руки, закричали: «Юг, бляха, юг!..»

28 сентября 2004 года

10.00. Прием у психолога.

Психолог сказала, что ей нечего со мной делать, и сказала, что это отлично, что я нахожу столько практических выгод в своей двойственности. Это и понятно — я ж хитрая морда.

11.00. Выпивание кофе с любимым фотографом и девушкой с японской палочкой для еды в волосах.

13.00. Репетиция с Павлом Кашиным в домашних условиях. Павел Кашин — приятный человек. У нас у обоих вьются кудри. У него сильнее. Мы будем отлично смотреться на концерте третьего. Это помимо того, что поем вместе хорошо. Показали эскиз гигантского рекламного щита нового альбома Павла. Оригинал был продан в Лондоне за двенадцать тысяч фунтов. Таких щитов будет по городу тридцать. Паша и его директор молодцы.

15.00. Записываем интервью на «Нашем радио», из чего выясняется:

1) что это возможно при наших отношениях с этой станцией;

2) что у них есть мой мобильник;

3) что торт на деньрожденевом концерте будут есть все, кому можно есть торт. Мы надеемся, что таких будет немного. Шутка.

16.00. Обед в секретной армянской забегаловке. Настолько секретной, что они были искренне удивлены, что мы пришли к ним есть. Выводы: долма лучше, чем лобио.

17.00. Репетиция. Я и Юта. Разложили на два голоса. У Юты оказалась специальная манера, которой она поет романсы. Юта сказала, что решила, наверное, записать альбом романсов.

18.00. Мне так нравится петь романсы, я так это люблю, что решаю дать концерт романсов. Мне запрещают это делать до выхода рок-альбома. Я страдаю, но соглашаюсь, потому что жестокие лапы шоу-бизнеса прочно взяли нас за горло, к которому тянется и рука голода. Так что это игнорировать нельзя. Пришлось отложить.

18.01. Приходит Марина Чиркунова с дочкой. Марина так дала романс, что аж шуба заворачивается. И что она в подполье с таким талантом делает? Делает свой камбэк, по последним данным. Мы все от нашего дуэта побежали мурашками. Два красивых низких и сильных голоса переплелись и всех взяли за сердце.

18.40. Пришла Лена Никитаева с девушкой. В плане, с ней пришла девушка, не подумайте чего. Размышляем над тем, нужен ли перфоманс. Я убеждаю всех, что мы сами по себе перфоманс,

ничего дополнительного не нужно.

20.00. Конец репетиции.

20.40. Прибытие домой.

21.00. Ужин и свободное время.

29 сентября 2004 года

Разговор в машине:

— И пора нам уже переписать наш райдер…

— Понятное дело, наш райдер вызывает у людей недоумение.

Светофор, встали.

— Особенно в той части, где мы требуем автобусы типа «мерседес». С видеодвойкой.

— Далась тебе эта видеодвойка. Это же мифическая видеодвойка. Все же понимают, что нам не надо никакой видеодвойки.

— Может, и понимают.

Поехали. Встали. Мелкая пробка.

— Но это воспринимают как, например, ну, например… например «всем с…ть через одного».

— Через одного?

Тут раздается голос с заднего сиденья:

— А кому не досталось, тому что?

Тишина. Голос с заднего сидения сам себе отвечает:

— Тому смотреть видеодвойку…

Короче, райдер мы перепишем.

30 сентября 2004 года

Могу рассказать, как **мы выбирали квартиры** три года назад.

Цены на жилье были нереально низкими. Потому что недавно был дефолт. И однокомнатную квартиру можно было купить за пятнадцать тысяч долларов. Ровно эту сумму мне дало ОРТ на квартиру. Почему-то безвозмездно, чего за ним раньше не было замечено. После выборов сумма выросла до двадцати пяти. То есть можно было уже претендовать на двухкомнатную не в центре. Как раз в это время у меня случилась великая любовь, и мы решили скинуться. Сумма увеличилась вдвое, и можно было искать что-то в центре.

Тетенька-риэлтер была мало того что мастер своего дела, так еще и крайне въедливая. Она показывала по пять квартир за раз и велела записывать на листочке плюсы и минусы каждой, а то потом забудем. Мы посмотрели квартир тридцать. Сразу договорились, что никто не будет никого убеждать, а купим ту, которая обоим понравится безоговорочно. И вот мы смотрели, смотрели, смотрели квартиры и ждали, какая же попросится.

Первой, я помню, мы посмотрели квартиру на Садовнической. Это улица возле Балчуга, там где речка и мостики. Очень красиво, почти Венеция. Улица была вся отреставрирована — широкая дорога и дома в стиле девятнадцатого века. Квартира была на последнем этаже, так что открывалась перспектива завоевать чердак. Дяденька-хозяин рассказал, что в доме живет какой-то крутой перец, и поэтому въезд во двор со шлагбаумом, и видеокамеры стоят. Почему же мы ее не купили? Потому что в соседнем доме была электростанция.

Потом мы смотрели дом на кольце — квартиру, где жил Немирович-Данченко. Окна выходили прямо на Садовое, и какой-то маленький правнук Немировича все еще был там прописан. Поэтому мы ее не купили.

Потом мы смотрели дом Римского-Корсакова. Это реально целый дом, который ему кто-то подарил. Недалеко от Смоленки. Прямо там то есть. В квартире жила мощная женщина с характером и ее щуплый сын. Потолки там были нереального размера — метра четыре. Особенно высокими они казались в туалете. Поднимаешь голову — как в трубе находишься. Мощная женщина сказала:

— А это у нас столовая, — и показала в угол, — а бюст я недавно выкинула.

— Какой, — говорю, — бюст?

— Ядвиги Эдмундовны. — Нет, как это мы не знаем, ну Ядвиги Эдмундовны же.

— А кто такая Ядвига Эдмундовна?

— Это сестра Феликса Эдмундовича, — гордо отвечает хозяйка.

— И что — бюст прямо в комнате стоял?

— Прямо в комнате…

Мы решили не покупать квартиру с высокими потолками, потому что — мало ли, явится дух Ядвиги Эдмундовны, а у них семейка та еще.

Была еще одна квартира с высокими потолками в нереальном доме на Пушкинской. Это такая серая громада, построенная в 20-е годы лучшими архитекторами Москвы в духе того, как они тогда понимали слово «круто». Понимали так: бетонные стены в три метра, потолки пять метров. Еще там были здоровые коридоры между квартирами. Может, они там планировали мотоциклетные соревнования устраивать, я не знаю. Еще в доме располагалось много всего — химчистка, детский сад и так далее. Архитекторы 20-х любили, когда все в одном флаконе. При том, что дом был суперским — и по архитектуре, и по качеству, и потому что Пушкинская, — он был сильно загажен, и там, судя по всему, жило много нетрезвых личностей.

Владельцем квартиры оказался ушлый мужичонка. Мужичонка — понятно почему, а ушлый — потому что квартиру перегородил горизонтально и продавал суммарный метраж: квартира плюс размер перегородки. Короче, он построил второй этажик, как на даче. На высоте двух с половиной метров у него была такая большая, как бы стеллажная, полка, которую он назвал вторым этажом. Там среди каких-то подушек тусовался его сын. Мужичонка искренне удивлялся, почему мы не хотим платить еще десятку за его стеллажик. «Она же двухэтажная, вы не понимаете…»

По нынешним временам это вообще три копейки за такую квартиру, а тогда полтинник, который он заломил, было слишком. Поэтому мы не купили ее.

Еще я помню, как нам показали кондоминиум на Чистых прудах. Стоил он нереальных денег — двести тысяч. Показали с экскурсионной целью — как у людей еще бывает. Там даже лифт был мраморный.

Помню квартиру пожилого диктора Центрального телевидения Ольги Высоцкой — на Патриарших. Дом выходил окнами на пруды, но квартиру забраковали из-за того, что окна были узкие и света, типа, мало.

Была квартира на старом Арбате. Я говорю: «Давай, давай купим, ну давай же. Сто метров, эркер, цена какая-то низкая, комнат куча. И Арбат же старый, Арбат!» А мне: «Да ну, зеваки, обос…ный подъезд. Нет». Вот он — подход лимитчика: Арбат, и вот подход москвича: зеваки, обос…ный подъезд. Не купили.

В арбатских переулках, на Сивцевом Вражке, в аккурат возле канадского посольства. Милейшая большая коммунальная квартира. В отличном состоянии. Адекватная цена. Не купили потому, что одна тетенька там делала веночки на кладбища, и вся квартира была в этих веночках.

Забраковали Дом на Набережной и высотку на Котельнической, забраковали на Смоленской, и на Новокузнецкой, и на Маяковской, хотя соседка — Любовь Полищук, и на Охотном Ряду, где владельцы — брат и сестра с догом, — потому что вид не понравился.

Смотрели квартиру в суперветхом доме. Бывший жилой кооператив актеров МХАТа. Того, Чеховского. Наверху квартира Книппер-Чеховой. Дверь открыл дяденька-еврей научного вида с бородкой и в шлафроке. В натуральном шлафроке с поясом с кистями. В квартире был круглый стол — старый деревянный, и все стены в книгах, и латунные ручки дверей, а над круглым столом низко висела лампа с зеленым абажуром. Из окна явственно виднелся Кремль. Мы ушли в заднюю комнату и зашептались. Мы хотели эту.

Когда дяденька съехал и вывез книги, стол и зеленую лампу, оказалось, что полы под углом скатываются вниз, перекрытия деревянные и потолок протекает. И надо менять все, и менять ванную и кухню местами, потому что прогнил пол и ванна вот-вот рухнет этажом ниже. Зато башенки со звездами никуда не делись и смотрели прямо в наши окна. Тут мы и живем. И с удовольствием, замечу.

6 октября 2004 года

1. Сегодня на репетиции у меня порвались штаны. Просто взяли и на одной штанине разошлись поперек, по горизонтали. А потом была деловая встреча в пальто. Это очень круто выглядит, когда все не в пальто, а ты в пальто. Очень хочется сказать: это не потому, что пафос, а потому, что штаны у меня порвались. Но нельзя.

2. Читаю книжку, где написано, что главное — это выражать индивидуальность. Только это типа сейчас и интересно. Знать бы для начала, где именно и какая моя индивидуальность, а уж я ее выражу.

3. У меня на рабочем столе стоит картинка в рамочке. На ветке сидит симпатичный такой волк и смотрит на луну. Не могу объяснить, но эта картинка мне кажется ужасно хорошей. То есть там, наверное, должна была сидеть ворона с сыром, но вместо нее сидит волчарыч такой. Я думаю, он мечтает. У него еще лапы на коленях сложены.

11 октября 2004 года

Про поездку в Самару. Двойственные впечатления.

Мизантропическая часть.

Мы ехали поездом. Это долго. И сразу стало понятно, почему Ремарк писал, что в сложных условиях, как никогда, начинаешь ценить простые бытовые радости, комфортные мелочи. Например, если в поезде нет вагона-ресторана, а остановок всего две, по пятнадцать минут каждая, и обе в ночи, и одна из них называется пугающим словом Потьма, то каким бы крутым артист ни был, но есть хочется по-человечески. А никак… Теперь я знаю, что проводнику выдают два ведра угля и к середине ночи уголь почему-то весь прогорает. Мы сидели, кутаясь в одеяла, а нас еще хотели заставить сдавать белье. Но мы не сдались.

На остановке Рузаевка ведро яблок стоило пятнадцать рублей, а полведра можно было купить за пять. Проводница сказала: «Покараульте вход в вагон, я так и быть еще полведра угля принесу».

Не то чтобы условия были прям нечеловеческие, нет — у нас с собой было почти десять литров пива, куча странной ресторанной еды, от души пропитанной уксусом, которую нам дали в дорогу, и два наших купе, но… см. первый абзац. И потом — текст мизантропический, как и было сказано.

Книжка «Ночной дозор», которая должна была скрасить дорогу, оказалась настолько посредственной, что мне удалось преодолеть только двадцать страниц. Потому что там весь смак заключается в наличии в Москве противоборствующих волшебных сил. А когда все это уже знаешь, интриги не остается. Так что это литература «на троечку» и даже без чувства юмора. Да простит меня Лукьяненко. Это же экшн — рубятся, мочатся, а диалоги-то и не вспомнишь.

Еще у меня был с собой последний номер журнала «Роллинг стоун», где было напечатано интервью с Джоном Ленноном 1975 года. Это просто срыв башни какой-то. Вот вы когда-нибудь читали интервью с парнем, который умер, того времени, когда он был жив? Это очень странно. Он пишет, что год не был с Йоко и что вот уже три дня как они вместе. Что только что оформил юридически разрыв с «Битлз» и все финансы оформил, рассказал, как ходил на концерт Джорджа (Харрисона) и что тот не в лучшей форме, с его точки зрения. Говорит про пару своих пьяных дебошей, как бегал с женской прокладкой на голове, которая почему-то крепко села, и спрашивал у официанток: «Ты знаешь, кто я?» И как собирается дожить до шестидесяти. Читаю и думаю:

парень, ты же давно умер…

Последним мизантропическим впечатлением была прогулка по улице Михаила Агибалова и вдоль парка имени Щорса. Мы шли мимо деревянных развалюх и спорили:

— Да тут не живет никто. Вон как все набекрень и какое все ветхое и пыльное.

— А спорим, живет? Целый район таких домов не может просто так стоять.

Тут из дома, в котором люди жить не могут, вышли три человека в тренировочных штанах с вытянутыми традиционно коленками (вернее, третьей был тетя с задницей крупной величины, обтянутой лосинами), и все трое стали чинить звонок в совершенно покосившемся доме. Вернее, тетка всем указывала.

— Ненавижу такую породу баб, которая мужикам вечно указывает, как и что делать. Вот специально же вышла указать. У меня тетка такая же.

— А я даже не знаю, какие там породы есть…

За разговорами мы обошли этот район, который вызвал во мне такую неизбывную тоску, что захотелось пойти и надраться в стельку. Но вместо этого мы купили мне шоколадку с орехами. Малость отлегло…

Филантропическая часть.

На нашем концерте было тысяча двести человек. Мне подарили: пять гигантских букетов сложного сочинения в кудрявых обертках; одну бутылку водки «Белая березка» — ледяную и запотевшую; одну горилку «Немиров»; одну бутылку красного вина; две бутылки шампанского и один рисунок.

Зал пел слова хором. Мы были поражены.

Концерт происходил в половине второго ночи. Люди приехали, помимо Самары, из Ульяновска, Новокуйбышевска, Димитровграда и откуда-то еще.

Когда мы пели «Шелковый путь», люди жгли зажигалки, когда пели «Девчонки не плачут», они пели все припевы.

Единственное, чего мне хотелось бы добавить, — это больше диалога с залом. То есть он был, но по ходу они ждали, что вставит, а не то, что им будут истории рассказывать. А мне интеллектуальный контакт нужен, лично мне он нужен ничуть не меньше, чем переполненность энергетикой нас всех.

Мне тут сказали: может, люди не ждали и не были готовы, что я с ними буду разговоры разговаривать, как в Москве. А может, все по-другому — потому что их так много было. Еще мне в объяснение рассказали анекдот.

Один чувак проводил отпуск на даче, работал в огороде, все там себе делал красиво, с лопатой не расставался, мозоли натер

даже. Вот он вышел на работу и едет в лифте с секретаршей, девушкой без чувства юмора.

— А откуда у вас мозоли такие, Михаил? — спрашивает она.

— Это я по вам так скучал, Наденька, — отвечает он.

И девушка расплакалась.

Еще про Самару.

Мы жили на вокзале. Фраза звучит так, как будто мы бомжи.

На самом деле там вокзал круче, чем аэропорт Домодедово, — такая конструкция из голубого стекла нереальная. И гостиница там нереальная. На ночь после концерта мы посмотрели в номере кусок фильма, где дяденьке одному вырезали яйцо, и он все равно хотел иметь его при себе. Поэтому послал друга скрасть яйцо. Тот его долго пытался скрасть, потом уронил в лестничный пролет. Яйцо упало прямо на поднос, который уносили в столовую. И там один доктор его съел вместо пирожного.

Еще нас там все время кормили. Это такое гостеприимство. И поскольку там «Жигулевское» пиво, нам с собой его дали ведра. Пацаны взяли и выпили почему-то на обратном пути. Все до капли.

Сегодня мы приехали с утра, и целый день все хотят спать. Потому что, пока мы были на гастролях, наступила зима.

14 октября 2004 года

Мы уезжаем в Кишинев, а оттуда в Одессу. Там довольно тепло, судя по прогнозу.

Очень странно трансформируются желания. Сначала я боюсь летать самолетом и могу ехать как угодно долго, лишь бы не лететь. Потом я пару раз езжу сутки на поезде и понимаю, что мне безумно жалко времени, которое я провожу в этом вот самом купе. И хочу лететь.

Мы еще не нюхали настоящего тура, когда переезжаешь из города в город. Но я могу представить себе, как это переносится. Поэтому не удивляюсь, что господа артисты часто запойно пьют или еще чего. Потому что это такой детский календарик-переливашка: вот он весь расфуфыренный идет в Москве на вечеринку, и показывают по телику, как его одолевают толпы поклонников. А чуть календарик повернул — и вот он уже в трениках трясется в поезде, скажем, Москва-Кишинев, или летит, или едет автобусом из мегаполиса в тьмутаракань и обратно. И так двадцать раз за месяц. И серьезно задумываешься, во что превращаются мечты, когда они сбываются.

Мы решили найти себе клавишника. Чтобы музыка была современной и изобиловала разнообразной электроникой, группе нужен клавишник. Желательно такой, чтобы соображал в компьютерах и современных музыкальных тенденциях. Нашли вроде бы такого парня. Но с ним звук стал напоминать восьмидесятые. Мы это поняли на репетициях. И тогда стали искать саунд-продюсера, ездить по аранжировщикам.

Первым, к кому мы поехали, был Женя, который работал у Линды. Он сказал: «Восемьсот долларов — и вам не придется париться». Первый раз мы там у него услышали еще сырой новый альбом Линды. Потом поехали к аранжировщику Боре. Отдали ему свою песню и попросили сделать примерную аранжировку. Приезжали к нему в студию на Таганку. Его работа тоже стоила в районе восьмисот долларов. Ездили еще к пацанам из группы «Токио». У них все было круто, своя репетиционная база. Сказали, что будет стоить тысячу. А потом сказали, что времени у них нет и заняться они с нами не могут. После этого мы поехали посоветоваться к Лене Бурлакову. (Леня Бурлаков — это независимый продюсер, тот самый, который открыл «Мумий Тролля» и

«Земфиру».) Леня послушал наши песни и сказал, что поменял бы весь звук. Мы вздохнули и сказали, что сами хотим того же. В конце Леня добавил, что в России бог звука один — это Самсонов.

Про Андрея Самсонова мы слышали только то, что он делал звук на альбоме Земфиры «14 недель тишины», создавал звук группе «Мультфильмы» и колдовал над последними альбомами «Аквариума». Известно было, что живет он в Питере. Мы как-то очень быстро нашли его телефоны…

У нас как раз был концерт в Питере, в клубе «Старый дом». После него мы встретились с Самсоновым в приличном итальянском ресторане. Выглядел он как реальный фрик с белыми всклокоченными волосами. Мы быстро обо всем договорились, а потом поехали к нему домой. И он нам ставил до полуночи песни Земфиры и еще каких-то перцев, и мы пили коньяк.

Видели двух его котов по имени Вегас и Сверх, которые дико носились, и его фотографию с английской королевой. Еще у него дома была девушка, которая появлялась и исчезала с загадочной улыбкой. Он в лицах изображал свои аранжировки, чертил руками пассы в воздухе, показывая, где какой инструмент. Мы ушли совершенно им покоренные. Потом отправили ему из Москвы три песни. И он нам прислал три волшебных варианта.

Мы поехали их записывать с Шурой и Пафой. Жили в какой-то странной квартире, ребята спали на настоящих синих школьных матах вместо кроватей. Потом мы стали ездить время от времени в Питер, записывать партии на студии группы «ДДТ». А потом Самсонов прислал нам сделанные три песни в готовом варианте, и Пафа сказал: «Матерые хиты». И тут мы поняли, что счастье есть, потому что у нас такие отличные песни и нет никакого сомнения, что их сразу все полюбят.

Нам было важно на концерте играть новые песни, чтобы доказать фэнам свою потенцию. В том смысле, что новые песни есть, что коллектив живет и развивается. Мы составили план, по которому в апреле должны были выпустить альбом. А был еще только февраль, и у нас были три готовые песни и три наброска. И мы поехали делать еще песни. Итого у нас получилось десять песен.

Стояла радийная тишина. Ни с одной радиостанции не было ни слуху ни духу о группе «Butch». Я звоню

Михаилу Козыреву и говорю: «Миша, наконец-то мы записали альбом. Послушай его, пожалуйста, и выбери что-нибудь для своей радиостанции». Мы были в Питере, сидели глубокой ночью в каком-то пивном заведении, довольные записью, которая только что закончилась. И тут позвонил Козырев. Мы с ним разговаривали полчаса по мобильному телефону. Он сказал, что его эта музыка не возбуждает, что это не рок-н-ролл, что это полная фигня и что на радио он это ни за что не поставит. Мир опять рухнул.

18 октября 2004 года

Я прочитываю тонны Агаты Кристи. Почему? Потому что я живу в поезде, а что, спрашивается, там еще делать человеку, который не пьет?

«Карманы, полные ржи» и «Убийство в доме викария», «После похорон» и «Отель Бертрам». Славная старушка мисс Марпл, высокая, с вязаньем в руках и с проницательным взглядом. Инспектор Нил, который выглядит полной деревенщиной, а на деле очень, очень способный офицер в твидовом костюме.

А в это время люди на станции Сухиничи ходят, все обвешанные гигантскими игрушками, гроздьями зайцев и кошечек, парой тигров. Они кричат: «А вот кому слона». Слон химического фиолетового цвета и ростом в полчеловека. Не дай бог проявить интерес, потому что тебя сразу окружают человек тридцать сумасшедших игрушечников, и все хотят впарить тебе своих животных.

Семейство Фортескью вымирает один за другим при загадочных обстоятельствах. Все это происходит в родовом замке под названием Ютри Лодж. На завтрак они едят настоящий тминный кекс, ирландский джем, горячие булочки с маслом, сэндвичи и пьют из настоящих английских чайников настоящий английский чай. «Как давно я не пробовал настоящий английский чай», — говорит только что приехавший из Южной Африки Ланс Фортескью.

На станции Котовск Одесской области мы покупаем то, что нам выдали за вертуту. Это большая булка со смутными следами брынзы. Холодная картошечка с огурцами, взятая с собой колбаска и классика — курица и холодные вареные яйца — вот что скрашивает поездной досуг музыканта. Мы спорим, как правильно по-командировочному заворачивать курицу — в фольгу или в газету. Некоторые доказывают, что настоящие командировочные носят ее в маленьком чемоданчике, где она лежит без всего, вперемешку с носками.

Зато у нас с собой есть соус табаско, который окончательно делает нас белыми людьми, и старые полковники и пожилые леди салютуют нам, как настоящим белым людям в путешествии.

20 октября 2004 года

Из хорошего: меня перестало парить то, что падают самолеты. Спорю: есть куча народу, которые поймут, что это чистый подвиг с моей стороны. Ну хотя бы парочка человек.

Еще подвиг: поездка до метро «Люблино». Это:

а) ужасно душно; б) куча народу — почему всем нужно именно туда? в) если думаешь о том, как проходит станция за станцией, то это страшно долго.

Там пожилой гражданин передал мне недоверчиво как-то («А вы правда Лена?» — «Да, правда» — «Тогда это вам») настоящие метрики моего дяди для моей мамы. Нет, мой вопрос к небесам: почему, когда родственники что-то передают, — это всегда в такой жопе? В прошлый раз это был какой-то пакет от тетки, и передавалось это все перекладными от Кузьминок.

Впечатление дня — русские духи. Духи «Акваспорт» выглядят как «Давидофф», духи «Ты и я» — вылитые «Шанель Аллюр». Одна особенность жанроопределяющая — долго выветриваются и к концу дня пахнут чуть по-тараканьски. Есть духи для мальчиков и для девочек.

— От шести лет, — сказала мне продавец.

— Зачем же детям шести лет духи?

— Чтобы они всякую гадость родительскую на себя не лили.

Понятно, думаю, у них гадость своя.

22 октября 2004 года

Сегодня день вполне ленивый. В стратегическом смысле — мы ожидаем.

Мы ожидаем, когда пара перцев примут насчет нас решение, и в свете этого, говоря канцелярски, горизонты раздвинутся или нет.

Поскольку я представитель богемы, а не клерк, то деть мне себя сегодня решительно некуда. Вчера в компе сделалась песня, только нету слов. Это мне оправдание, почему сегодня меня не прет писать. У меня есть коронная отмаза: «я же живой человек». Или вот еще одна: «мы же не клерки…».

Ну и поэтому сегодняшний день нельзя назвать особо результативным. Один отказ по телефону — важный, деловой, один переписанный диск для отправки саунд-продюсеру, три часа слоняния по квартире, полтора часа спортзала.

В голове вертятся две строчки, к которым никак не прилипает остальное. Я лениво отмахиваюсь. Видно, не время. Строчки такие:

> …и мы уже прожили жизнь в поездах,
> и все прочитали, что только могли…

Пришла Люда. Она убирает. И все время ворчит. Она ворчит так, что ясно — это все адресуется мне. Сегодня Люда пришла и сразу стала что-то пересыпать и ворчать. В это время мое бренное тело лежало аки камбала и спрашивало, может оно среди дня заснуть или нет. Люда разговору помешала, потому что стала мне громко кричать:

— Могли бы и предупредить о камнях.

— О каких камнях? — Камбала переворачивается.

— Об этих вот. — Люда показывает миску со стекляшками.

Мне становится все понятно. Стекляшки были в вазе на дне — в воде, где стояли цветки. Цветки погибли, поэтому Люда их выкинула, а воду вылила. В унитаз. Там она, понятное дело, обнаружила стекляшки. И была вынуждена собирать их в мисочку.

Услышав эту историю, мой директор сказала: «Я бы на месте Люды вам эти стекляшки затолкала…» Продолжения не последовало.

23 октября 2004 года

Тетенька с цветами молилась Тимирязеву. Она стояла, шевелила губами и крестилась. Она кланялась несколько раз, а потом положила цветочки к ногам каменного Тимирязева.

— Может, подойти, огорчить и сказать, что памятник-то Тимирязеву?

— Не стоит. Кайф обломается.

Сейчас я буду жарить мясо в рукаве. Рукав — это целлофановый пакет специальный, куда засовываются кусочки мяса, — и в духовку. Через полчаса готовое мясо достается. Я понимаю, что я совсем не выгляжу как человек, который будет готовить мясо в рукаве, но лучше знать правду.

В бассейне дяденьки с длинными волосами активно пялились.

— Наверное, потому, что у нас купальники одинаковые.

— Нет, потому, что у тебя фигура хорошая.

— Да нет, наверное, потому, что мы просто люди, которые приковывают к себе внимание.

— Фигня, они и сами такие перцы, что совсем не стереотипные. Можно вполне на них пялиться тоже.

Очень хочу начать верить в Бога. Я, наверное, созвонюсь со знакомым священником и попрошу его меня убедить. Я очень хочу.

24 октября 2004 года

Отчего-то осенью сжимается сердце, и не могу объяснить, собственно, почему. Особенно сжимается осенью на бульварах. Поэтому мне больше нравится вечером осени, чем днем. Когда вечер и огни — все однозначно, не то что сумрачный день с оголяющимися деревьями.

Сегодня никто не молился Тимирязеву, в какой-то момент показалось, что парень молится Гоголю, но он просто фотографировал девушек на постаменте и наклонился.

Где-то мне встретилась фраза: «Я делаю покупки, следовательно, я существую». Не знаю, может, я знатный шоппер, а может, нет, но что-то психотерапевтическое в делании покупок явно есть. Даже если покупаю не я, а я просто смотрю. Зато я могу померить ядовито-желтое пальто. Оно мне мало и ядовито-желтое, как было сказано, но это приятно — видеть себя в нем в зеркале, пока твой друг, зайдя в магазин просто погреться, покупает штаны, которые, как внезапно оказалось, другу страшно нужны.

Мы обсудили, сколько штанов может быть у человека, и решили, что столько, сколько он хочет. Главное, что задница одна.

Мне поставили пятьдесят спутниковых каналов. Сижу и спрашиваю, когда уже все поставили: зачем это мне, когда я в принципе не смотрю телевизор. Человек — существо парадоксальное.

Я хочу РА-БО-ТАТЬ. Я ненавижу выходные. Придется научиться занимать себя, как поступают взрослые люди. А я они и есть. Значит, мне будет легко.

26 октября 2004 года

Как известно, я проверяю свои нервы, а заодно и все остальное, раз уж так пошло. Должны же люди иногда проходить диспансеризацию. И каждый раз врач, глядя на очередные анализы, говорит «изумительно» — как будто с сомнением, что анализы мои.

— А чего вы ожидали? — спрашиваю я ее прямо и честно.

— Эт-того, эт-того… — говорит она неуверенно.

И вот наконец она сказала, что мне не миновать гинеколога. Каждый уважающий себя человек должен ходить к гинекологу два раза в год, сказала Ирина Борисовна.

— А вы?

— Ну-у, я… я хотя бы раз в два года. А вы?

— Я… Ну, по-моему, это было один раз, лет двенадцать

назад, в пединституте. И у меня остались смутные воспоминания о каком-то кресле и о том, что это как-то все неловко.

— М-да, — протянула она. — Я тогда найду вам хорошего специалиста.

Действительно, думаю я, а вдруг гинекология чудесным образом изменилась за двенадцать лет? Ну, как стоматология. Вот десять лет назад зубы отбойным молотком без обезболивания, а сейчас — нате вам — все без боли и сверкающие белые кабинеты.

Может, они там, в гинекологии, давно уже ликвидировали всякие кресла и все такое. Хотя лучше готовиться к худшему. Мисс Марпл у Агаты Кристи всегда так поступала и была права. Я же фэн Агаты Кристи.

Звоню врачу.

— Центр планирования семьи. — Интонация вверх.

— А можно мне Евгению Вячеславовну?

— Вы по направлению?

— А направление — это бумажка или слова «Я от Ирины Борисовны»?

— Значит, по рекомендации.

— Ну вот, мне записаться надо.

— Вы по программе ОПС или ТНК? — Может, это у них какие-то специальные гинекологические термины, а я их не знаю просто?

— А что это?

— Ну, это лечение бесплодия и искусственное оплодотворение.

— Мне бы… м-м-м… к просто врачу…

— К просто врачу — 400 рублей.

Мы ударили по рукам.

Один мой гадкий друг решил заставить меня все-таки пойти по программе. Раз уж, типа, так сложилось. Убью.

28 октября 2004 года

…В галерее Церетели выставка про Тибет. Вся галерея полна монахов в бордово-оранжевой одежде. В одном месте стоит очередь на благословение. На непонятном языке монах читает что-то и прикладывает к голове какую-то медную штуку. В другом углу трое монахов делают из песка мандалу — это такой ковер из песка. Они его сыплют через трубочки разного цвета, и таким образом получается рисунок. Я спрашиваю: «А почему из песка-то?» А мне сзади тетенька говорит какая-то: «Потому что все сущее непостоянно».

Еще в одном углу еще один монах делает из масла картины. Выглядит, как будто он из пластилина лепит. У него там стоит тазик с водой, в который он макает разноцветные заготовки и потом из них вылепливает всякие статуэтки. Очень разноцветно получается. Переводчик сказал, что такие штуки могут стоять до трех лет. Если их руками не трогать.

Еще там была выставка фотографий Ричарда Гира. Особенно меня удивила одна фотка — с домиком. Под ней комментарий: «Здесь я жил и практиковал». А что практиковал? А мне говорят: ну что ты, не понимаешь? Медитировал он.

В общем, мне стало понятно:

1) что я ничего про Тибет не знаю;

2) что мне интересно;

3) что Ричард Гир практикует, а я нет.

По залам по-домашнему ходил Церетели. В галерее — постоянная выставка его работ. Такое ощущение, что он, как ребенок, все что ни произвел — все и выставил напоказ. Вызывает симпатию нелепость строений, искреннее его восхищение самим собой и желание со всеми этим восхищением поделиться. Там даже постоянно по телевизору крутят фильм про Зураба под названием «Десница мастера». Десница мастера…

29 октября 2004 года

До меня дошло, что у меня нет друзей. То есть у меня один только друг, который вечно работает, и один друг на работе. И мне стало себя жаль. Как взрослый и самостоятельный человек, я пишу у себя на бумажке: «Срочно завести друзей и поддерживать с ними отношения». Особенно важно, чтобы с другом было интересно, потому что интеллект — он требует сатисфакции, как бретер, и постоянно задирается и требует, чтобы с ним кто-то сошелся.

Еще я читаю одну психологическую книжку, очень хорошую и очень умную. Там написано: «…И тогда дети понимают, что их любят, и с возрастом начинают считать мир безопасным местом, и учатся преодолевать трудности». И думаю: я считаю мир чертовски опасным местом. Что-то со мной не так? Э, нет, со мной все так. Просто я не циник. А зря.

Приколы дня:

1. Свежекупленная книжка по бодибилдингу для всех. Вот, думаю, наконец мне все объяснят, как правильно. Прочитана уже половина книжки. Эта половина полностью посвящена изгнанию глистов. Автор утверждает, что у 99 процентов людей — глисты, просто они этого не знают. И если они тощие, то у них есть глисты. Если толстые, то тоже есть — какие-то свои, для толстых. Если средние, то тоже не страшно — у них есть свои, для средних. И вот он описывает метод номер один по какой-то Семеновой, где каждые два часа — клизмы. И так две недели. Он пишет, что при этом ходил на работу. Я не понимаю, как он все-таки это проделывал. То есть как он проделывал клизмы не сходя с работы. И там, кстати, есть одна клизма, с которой нужно заснуть. То есть сделал клизму и не бежишь никуда, а засыпаешь. Он говорит, что ему удавалось.

Оставшуюся первую половину книги он живописует другие методы, типа: корни чего-то там, и отвар из вот этого, и грелку на печень. В общем, все в таком духе. Читаю и думаю: когда же бодибилдинг начнется? И вот он начался сразу после глистов. То есть когда до конца страниц тридцать осталось. Я еще только читаю…

2. Мне сказали, что в мое отсутствие звонила какая-то женщина, говорила «мне плохо» и рыдала в трубку. Звонков на автоответчике оказалось и правда штук десять. «Лена-а-а… я умираю-у-у… я медленно умираю… возьми трубку… ты же дома… (с чего она так решила — не понимаю) ну возьми же трубку… ах, какая черствость… как мне плохо… блин… ну не

игнорируй меня… ведь мне так плохо…» и т. д. И так десять раз.

Перезваниваю.

— Я медленно умираю. — Всхлип. Я в ужасе. — Медленно… а-а-ы-ы-ы… умираю-у-у-у…

— Валя, от чего ты умираешь, скажи мне, что случилось?

— У меня… а-а-а-ы-ы-ы… не приняли сценарий, сказали: «Борисова, заткнись, ты не пишешь ничего путного» а-а-а…

— Это все?

— Нет, у меня ампутируют ногу. Ну и х… с ней, с ногой, буду без ноги давать концерты…

— Валя, какие концерты, ты же сценарии пишешь?

— Ну да, меня завтра оперируют.

— Какая операция, говори же?

— Ну, какая-какая, послезавтра, мениск…

— Блинский перец, Валентина, у меня обе ноги оперированы по поводу мениска. Что ты мне втираешь, это несложная операция!

— А-а-а, тогда скажи, что меня любишь, я такая пьяная. — Плачет.

— Валя, я тебя очень люблю…

Записав второй альбом, мы пошли в свою звукозаписывающую компанию, с которой уже помирились после выхода альбома романсов. Наш продюсер Максим сказал, что это не песни, а какой-то поток сознания и что он там ни одного хита не видит. Поэтому и пальцем не шевельнет для раскрутки и выхода этого альбома. Но песню «Не дали» все-таки для верности отнесли на радио «Максимум». На следующий день мы услышали ее в утреннем радиоэфире и не успели еще обрадоваться, как выяснилось, что станция песню не берет, потому что весь эфир занят подготовкой к «Максидрому».

В этот трудный момент нам помогла Капа Деловая. Капа — это ведущая журналистка «Московского комсомольца», она ведет там рубрику «Мегахаус», посвященную современной музыке, и каждый год устраивает в Лужниках одноименный рок-фестиваль. Капа сказала, что вот-вот состоится «Мегахаус», и попросила нас там выступить. Она взяла песню «Не дали» и во второй раз отнесла ее на радио. И на следующий день песня появилась в эфире. Потом позвонил наш продюсер Максим и сказал, что они разместили песню. Это была неправда. Но это уже было

неважно. Долгое радийное молчание было нарушено. Наша песня звучала и поднималась в хит-параде.

Поскольку мы всем растрезвонили, что собираемся выпустить альбом весной, но так и не сделали этого, было решено подготовить спецвыпуск с несколькими песнями для фанатов. Мы специально изготовили сто эксклюзивных дисков и раздали их поклонникам. Там было две песни и, как я это называю, «Речь товарища Ким Чен Ира» — мое обращение к поклонникам, в котором мы всех благодарим за терпение и говорим, что хоть альбом и задерживается, мы рады им отдать наши песни.

Весной же мы прекратили давать концерты романсов. Потому что поняли: нужно сосредоточиться на одном, нужно заниматься рок-музыкой. К концу весны, как нам казалось, альбом был практически готов, и наш продюсер Максим даже предложил его выпускать. Но мы поняли, что из этого ничего не выйдет, так как ничем, кроме одной песни, альбом не поддержан. Мы стали искать покупателя на альбом. Сделали нарезку из песен. И тут стали происходить странные вещи.

Компания «Мистерия звука» сказала, что не будет выпускать альбом «Butch», потому что это не карма. «У нас один раз уже ничего не получилось, а мы к этому относимся суеверно. Никогда не стоит иметь дело с тем, с кем один раз не получилось. Не карма».

Потом мы встретились с Аленой Михайловой, бывшим директором «Реал Рекордз» и независимым продюсером (она ведет сейчас группу «Уматурман»). Алена сказала, что «Не дали» — отличная песня, а больше она там хитов не видит. И далее на связь уже не выходила.

После Алены мы поехали в компанию «Никитин». Леша Никитин, глава компании, сказал, что не может выпускать альбом, потому что его должен выпускать Максим: «Максим — мой друг, я не хочу с ним ругаться. Когда речь идет о бизнесе и о дружбе, я выбираю дружбу». И отказал нам.

Все это время наш продюсер Максим не выходил на связь. Отношения с нашей звукозаписывающей компанией становились совершенно виртуальными…

Не дали

Целоваться — это сложно,
Все взорвется изнутри.
Все, что мы друг с другом можем
Максимум, — поговорить.

Припев:
Кто сказал «равны»?
Мы не равны.
И как всегда
В любви две стороны, две стороны —
Одной не дали.

Так отважно, так без дрожи
Взять случайно и обнять.
Все, что мы друг с другом можем
Максимум, — потанцевать.

Припев:
Кто сказал «равны»?
Мы не равны.
И как всегда
В любви две стороны, две стороны.

31 октября 2004 года

Маяковский писал, что у каждого уважающего себя поэта должна быть записная книжка. Пришлось завести.

В ней, в частности, записаны две строчки. Пока не знаю, что с ними делать.

Строчки такие:

Звуки труб
И раскаты губ.

Сегодня привезли альбом полностью. Я скрываю свою радость. Потому что просто не умею выразить такую сильную.

1 ноября 2004 года

Начать с того, что билеты нам передал Кобзон. Раскрыл свой коричневый саквояж и сказал: «Тэк-с, вот для «Butch». А тут еще какая-то группа быть должна, не помню названия». Подбежал паренек и забрал билеты для «Отпетых Мошенников». «Уф, — сказал Кобзон, — теперь все раздал».

Сегодня ночью мы были в Киеве и сыграли два концерта — один в два ночи, другой в четыре.

Мы играли вместе с «Фабрикой», Титовым, Дубцовой, «Корнями», «Мумий Троллем» и уймой украинских исполнителей. Никто не спал. В пять утра все растусовались по Борисполю. Ждали самолета на Москву. Бодрее всех были фабричные девушки. Они сидели на чемоданах и обсуждали вопрос, что снимать их гораздо интереснее, когда они так, не спамши, сидят на чемоданах. Дохлее всех были «Корни». Валялись, умученные, в аэропортовских креслах. Мы были так себе, средними. Мы везли с собой ужин, на который набросились, как только зашли в самолет. «Мошенники» были самые тихие. Туда — хлестали вискарь, обратно — спали.

На Украине была полная свистопляска. Ждали чего угодно, вплоть до бэтээров в городе. Наши друзья бегали каждые полчаса, чтоб следить за прямым эфиром из Избиркома, кто ведет и как там оно. Или звонили друзьям с вопросом: «А сейчас кто?» А мы в это время метались между двумя площадками и двумя саундчеками.

Мы сказали, что не верим в победу демократии.

Перед нами простиралось поле, полное людей, хлеставших халявное пиво и поливавших им друг друга. К двум ночи остались те, кто решил стоять до утра, насмерть, потому что метро закрылось. Пива ими было выпито уже море. Было холодно. Но они обливались холодным пивом.

Мы сказали, что они отлично зажигают. Это была неправда. Особенно неправдой это было на площадке в четыре утра. Потому что кондиция зрителей наводила на мысли.

4 ноября 2004 года

В автошколе преподаватели похожи на всех военруков, которых я знаю, сразу. Боюсь, включатся рефлексы. За мной числится даже военруконенавистнический акт. В 10 классе на военной подготовке мне довелось разрисовать свою заднюю парту портретами военрука, который в этот момент что-то объяснял про помывку людей в водоеме на случай атомной войны. В центре картины была большая пожилая ворона с портретным сходством с военруком и с ружьем в руках. Тут меня и застали и отправили к директору. Но директора не было на месте, так что все обошлось.

В группе тридцать четыре человека. Из них тридцать девушек. Куды бечь? Тенденция, однако.

5 ноября 2004 года

За последние годы время сильно повысилось в цене.
Мне сегодня эта фраза приснилась. Что бы это значило?

6 ноября 2004 года

Скоро мы наконец подпишем контракт, и жизнь наладится. В нашем альбоме четырнадцать песен, и мне они нравятся.

Отличная погода.

Сегодня разговаривали с режиссером насчет клипа.

Вечер у меня начался в шесть вечера, и если бы мне сказали, что времени двенадцать, то ничто не остановило бы меня от крепкого и здорового сна. Это мантра, я так думаю. Потому что внутренняя тревожность свойственна творческим натурам. Некоторые даже считают, что это плата за такую профессию. Но некоторые ошибаются, еще немного — и все будет зашибись. Нужно только поменять точку зрения или проявить терпение. Это мантра.

Второй альбом и фестиваль «Чартова дюжина» в Лужниках.

Тем временем мы с ребятами из группы прослушали весь альбом, который нам прислал Андрей Самсонов из Питера, и написали ему кучу замечаний, потому что поняли: если в первые несколько песен он вложился по полной, то остальные тихо слил. После этого Самсонов прислал письмо, что готов с нами расстаться, потому что, типа, нас его работа не устраивает. Мы вызвали Самсонова и поговорили с ним. Решили, что если каждый из нас не сделает все, что он может, то смысла в сотрудничестве нет никакого. И Самсонов переделал песни.

А тем временем наступало «Нашествие», и мы поняли, что выступать там не будем. Наверное, нам припомнили февральское выступление в Лужниках на «Чартовой дюжине»…

В русском роке, как в настоящей армии, существует своя табель о рангах. Если ты сержант, то можешь спеть одну песню и в телетрансляции тебя не покажут. Если полковник или генерал, то поешь много песен, тебя снимают, берут интервью, твое выступление сопровождается шоу, которое берут на себя устроители. Мне кажется, проблемы с «Нашим радио» были у нас во многом из-за того, что мы никогда не соблюдали эту табель о рангах, всегда слишком торчали над волной, чем, наверное, тогдашнее руководство станции раздражали. Они не знали, чего от нас ожидать.

На фестивале «Чартова дюжина» в феврале 2004 года мне полагалось спеть две песни. Но на одну из них — «Не дали» — мы придумали целое шоу. У меня было свадебное платье. Мы специально съездили на «Мосфильм» и выбрали там среди десятков то, что похоже на свадебный торт. Надо сказать, что я смотрюсь в свадебном платье очень специфическим образом. Откровенно говоря, тот, кто знает меня в жизни, испытывал шок, глядя на эту картину. В этом и был смысл — предстать в совершенно другом имидже. У меня еще и фата имелась. Конечно, никто не ожидал увидеть такого брутального персонажа, как Бучч, разнаряженным в белейшее свадебное платье.

Выступление было таким. Я выхожу в платье, полпесни пою, потом выносят гигантское красное сердце. Я разрываю его пополам, бросаю половинки в зал и снимаю с себя платье прямо на сцене. И так допеваю песню. Это было смелое и запоминающееся зрелище. Нам, по-моему, не простили того, что мы опять нарушили табель о рангах, не тихо себе спели и ушли, а устроили шоу.

Возвращаясь к «Нашествию». В этот раз мы поняли, что наша звукозаписывающая компания совершенно не будет для нас ничего делать. Почему? Потому что «Нашествие-2004» полностью было построено на воссоединении группы «Наутилус Помпилиус». Дело в том, что наш продюсер Максим продюсировал одновременно и Бутусова. И никак не хотел использовать тогдашнее свое влияние на «Нашествии», для того чтобы мы сыграли на фестивале. Хотя мог.

И мы поняли, что больше с Максимом точно не будем работать. И назначили встречу в компании «CD Land». Там послушали наш альбом и просто охренели. И сказали: «Очень круто, мы готовы его издавать».

7 ноября 2004 года

Одна из мам сказала:

— …И он обо мне не заботился.

— Как, — говорю, — не заботился?

— Всегда засыпал в театре.

Вот, думаю, какая незадача. На самом деле я тоже всегда засыпаю в театре. Сколько меня ни водили на продвинутые постановки, дело заканчивалось одним — характерным посапыванием.

И тут происходят Овидиевы метаморфозы. Не то чтобы тетенька трахалась с ослом, как писал товарищ Овидий, а просто мне захотелось пойти в театр.

И вот что оказалось: в «Ленком» просто так пойти нельзя. Есть хитрая схема, когда сильно заранее или когда в субботу в определенное время снимается бронь и людские потоки могут хлынуть в билетные кассы с такого-то по такой-то час и т. д. Мрак.

Хотелось чего-то предсказуемо хорошего и чтобы по внятной пьесе. В итоге был, конечно, выбран ТЮЗ.

Там шла пьеса Агаты Кристи с Ясуловичем в главной роли. Еще там играла эффектная блондинка в явном и гласном закосе под Марлен Дитрих, не будь она ростом под гвардейца делана. А так чистая Марлен. Ясулович играл отлично. Куча народу курила на сцене. Это у них, видимо, правда жизни. Декорация Англии состояла из дыма, который изображал английский туман, и перевернутых черных зонтов. Зонтов, по моим подсчетам, было 288 штук.

Эффектная блондинка была так занята тем, что она эффектная блондинка, что забывала играть. В эпизодической роли сидячего человека был занят главный герой фильма «Даже не думай». Этот факт отлично характеризует московские театры. Всегда встретишь там знакомую морду. Жалко, что киноартисты по улицам так просто не ходят. Хотя ходят. Мне вчера встретился Юрий Соломин, по-моему, возле ЦУМа. Он был в котелке.

В буфете были бутерброды с красной рыбой и тортики. А мне ничего этого нельзя. Пришлось есть низкокалорийное желе в стаканчике. Потому что ничего не съесть в антракте — это, мне кажется, неправильно. Тут у меня взяли два автографа. Что было очень приятно. Еще два взяли в очереди за пальто. Что было еще приятнее.

В самом конце спектакля блондинка зарезала главного героя. Прямо под занавес. И через пару секунд они вышли кланяться.

Это непорядок. Как же можно поверить, что его зарезали, прочувствовать? Только соберешься, а он тут уже, на поклон вышел.

Цветов артистам не дарили. Это мне тоже не понравилось. Мне сказали, что театральные традиции просто вымирают. Еще дамы должны по правилам сменить уличную обувь на туфли и так пойти в зал. Но никто, по-моему, этого не делал.

Спектакль длился три часа. Интересно, когда он сойдет со сцены, актерам можно будет зонты по домам забрать?

9 ноября 2004 года

Пара возможных вывесок:

«Аптека 37,2»

«Магазин женского (мужского) постельного белья»

Водители постоянно разговаривают с другими водителями. Это безнадежное занятие, потому что другие водители их не слышат. Но монолог за рулем все равно не прекращается: «Куда ты поехал… Вот пример того, как один придурок может занять две полосы… Ну чего ты мигаешь… Мигай-мигай… Куда ты, куда ты поворачиваешь…» Оказывается, на дороге не набор механизмов, а взаимоотношения. Есть табель о рангах: владельцы шестых «Жигулей» всегда знают, что они не крутые и что «мерседесы» всегда позволяют себе лишнее.

10 ноября 2004 года

Сегодня мы смотрели виды для будущего клипа, а потом сидели с режиссером Ариной, пили чай-кофе. Арина в прошлый раз (полгода назад), когда мы собирались поговорить про клип, была в кофте с глубочайшим вырезом. И все, кто находился рядом, постоянно смотрели туда. А потом все сказали, что декольте такого размера — это такая штука, в которую не смотреть невозможно. Мне предложили в этот раз: «Ну позови ее домой, я посмотрю немножко в ее декольте и все». — «Не, — говорю, — встречаться будем в кафе».

Поэтому мы посмотрели виды и сидели пили чай. Арина журчала, журчала и меня совсем убаюкала. Некоторые меня толкнули и молча велели слушать внимательнее. А потом сказали, что я веду себя неприлично: раз мне неинтересно, то я и вида не делаю, а мирно засыпаю. А это была неправда, потому что мне в моем полусне все было слышно. И вот в какой-то момент я замечаю, что у Арины большой свежий шрам на щеке.

— А чем ты травмирована? — спрашиваю я прямо, уже не спя.

— Да это кошка. Иллюминация.

— Какая иллюминация?

— Зовут ее так, Иллюминация, Люша.

Я загибаюсь от смеха. Люша. Надо же. Кошка по имени Иллюминация. А вот у Самсонова Андрея, нашего саундпродюсера, два кота. Одного зовут Вегас, а другого Сверх. Приколитесь, как он их зовет: Сверх, Сверх, Сверх. Или Вегас, Вегас. Но Люша, конечно, удобнее.

16 ноября 2004 года

1. Надо срочно пойти и собрать листьев, чтобы сделать венок на голову на концерт, а то внезапно наступит зима и придется обдирать домашние растения.

2. Сегодня мы сходили на «We will rock you». Хватило на две трети представления. Одного из героев, героического парня, который погибает в борьбе с системой, зовут Алла Борисовна. Диалог двух других персонажей: «Мы должны бороться, потому что иначе получится, что зря погиб Алла Борисовна». Девушку погибшего, блондинку в шортиках, зовут Филя. Двухметровый каланча представляется басом: «Распутин». И добавляет: «Маша». Поют очень по-советски, то есть там, где Меркюри пел «уе-э-э», наши поют «у-у-у-м-м-м-е-е-е-е».

Есть среди эпизодических персонажей пупсик явно голубой направленности. Очень на него смотреть умилительно: он накрашен, как и все герои, но как-то особенно, пластика соответствующая, и в шляпе. Очень похож на Боя Джорджа. Мы сидели в первом ряду, поэтому все видели очень близко — вплоть до дырочек на колготках и сокращения косых мышц живота танцоров.

3. Наш басист Шура рассказал, что в группе «7Б» барабанщика, по-моему, дразнят Пушкиным, а у басиста, по-моему, погоняло Буратино. Есть шутка, что если они организуют отдельную группу, то она должна будет называться «Пушкин и Буратино». «Пушкин и Буратино» — это очень крутое название.

20 ноября 2004 года

С утра мы с трудом откопали машину, потому что ночью в Москве, наверное, не переставая валил снег.

В Нижнем тоже была метель. Когда мы сунулись погулять, носы чуть не отвалились, и мы вернулись в гостиницу, чтобы выпить кофе, как белые люди.

Справа от нас сидела куча детей лет двенадцати, пожиравших мороженое. Ничего из того, что было в меню, в реальности не оказалось, и официант, томный юноша с разбитым и от этого красным глазом, сказал: «Только растворимый».

— Ну что, — говорю, — давай, если с мороженым, то можно и растворимый.

Это был настоящий пломбир со вкусом настоящего пломбира с орехами. Дети в это время оживились.

— Бучч, да нет, не похоже. Да Бучч, Бучч. Да откуда…

В это время другие все доели и пошли одеваться. Столик, который был справа, специально замедлился и обсуждал меня. Мы, конечно, все слышали, но делали вид, что ужасно заняты своими делами.

Самым активным был толстый мальчик. Доносилось: «Ну почему я, не, я не пойду». Пришел учитель и наорал на них, что, мол, дети тянут, когда все уже собрались.

— Щас, Пал Иваныч, еще чуть-чуть.

Понятно, что они тянут. Толстый мальчик подошел, наконец, под общее перешептывание. И спросил:

— Извините, вы не Бучч?

— Нет, никакой не Бучч, — говорю.

— Нет, — сказал он уверенно, — вы Бучч. — И улыбнулся широкой улыбкой во все свое лицо. — Дайте автограф. — И сунул мне проездной.

Потом подошли дети с оставшегося столика, и все сунули проездные. Потом мы пофотографировались еще, и они ушли. И тут мы поняли, что сейчас будет.

Поочередно подошел весь класс, который вернулся с проездными…

Охрана на концерте была с убойными лицами, но в принципе очень вежливая. Нетрезвая девушка перегнулась через охранника и пыталась дотянуться до меня с чем-то хрустальным в руке. Э, думаю, что-то подарить хочет. При ближайшем рассмотрении это оказалась большая полупустая пивная кружка. А тянулась девушка вовсе не за этим. Тянулась правой рукой с кружкой, телом лежа на руке охранника, которая, как шлагбаум, ее

сдерживала, чтобы левой рукой передать бумажку. Бумажку она вбросила в итоге на сцену. Я пошла поднимать со словами «надеюсь, это деньги». Это была записка. Обычная такая записка, что я «фореве». Записка была написана на справке из поликлиники о том, что пациент прошел флюорографию и что патологии органов дыхания не обнаружено. Мы дружно порадовались за девушку. В том смысле, что патологии у нее нет.

Окончание работы над вторым альбомом. Уход барабанщика Пафы.

Еще мы вели переговоры с компанией «Юниверсал» и «Гала рекордз». «Гала рекордз», кстати, были готовы заплатить деньги за альбом.

Сначала мы надеялись на «Юниверсал». Но потом нам рассказали, что туда надо приходить со своим бюджетом. К тому моменту в альбом было вложено десять тысяч своих денег. «CD Land Records», с которым мы уже определись как со своей новой звукозаписывающей компанией, сказал: «Все отлично. Песни прекрасные, только нужен хит». И тогда мы написали еще четыре песни.

В сентябре 2004 года от нас ушел Пафа. Мы были на фестивале газеты «МК» в Уфе. На банкете после концерта Пафа сказал: «Мне надо с вами поговорить». Поклонники подарили нам две бутылки ликера местного производства — такой уфимский «Бейлис». Пафа купил еще бутылку коньяка. Мы должны были улетать в пять утра. Пафа сказал: «Такая фигня — я сваливаю». — «Ну понятно, — сказали мы, — а куда?» Он сказал: «К Чичериной». — «А что там тебе предложили?» — «Сто пятьдесят долларов концерт и десять концертов в месяц».

Пафа сказал, что на те деньги, которые мы получаем, нельзя жить. Это была правда. Сказал, что у нас все круто, что он в нас верит, но не может. Он снимает квартиру, он мужик и должен обеспечивать семью. Потом стал рассказывать, что у Чичериной два техника, и он даже не будет носить барабаны. И утром за ним придет автобус, ему купят бутылку пива и под белы рученьки заведут в автобус, а там — тур и все такое прочее.

На самом деле Пафу можно было понять. Он хлебнул этого воздуха — быть барабанщиком в первой группе страны и хотел чего-то в этом роде. «Чичерина» была одной из групп первого эшелона. Всем было хреново.

Потому что Пафа — реальный лидер группы, и его мнение среди музыкантов главенствовало, потому что мы его любили, он всегда хорошо шутил и был для нас воплощением мужественности. Но тут случилось странное. На первый план вышел Шура, который сказал, что у него есть на примете два барабанщика и что, собственно говоря, ничего не случилось. А тут еще Вова заявил той же ночью, что у него реальные проблемы с поездками, что его больше не отпускают с работы на гастроли, и все в очередной раз зашаталось.

Мы стали искать барабанщика. Прослушали трех отличных ребят. Среди них был красавчик Олег, очень стильный, совершенно вписывавшийся в концепцию группы. Но он не захотел уходить из коллектива, в котором на тот момент играл, его вполне устроило бы играть в двух сразу, а нас нет. Был Виталик — совершенно спокойная и даже неприметная личность. И мы пока еще его не выбрали, но уже отправились с ним в поездку. И вдруг Виталик преобразился. Он стал играть просто суперски. Он не только отлично и крепко играл, он импровизировал и устраивал барабанные шоу — прыгал на барабаны и играл стоя. И тогда мы поняли, что это наш барабанщик. Мы думали, что будем долго сожалеть о том, что Пафы с нами нет. А оказалось, что к приходу Виталика группа стала сплоченной, и каждый мог проявляться — Пафин авторитет не давил.

24 ноября 2004 года

Примерно 2,5 года назад, когда группе «Butch» номинально исполнилось полгода и в ней не было даже постоянного басиста, когда мы только-только сделали сайт www.butch.ru и на нем была пара нарисованных от руки картинок и чат, когда мы не сыграли еще ни одного сольного концерта, но уже выступили на «Нашествии» и готовились к «Максидрому», на мой почтовый ящик пришло письмо: «Трата-та бла-бла-бла… Я президент вашего фан-клуба». Из письма мне стало известно, что у меня есть фан-клуб, а у него есть президент. Президента звали Катя Жукова. Поскольку на то время у меня как у артиста опыта не было никакого, то фан-клуб естественным образом оказался у меня дома. Мне было любопытно, что такое фан-клуб вообще. А им было любопытно, что такое я. В фан-клубе было человек шесть. Или восемь.

Потом Катя как-то раз пригласила меня к себе на ужин. И у нее оказались милейшие родители и сестра Таня, которая потом будет тянуть на медаль и на одном из наших концертов будет скакать и повредит ногу, которую потом прооперируют, и она опять будет скакать. На ужин давали массу вкусной еды, и родители Кати пристально смотрели на меня — с целью оценить, что там такое мутит их ребенок.

Потом ее родители подарили мне отличную кепку — просто так. Я ее ношу весной козырьком назад.

С Катей и еще с кучей народа мы клеили афиши по городу. Был мороз минус двадцать, но мы пили глинтвейн из термоса и, разбиваясь на пары, расклеили по городу полтысячи афиш. Хотя артисты свои афиши клеить не должны, мы отлично повеселились.

Катерина закончила школу. Несмотря на то что внешне старалась выглядеть как трудный подросток, она совсем неплохо отучилась и поступила в один престижный вуз. В котором по сию пору и пребывает.

И вот год назад на день рождения мне неуверенно протянули нереального игрушечного медведя, которого сделала Марина Жукова, Катина мама.

То есть никто и не думал, что она его сама сделала, — до того он произведение искусства. При этом у него хитрая морда, и на белой майке написано «Butch». Он уютный, и у него есть горбик, поскольку горбик положено делать всем медведям. Иначе они и не медведи вовсе.

Марина, мама, отучилась на специальных курсах и стала

художником-теддистом. То есть художником, который делает мишек.

Потом Марина сделала мне еще одного медведя, с красными волосами и в юбке. Мохеровый и очень теплый — когда его берешь на руки, он греет. Сделала она его по фотографии. Имеет портретное сходство, говорят.

Потом появился еще один. Маленький и с крыльями сзади. Волосья черные. В белой рубашечке. Марина сказала, что он — муза.

Все, кто видел этих мишек, равнодушно мимо пройти не могут. Они редкие.

Пишу к тому, что мы ходили вчера на выставку мишек в галерею «Арт-Трофи» на Сретенке. Там их множество в маленькой комнате. Волшебные мишки: мишка в сарафане с длинными волосами — Аленушка, мишки вишневого цвета на палочке — Мишенки, мишка с длинной шеей в подштанниках — Антуан, мишки с мольбертом и кистями — Пабло и Сальвадор (Сальвадор длинноносый), мишка в кудрях — Сью, мишки на скамейках и мишуки на шахматном поле.

У Марины Жуковой там есть несколько работ.

29 ноября 2004 года

Наверное, у меня какой-то кризис. Потому что я точно знаю, чего не хочу, и довольно расплывчато — чего хочу. Четко понимаю, что мне нужен движняк, шумиха, люди, работа с людьми, а не с компьютером. Затворничество, чтобы выдавать, как писатели, по главке в день, в данном случае песенку на-гора, — хрена лысого, это точно не для меня. Буду себе сооружать движение.

Некоторые люди раздражают так, что хочется мило улыбнуться, но не видеть больше ни разу.

Что еще. Иногда я говорю, что вовсе не выбираю каждый день, которым живу. Надо менять.

30 ноября 2004 года

Сижу, перечитываю дневник и понимаю, что много всего за год сделано, а мне бы даже в голову не пришло. Еще в дневнике встречаются отличные предложения, типа «не успеешь что-нибудь начать, как оно уже тебя обязывает».

У меня двойственные ощущения: с одной стороны, есть чувство, что я хожу по кругу, а с другой стороны, что хватит предаваться унынию. Наверное, их в такой последовательности и надо расставить.

Мы близки к подписанию нового контракта с новым лейблом. Мы его выбрали из многих и верим в него, как в того, кто сможет. Они уже отдали нам половину денег за альбом, а я все ною и хочу, чтобы все началось и понеслось прямо сейчас и здесь. Какое же я нетерпеливое человеческое существо.

1 декабря 2004 года

За окном милейший снег.

Вчера мы договорились с салоном русской дизайнерской одежды, что будем там снимать. Он еще не открылся, поэтому можно развести там дым коромыслом. Я получаюсь Велюров, постоянно переодеваюсь. Русская дизайнерская одежда на человеке выглядит гораздо прикольнее, чем на вешалке. На вешалке все это не может спрятать свои секонд-хендовские корни. Непонятно, сколько времени должно пройти, чтобы туфли на шпильках перестали восприниматься ходулями. Непонятно, как люди это носят, — оно хоть и моего размера, а жмет страшно.

«А ты как хочешь, — сказали мне, — некоторые так всю жизнь. Отчего, ты думаешь, у них мозоли трудовые на ногах? От таких вот туфель».

Осталось несколько дней до съемок клипа. Необходимо купить белье и еще несколько деталей.

Сюжет клипа родился в голове у режиссера в тот момент, когда мы уже договорились обо всех подробностях другого сценария. Он нам изложил его вкратце, и все закричали: «Да, да! Давайте будем снимать про это».

Похоже, у меня в голове завершился цикл размышлений о том, что я бедная жертва обстоятельств, и стало понятно, что нужно добавить, а что убрать. А вот так поперечитываешь свой дневник и поймешь, что жизнь-то, оказывается, бурлит, а мне все кажется, что я стою на месте.

5 декабря 2004 года

Начался ремонт. Стук отдираемой плитки, стук разбираемой кровати, плеск воды в переносимом аквариуме, пыль, грязь и непонятно, куда себя преклонить. Понятно, что я больше всего хочу от этого откосить. Понятно, что я терпеть не могу неудобства. А что делать? Красота стоит жертв. Покрыли х…ми прошлых строителей раз тысячу.

Вчера на улице один чувак разговаривал с теткой, проходя мимо. Сказал ей: «…Там в горах скорость другая, никто никуда не спешит, живет себе». Как можно «жить себе» и никуда не спешить? Вот я чего не понимаю — не хотеть, не рваться, не добиваться, а «жить себе»…

Фотосессия в доме на Ленинградке. Они конечно же выволокли свадебное платье из соседней комнаты. И дали мне бейсбольную черную биту с красной полосочкой. И на шею надели ошейник с шипами. Ошейники и ремни в заклепках остались в наследство от Димы Сида. Фотограф сказал:

— Не смотри в телик. Бей битой в объектив. Агрессивнее. Еще. А ты орать можешь?

— Могу.

— Ну, ори.

— А-А-А-А-А-А!

8 декабря 2004 года

Ремонт приобрел размеры стихийного бедствия. Когда сняли полы, там оказалась гигантская куча мусора, в которой были десяток пивных бутылок, старые трубы, обрывки веревок и так далее. Единственное объяснение поведения строителей — это лень. Им просто лень было все выкидывать. Философ К. сказал: «Вот так находят клады. Это потом становится культурным слоем».

Единственный остров цивилизации — кабинет. Зато здесь теперь стоит все, что было в столовой, включая кастрюльки, цветы, телевизор, ящики и разобранный стол. Груды подушек подбираются к компьютеру и клавишам. Из щели под дверью доносится звук пилы и молотка, сочится каменная пыль. А я сижу и напеваю песенку.

С сегодняшнего дня я знаю:

1) из новостей — что такое ПСЖ (футбольная команда «Пари Сен-Жермен»);

2) от ведущего утреннего шоу на ТДК — что на «Норд-Осте» было два газа и что все его не только чувствовали, но и видели. Сам он был летчиком, который бил степ;

3) что один-единственный человек, который знал номер моего мобильника, сдал его третьему лицу. Потому что мне на мобилу позвонила мама третьего лица, чем меня сильно удивила;

4) что предзащита диссертации может помешать человеку из звукозаписывающей компании заниматься делами нашей группы.

2005

16 февраля 2005 года

Я снимаюсь в телесериале по Дарье Донцовой. Лежу и раскачиваюсь в гамаке. По сценарию мне полагается обмахиваться веером, но веер не нашли. Только вот гамак, зато хороший — везли издалека, на целый час съемки задержали. Гримерка выглядит так, как, по мнению режиссера сериала, где я снимаюсь, должна выглядеть гримерка уставшего рок-артиста. Гамак-то, уж конечно, обязателен. Приходит журналистка (Виола Тараканова):

— Кхе-кхе.

— Ты, что ль, из газеты? — Я устало приподнимаюсь с гамака. — Давай свои вопросы, только по-быстрому. Мне на сцену скоро.

Сначала надо было выучить роль. И мы сели с Ирой, которая Виола, подавать друг другу реплики. «А куда вы дели эту куртку потом?» — «Я отдала ее уборщице из нашего подъезда, Крысиной». Раздается дружный смех. Почему Крысиной? Ну ей фамилию такую придумали.

Роль мы выучили довольно быстро. Потом привезли гамак, который все ждали. И начали снимать. Уж не знаю, какой из меня актер, во всяком случае, под десятый дубль мы с текстом срослись, как с родным. По сценарию меня звали странным именем Ламэ. Поэтому художник сериала быстро переправил наши плакаты и развесил их по всей гримерке. «Ламэ, Ламэ» — смотрелось отовсюду. Актерский эпизод мы сняли на удивление быстро. Поели и уехали.

На следующий день мы весь день снимали, как рубилась группа. По переднему краю сцены юркий человек что-то засыпал в металлические колбы. Это был пиротехник. Играем мы песню, а у нас из-под ног брызжет сноп огня. Подошла массовка, и ситуация стала напоминать обычный концерт. С той только разницей, что все время некий голос говорил: «Камеры готовы? Начали». Дублей пятнадцать одной песни — и мы поняли, что совершенно ее отрепетировали. Теперь будем ждать сериала. Он выйдет, кажется, осенью. Один маленький эпизод, а сколько впечатлений.

10 марта 2005 года

Сегодня у нас **вышел второй альбом**. Прошло полтора года с момента выхода первого. Это большое событие и большое счастье для меня. В качестве концовки я помещу статью Капы Деловой из «Московского комсомольца» от 9 марта 2005 года, где она описывает то, что осталось за рамками дневника.

> «Иногда бывает — бежишь, очень быстро бежишь и получаешь от этого кайф… И вдруг неожиданная, жестокая подножка. И самое важное — устоять на ногах, справиться с собой. Чтобы бежать дальше. Возможно, с большей скоростью. Это предназначение сильных вообще-то.
>
> С Леной Погребижской — Бучч в один прекрасный весенний день что-то произошло. Вот именно — как гром среди ясного, безветренного неба. И вся жизнь превратилась сначала в оглушительный страх. Потом — в упорную борьбу с ним. Как сказал один бывалый персонаж: хочешь побороть свой страх — загляни ему в глаза.
>
> В состоянии ежедневного самопреодоления Бучч записала, между прочим, пластинку «Факел» (которая отрелизится буквально завтра). Очень приличную, напичканную свежими звучками и ощущением перспективы (саунд-продюсер — талантливый питерский электронщик Андрей Самсонов). И даже «Мегахаус» не предполагал, в каком болезненном куске жизни эта пластинка создавалась: Бучч, как человек волевой, делала незаметной свою слабость. Теперь вот, достигнув явного успеха («Факел») и относясь к себе с достойной самоиронией, решила заглянуть очень пристально страху в глаза. Вероятно, при помощи этого разговора. Хотя начался он совершенно с другого…
>
> — Знаешь, Лен… Земфира сделала абсолютно революционную пластинку, установившую такую высокую планку для остальных прочих! И ты вот выпускаешь свой альбом через десять дней вослед за «Вендеттой». Нет страха, что твой «Факел» просто-напросто потонет в волне того ошеломляющего действия, что оказывает сейчас на людей Земфирин альбом?
>
> **— У каждого есть место под солнцем. И у**

каждого есть свои поклонники. И воздействие моей пластинки на кого-то должно быть тоже ошеломляющим.

— Для тебя «Факел» — тоже ведь революция. В нем совершенно другая ты: написавшая собственные песни, интересно их спродюсировавшая…

— Хочется более светлой музыки, более позитивной, более легкой, более современной. Поэтому в «Факеле» изобилие электроники. Постарались сделать так, чтобы от этой музыки жить хотелось.

— Моментов преодоления было у тебя полно. Начиная с того, что заставила себя научиться писать песни. С нуля, с ничего, выработав алгоритм. И ведь преуспела: из амбициозного, но зависимого исполнителя превратилась в создателя. И тебя явно поперло… И вдруг — подножка?

— Да. У меня случилась передозировка кокаина. Это была абсолютная случайность — поскольку я вообще-то его не употребляю. Но тогда стало неудобно отказывать предложившим. В этот день мы в Питере на студии как раз записывали вокал, а у меня почти не было голоса. И тогда на связки залили адреналин. Так делают — чтоб голос ожил. И нормально — отписали вокальную смену. А вечером был день рождения, на котором как раз и насыпали этот белый порошок. Принятая доза была совсем небольшая, но в совокупности с адреналином дала геометрическую прогрессию. И случился страшный передоз — шесть часов борьбы за жизнь.

— Кома, реанимация? Как Уме Турман в «Криминальном чтиве», делали укол в сердце?

— На грани с этим. Было ощущение, что если я потеряю, отпущу сознание — то уже не вернусь. И все силы шесть часов уходили на то, чтобы удержать сознание: сбивалось дыхание, сердце колотилось, температура повышалась… Потом меня отпустило. Ну а потом начались эти ПАНИЧЕСКИЕ АТАКИ. То есть все эти симптомы передоза стали повторяться уже без всего. Приступы ужаса, ощущение, что рушится мир. И это стало происходить каждый день. Обратились к специалисту, он сказал: известная вещь — невроз (под названием «панические атаки»).

— Сколько же времени ты так живешь? Когда этот

передоз случился?

— Ровно год назад.

— Получается, альбом ты записывала в таком состоянии?

— Большую его часть — да. Но когда работаешь — панические атаки не наступают. Точнее, они отступают.

— А во время концертов с тобой такое происходит?

— Было во время записи акустики на радио. И ничего, оказывается, можно петь во время приступа.

— То есть ты себя контролируешь усилием воли?

— Просто выхода нет. Надо петь — пою. А паническая атака продолжается.

— Что конкретно ты чувствуешь? Можешь разложить это по составляющим?

— Паническая атака — общее состояние и настроение мое. Наваливающееся чувство безотчетного страха и ужаса, тоски, уныния, паники. И физически — сердцебиение и дрожь по всему телу.

— И ты живешь в ощущении беспрерывного бессмысленного страха?

— В приступах этого страха.

— Но это как-то можно себе объяснить?

— Можно. Это психология. От передозировки был очень сильный удар по нервной системе, именно химический удар. И вот следствия…

— Ты ходишь к психоаналитику?

— Хожу. Он копается в глубинах подсознания, но это особо не помогает. Реально помогают таблетки-антидепрессанты. Они делают эти приступы более редкими.

— Есть легенда, что в измененном состоянии сознания творчество получается гораздо более «затейливое»…

— Фиксировать в песнях такое «измененное состояние», как паника, невозможно. Поскольку это очень опустошающе, там нет никакой энергии. Даже разрушительной и темной. Это — пустота, в этом страхе ничего не содержится. И все песни «Факела» написаны в промежутках между страхом. Как раз когда хочется жить и радоваться жизни, в светлые периоды. А их пятьдесят на пятьдесят с темными. Борьба с приступами отнимает много времени жизни, но выход один — работать. Чем больше занятости —

тем скорее отступает болезнь.

— А были помехи работе? Допустим, концерты ты из-за этих приступов отменяла?

— Было такое. У нас был первый маленький тур по четырем городам. А у меня несколько улучшилось состояние, и я решила перестать пить таблетки. А оказывается, эти таблетки нельзя прекращать принимать внезапно. И наступил такой страшный синдром отмены, стало гораздо хуже. Меня затрясло, как при малярии, начало сводить судорогой… И ехать никуда невозможно. Мы отменили четыре концерта.

— Заплатили неустойки?

— Да, из меня даже чего-то там вычитали.

— Вот ты мне все это сейчас рассказываешь. А у тебя нет страха показаться людям больной, ненормальной? Организаторы концертов начнут от тебя отмахиваться?

— Да не больше, чем сейчас. (В разговор вступает директор Бучч Ольга Данова. Директора рок-артистов ведут себя в основном как иезуиты, навязывая фальшь и профанацию в отношениях с поклонниками и прессой. Но здесь — случай иной. — *К. Д.*). **Знаешь, скольких артистов на гастролях бедные организаторы с трудом откачивают из наркотически-алкоголических «заплывов»? Вся фигня-то в том, что Ленка наркотиков никогда не употребляла. И с алкоголем особо не дружила, и траву не курила. И все это произошло от ее слишком положительного образа.**

Бучч:

— Это случилось из-за моей безответственности. Ведь любой дурак знает, что наркотики — это зло. И зачем их пробовать тому, кому они вообще не нужны? Мне тогда нужно было жестко сказать «нет» на все уговоры.

— Слушай, нет ни одного человека в роке, попе и попароке, который бы хоть раз не пробовал наркотики. Более того, те, кто говорит, что не имеет об этом представления, как-то подозрительны. Такое простодушие и дитячество неадекватное…

— Ну да, незнание обедняет.

Данова:

— Ну вот и она решила поэкспериментировать. А чего: все нюхают дорожки на толчке, давайте и я попробую. И влипла. Очень простая история. Видимо, это какой-то удел. Поскольку вся эта «невмененка»

любого творческого человека рано или поздно настигает. Вполне возможно, это подсознательное стремление. Ведь творческие люди торгуют собой: душой, эмоциями. Отдают все то, что остальные копят, оставляют при себе. И где находится та речка, из которой нужно попить, чтобы все это опять к тебе вернулось… Может быть, в этом.

Бучч:

— Нет, я так не думаю. Я считаю, что это (измененное состояние) как грипп. Но вот у меня сейчас засел вирус — и я его вылечу. Не нужна мне никакая невмененка-измененка для того, чтобы работать. Наоборот, из-за нее работать невозможно. Слишком много сил уходит на борьбу. И ничего в этом нет творческого. И надо бы поскорее мне излечиться и продолжать жить дальше.

— Кто знает об этих твоих проблемах?

— Все, кто имеет со мной дело.

— А музыканты, которые с тобой играют?

— Они ждут, когда я слезу с таблеток и начну пить коньяк.

— А их все это не пугает? Это же нестабильность, знаки вопроса. Вот вы не поехали на гастроли — они не получили денег.

— Ну я же вылечусь.

— Что изменилось в твоем образе жизни?

— Постоянно и максимально стараюсь себя чем-то занимать. Если выходной — составляю план посещения знакомых.

— Тебе к тому же нельзя оставаться одной?

— Да, но сейчас уже прогресс. Достижение последнего месяца — умею быть в одиночку. С помощью тренировок. Сначала час, потом два, теперь три. Но ночью все равно не могу быть одна. Самый ужас подступает.

— А когда твой близкий человек куда-то уезжает?

— Приезжают друзья, которые принимают вахту. Или я к кому-то уезжаю.

— А как ты изменилась в поведении?

— Я же пью таблетки. Поэтому эмоциональный мир сильно сузился. То есть я проявляюсь как гораздо более спокойный человек. Даже слегка заторможенный. Смеюсь меньше. Я теперь как бы человек серьезный, с таким постоянным выражением

лица: как у Валерии. Мне тут сказали на последнем концерте: дошло, на кого же ты похожа — на певицу Валерию. Как у нее — выражение лица на всех песнях одно и то же.

— Лицо-маска, что ли?

— Типа того. Меня тут отымели за вчерашний концерт в «Б2».

Данова:

— Я Ленку знаю полтора года. И никогда не бывало, чтобы она на концертах не отдавалась полностью. А вчера именно так — вообще ноль включения. Вышел — отпел — ушел. Побочный эффект таблеток — сильнейшая утомляемость. То есть если она утром съездила куда-то, вечером перед концертом у нее просто нет сил. Одно желание — упасть и спать.

— А люди на концерте что-то заметили?

— Ничего. Публика иногда больше рада тому, что у артиста нет эмоциональных сил. Кто-то мне сказал из психотерапевтов, что энергия страдания гораздо вкуснее. И если музыкант на сцене страдает, ему нехорошо — это публике нравится гораздо больше.

— М-да… Давайте хоть чуть-чуть про пластинку поговорим. Хоть она и окрашена в этот кусок жизни… Вот вы напихали на обложку всяких голых тел. Зачем?

— Хотели обнажиться.

Данова:

— Хотели показать лицо человека. Его внутреннюю составляющую через внешнюю обнаженность.

Бучч:

— Капа, у меня тут был star-чат. И меня спрашивали: в каком возрасте мне отрезали яйца, когда мне сделали операцию по смене пола, и с какого на какой. Вот такие у людей вопросы. Потому мы показали и на обложке, и в клипе «Факел-любовь» женскую сторону мою. Но без перегибов.

— Ах да, в клипе есть одна твоя голая грудь на фотографии. Правда, не сразу поймешь: то ли твоя, то ли девушки, которая с тобой в клипе фигурирует…

— Моя, моя грудь.

— Концепт альбома, мессидж?

— Факел: горение, радость жизни, свет. У меня тут было интервью с немецкой журналисткой,

которая специально приехала из Берлина в Таллин на наш концерт, чтобы сделать материал. А у меня английский такой: очень хорошо все понимаю, но очень плохо говорю. И вот она спрашивает: какой мессидж ты несешь. Я ей: be a life.

— Небось кряжистая, коротко стриженная журналистка?

— Точно, как в воду глядишь. Но не из комьюнити. Из какого-то нормального женского журнала.

— Хм, а в женских журналах знаешь сколько работает девушек из лесбо-комьюнити! Кстати про лесбийское сообщество: по-прежнему тебя одолевают, в иконы свои затаскивают?

— Одолевают, но и много юношей приходит на концерты. Наши фэны есть наши фэны. С кем бы они там ни спали. Нельзя же гнать кого-то с концертов поганой метлой, а кого-то за белы рученьки приводить. Мы любим наших слушателей такими, какие есть. А себя не позиционируем совершенно никак. Мы хотим быть для всех.

— Ну этот альбом очень широкий. Воздушный. Там есть песни, под которые хочется распахнуть руки и на цыпочках потянуться наверх. Это говорит о том, что ты тоже тянешься куда-то вверх…

— Ну да… Он как выход из какого-то заточения.

После того как споткнешься — бежишь быстрее. Факт».

notes

Примечания

1

Саундчек — настройка звука перед концертом.

2

Сквот — как правило, заброшенный или близко к этому дом, предоставляемый для бесплатного жилья богемному народу.

З

Лейбл — звукозаписывающая компания.

4

Райдер — запросы группы, которые высылаются организаторам концертов.